

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2020, том 3, № 3

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2020, volume 3, No. 3

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2020, том 3, № 3

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» - международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

10.01.00 Литературоведение:

- 1) 10.01.01 Русская литература.
- 2) 10.01.02 Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы).
- 3) 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы).

10.02.00 Языкознание:

- 1) 10.02.19 Теория языка.
- 2) 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.
- 3) 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии и Африки.

13.00.00. Педагогические науки:

- 1) 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 2) 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).
- 3) 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает докторов и кандидатов наук, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике принять участие в дискуссии по предлагаемому рубрикатору и **бесплатно** опубликоваться. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяет обеспечить самый широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей, а также работами в языкознании, литературоведении, теории и методике обучения и воспитания, теории и методике профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвящённых разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых учёных и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-33-21

E-mail: kazan-linguo@mail.ru

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, Курский государственный университет, заместитель директора по учебно-методической работе

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинская государственная академия культуры

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, заведующий кафедрой теории и практики перевода

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, профессор кафедры немецкой и французской филологии

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры теории и практики перевода

Редькин Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, заведующий кафедрой арабской филологии

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания Российской академии наук, заведующий сектором прикладного языкознания

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, декан Высшей школы иностранных языков и перевода

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры иностранных языков

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, заведующий кафедрой теории и практики перевода

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Яхин Фарит Закиязович – доктор филологических наук, профессор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, заведующий отделом текстологии

Петер Коста – доктор наук, профессор, университет г. Потсдам, Германия

Хаяти Девели – доктор наук, профессор, председатель Института Юнуса Эмре, Стамбульский университет, Турция

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2020, volume 3, No. 3

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

10.01.00 Literary studies:

- 1) 10.01.01 Russian literature.
- 2) 10.01.02 Literatures of the people of the Russian Federation.
- 3) 10.01.03 Foreign Literature.

10.02.00 Linguistics:

- 1) 10.02.19 Language theory.
- 2) 10.02.20 Historical, typological and comparative linguistics.
- 3) 10.02.22 Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia.

13.00.00 Pedagogical Sciences:

- 1) 13.00.01 General pedagogics, history of pedagogics and education.
- 2) 13.00.02 Theory and methodology of teaching and education (by areas and levels of education).
- 3) 13.00.08 Theory and methodology of professional education.

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of «Kazan linguistic journal» sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: PI № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Phone: +7 (843) 221-33-21

E-mail: kazan-linguo@mail.ru

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Kursk State University, Deputy director for education (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow City University, Professor of the department of English studies and crosscultural communication (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of foreign languages in international relations (Kazan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies (Moscow, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of Russian and world literature (Kazan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State University, Head of the department of Translation Theory and Practice (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Head of the department of linguodidactics and translation studies (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Head of the department of German and French philology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of Russian and world literature (Kazan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Higher School of Economics National Research University, Academic Supervisor of Faculty of Humanities (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of Theory and Practice of Translation (Kazan, Russia)

Redkin Oleg Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, Head of the department of Arabic philology (St. Petersburg, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Head of the sector of Applied linguistics (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Dean of the Higher school of foreign languages and translation (Kazan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of foreign languages (Kazan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Head of the Department of the English language and translation theory and practice (Nizhny Novgorod, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Head of the department of Russian and comparative philology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of Russian and world literature (Kazan, Russia)

Shakhovskiy Victor Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Peter Costa – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam (Potsdam, Germany)

Hayati Develi – Doctor of Science, Professor, Chairman of the Yunus Emre Institute, Istanbul University (Istanbul, Turkey)

СОДЕРЖАНИЕ

• Языкознание. Теория языка	
Магомедова С.М., Эльдарова Б.Э. Семантические особенности фразеологических выражений в языке фешн-индустрии	156
• Языкознание. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	
Петров С.Ю. «Божественное» происхождение ряда слов русского языка	171
• Языкознание. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Америки, аборигенов Америки и Австралии	
Садыкова Э.Р. Концепт “Türk milleti” (турецкий народ) в турецком дипломатическом дискурсе	197
• Литературоведение. Русская литература	
Тушев А. Н. Восприятие русского модернизма консервативной критикой	210
• Литературоведение. Литература народов Российской Федерации	
Сафина Г.Ф. Образ-символ крыльев в татарской поэзии Второй половины XX в.: семантическая структура и особенности функционирования (на примере лирики Сажиды Сулеймановой)	224
• Литературоведение. Литература народов стран зарубежья	
Замалиева З.И., Файзерахманова Р.Р. Развитие современной китайской фантастической литературы в XXI веке	243
• Педагогические науки. Общая педагогика, история педагогики и образования	
Кондратьева И.Г. Преподавание иностранного языка: билингвальный и мультилингвальный лингвистический опыт студентов	254
• Педагогические науки. Теория и методика обучения и воспитания	
Мирзиева Л.Р., Куликова Е.Н., Ли Сьюань. Эффективность коротких сюжетных историй в обучении интенсивному чтению на китайском языке	265
• Педагогические науки. Теория и методика профессионального образования	
Бабенко О.В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков	289

CONTENT

<ul style="list-style-type: none"> • Linguistics. Language theory 	
Magomedova S.M., Eldarova B.E. Semantic features of hraseological expressions in the language of the fashion industry	156
<ul style="list-style-type: none"> • Linguistics. Historical, typological and comparative linguistics 	
Petrov S.Y. “Divine” origin of some Russian words	171
<ul style="list-style-type: none"> • Linguistics. Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia 	
Sadykova E.R. The concept Türk milleti (Turkish nation) in Turkish linguoculture	197
<ul style="list-style-type: none"> • Literary studies. Russian literature 	
Tushev A. N. Perception of Russian modernism by conservative criticism	210
<ul style="list-style-type: none"> • Literary studies. Literatures of the people of the Russian Federation 	
Safina G.F. The image-symbol of the wings in the tatar poetry second half of the twentieth century: semantic structure and features of functioning (on the example of Sazhida Suleymanova's lyrics)	224
<ul style="list-style-type: none"> • Literary studies. Foreign Literature 	
Zamalieva Z.I., Fayzerakhmanova R.R. The development of modern Chinese science fiction literature in the XXI century	243
<ul style="list-style-type: none"> • Pedagogical Sciences. General pedagogics, history of pedagogics and education 	
Kondrateva I.G. Foreign language teaching: bilingualism and multilingualism background	254
<ul style="list-style-type: none"> • Pedagogical Sciences. Theory and methodology of teaching and education (by areas and levels of education) 	
Mirzieva L.R., Kulikova E.N., Li Siyuan. Efficiency of short stories in intensive reading teaching on Chinese lessons	265
<ul style="list-style-type: none"> • Pedagogical Sciences. Theory and methodology of professional education 	
Babenko O.V. Audiovisual translation as relevant issue of university translators' preparation	289

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'26

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.156-170

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ФЕШН-ИНДУСТРИИ

С.М. Магомедова, Б.Э. Эльдарова

saidat.m@mail.ru

*ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала, Россия*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются семантические особенности английских фразеологических единиц в сфере модной индустрии. Язык модной индустрии, в частности фешн-журналов, малоизучен и привлекает большое внимание лингвистов к исследованию лексико-семантического состава данного феномена, что позволяет лучше понять ценности, пропагандируемые данной субкультурой, которую можно считать частью общечеловеческой истории и культуры. В этой связи изучение фразеологических выражений в текстах современных англоязычных фешн-журналов представляется актуальным и перспективным в ракурсе рассмотрения национальной специфики мышления народа и ее отражения в английской фразеологии. Также была предпринята попытка классифицировать фразеологические единицы по дифференциальным признакам «внешний вид», «карьера/общественная деятельность», «романтические отношения».

Ключевые слова: английский язык, фразеология, фразеологические единицы, фразеологическое выражение, национальная специфика мышления, язык фешн-индустрии, дифференциальные признаки.

Для цитирования: Магомедова С.М., Эльдарова Б.Э. Семантические особенности фразеологических выражений в языке фешн-индустрии. Казанский лингвистический журнал. 2020; 3(3): 156–170.

SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS IN THE LANGUAGE OF THE FASHION INDUSTRY

S.M. Magomedova, B.E. Eldarova

saidat.m@mail.ru

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. This article is devoted to the semantic features of phraseological units in the fashion industry. The language of the fashion industry, in particular fashion magazines, is poorly studied and attracts a lot of linguists' attention to the study of the lexical and semantic composition of this phenomenon, which makes it possible to better understand the values promoted by this subculture, which can be considered part of human history and culture. In this regard, the study of phraseological expressions in the texts of modern English-language fashion magazines seems relevant and promising from the perspective of considering the national specifics of the thinking of the people and its reflection in English phraseology. An attempt was also made to classify phraseological units according to the differential characteristics, such as «appearance», «career / social activity», «romantic relationship».

Keywords: English, phraseology, phraseological units, phraseological expression, national specificity of thinking, the language of the fashion industry, differential features.

For citation: Magomedova S.M., Eldarova B.E. semantic features of phraseological expressions in the language of the fashion industry. *Kazan linguistic journal*. 2020; 3(3): 156–170. (In Russ)

В эпоху бурного развития межкультурной коммуникации национально-культурная специфика того или иного языка, позволяющая лучше понять духовную жизнь, менталитет, ценности определенного лингвосоциума, представляет собой неисчерпаемый интерес для лингвистов. Особое значение в этой связи приобретает изучение фразеологических единиц языка, обладающих компонентным составом, семантикой, внутренним образом, отличающихся этнокультурной окраской.

Фразеология является одним из важнейших разделов лингвистики. Это самая яркая, образная, эмоциональная часть языка, часто совершенно непереводаемая на другой язык. Фразеологизмы строятся на своеобразных, характерных только для той или иной культуры образах. Исследование особенностей фразеологических выражений в текстах различных функциональных стилей является перспективным направлением в лингвистике.

Научная новизна исследования в статье состоит в том, что впервые была предпринята попытка комплексного исследования ФЕ в англоязычных модных журналах и предложена их лексико-семантическая классификация. До сих пор изучение ФЕ на материале фэшн-журналов ограничивалось фрагментальным исследованием отдельных групп ФЕ, в частности ФЕ с компонентом «цвет» [7, с.169–172].

Существуют различные трактовки понимания понятия «фразеологизм».

Согласно Д.Э. Розенталю, фразеологизм (лексическая единица, идиома, устойчивое выражение) представляет собой лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [5, с. 66]. Таким образом, ученый обращает внимание на такую характерную черту фразеологизма, как устойчивость.

Об этой черте ФЕ говорят и другие ученые: по определению К.Я. Авербуха, фразеологизм – это «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением» [1, с.10].

Е.В. Комарова под фразеологизмом (фразеологической единицей (ФЕ), фразеологическим выражением) понимает воспроизводимое, относительно устойчивое сочетание слов, в том числе служебного и знаменательного, прошедшее семантическую трансформацию и имеющее обобщенно-переносный смысл [4, с. 381].

И.И. Чернышева характеризует фразеологизмы как «устойчивые воспроизводимые раздельнооформленные сочетания слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентного состава» [9, с. 29].

В английском языке фразеологизмы не только используются в литературной речи, но и широко распространены в разговорной речи. Почти каждый человек, говорящий на английском языке, использует несколько фразеологических единиц в одном речевом акте [6, с. 25].

Повышенный интерес у исследователей вызывает семантика фразеологизмов и закономерности их употребления в процессах организации высказывания. Принято различать фразеологию, исследующую фразеологические идиомы и фразеологические сочетания, прежде всего, связанные значения слова, и фразеологию в широком смысле, изучающую также и устойчивые фразы разных структурных типов с различными семиотическими функциями. Это могут быть единицы фольклора, фрагменты художественных текстов, формулы приветствий и т.д.

Фразеология изучает специфику фразеологизмов в качестве знаков вторичного образования, как продукта особого вида вторичной номинации – косвенной, представленной синтагматическим взаимодействием слов-компонентов в процессах переосмысления и формирования нового значения

исходного сочетания или отдельного слова. Изучаются особенности знаковой функции фразеологизмов, их значений, структурно-семантическая специфика, проявляющаяся в основных признаках фразеологичности – устойчивости и воспроизводимости, исследуется природа лексических компонентов фразеологизмов, их синтаксическое и морфологическое строение, характер синтаксических связей с другими единицами языка и формы реализации в речи, природа ограничений в модификациях, возможных для свободных аналогов фразеологизма. Особыми задачами в исследовании фразеологии ученые считают изучение системных связей как между самими фразеологизмами, так и между фразеологизмами и словами и изучение процессов фразеологизации в их номинативном и коммуникативно-функциональном аспектах, а также описание фразеологической деривации – образования новых значений слов на базе значений фразеологизма. Разработка проблем системности связана с описанием фразеологизмов как особых языковых сущностей, обладающих специфической структурно-семантической организацией, с изучением типов их значения, с анализом явления фразеологической полисемии, омонимии, вариантности, с выявлением грамматических классов фразеологизмов и с раскрытием их синтаксических функций. В этой связи актуальным представляется исследование специфики функционально-стилистической дифференциации фразеологизмов, а также соотношения нейтральных для языка лексических способов номинации и экспрессивно окрашенных наименований фразеологического характера.

Основными критериями выделения фразеологизмов считаются такие качества, как идиоматичность словосочетания, его устойчивость и воспроизводимость, постоянство состава его компонентов, образность и т.д. [10, с. 288–290].

Неопределенность состава фразеологизмов, связанная с тем, что к фразеологии отнесены единицы, выделенные на основании неоднородных признаков, приводит отдельных исследователей к выводу о необходимости более точно определить критерии «фразеологичности» и в соответствии с ними

строже очертить объемы и границы фразеологии. В этой связи фразеологические выражения, которым не свойственна семантическая нерасчлененность значения, некоторые исследователи не включают в состав фразеологизмов, аргументируя тем, что особенность этих сочетаний состоит в том, что одно из слов ограничено в своей сочетаемости, а другое – нет.

В данной статье вошли общеизвестные фразеологизмы современного английского языка, зафиксированные в фразеологических словарях, а также были отобраны фразеологические выражения, описывающие конкретно области индустрии моды и представляющие большой интерес для лингвистов с точки зрения новизны, прагматики и метафоричности значений. Данные фразеологические сочетания отличаются от авторских неологизмов и окказионализмов тем, что отобранные нами выражения представлены не единожды у разных авторов, в разных журналах, в разные времена, что дает нам основания причислить их к области фразеологии.

Материалом для анализа стали статьи пяти известных англоязычных онлайн-версий журналов мод: «Glamour», «Harper's Bazaar», «Marie Claire», «Elle», «Vogue» за 2014-2020 годы. Нами было отобрано 150 фразеологических единиц, которые были взяты из статей по темам, связанным с модой, красотой, а также из интервью с дизайнерами и моделями.

Нами была предпринята попытка классифицировать ФЕ по дифференциальным признакам, таким как **«внешний вид»**: *green thumb, dressed-to-kill dress code, black sheep, groundbreaking looks, millennial pink, a feather in one's cap, whip up a brand new look, stylish assassin* и т.д.), **«карьера/общественная деятельность»** (*to go the extra mile, fashion icons, mover and shaker, to cement one's status / fame, to cause a stir, to amp up the glamour quotient, to make a splash* и др.), **«романтические отношения»** (*extinguished flame, to seek the upper hand, on the same page, zoom wedding, to walk down the aisles, tie the knot* и др.).

Учитывая специфику статей фешн-журналов «Glamour», «Harper's Bazaar», «Marie Claire», «Elle», «Vogue», можно отметить, что большинство

фразеологизмов занимают фразеологические единицы с дифференциальным признаком «внешний вид». Семантическая группа ФЕ с признаком «внешний вид» связана, в первую очередь, с описанием одежды, стиля, тренда, мейк-апа, аксессуаров, обуви и т.д.

*It's no mystery why street style photographers so love a **model off-duty**; there's a singular charm in the collision of **post-show hair** and **make-up** with personal style (Vogue 06.03.2019).*

Словосочетание «*off-duty*» переводится как «вне службы» [3, с. 511]. А в данном контексте имеется в виду мода без строгих ограничений и четких стилистических установок. Выражения «*post-show hair*» и «*post-show make-up*» специфичны для языка модной индустрии, и они используются для описания состояния внешности (в частности волос и макияжа) девушки после шоу, вечеринки, какого-либо события.

Send Your Sneaky Spanx on Vacation: Designers Give The Green Light to Visible Granny Panties (Glamour 02.10.2011).

«*To send on vacation*» – «отсылать в отпуск», отправлять в отставку, прекращать использовать [3, с. 422]; «*Give the green light*» – дать «зеленую улицу», открыть путь» [3, с. 187]. В статье разъясняются современные тенденции в моде, а автор прибегает сразу к двум фразеологическим выражениям, которые за счет своей образности наглядно рисуют перед читательницей образную картину того, что можно надевать, а что нельзя. Также проводится мысль о том, что журнал помогает сделать правильный выбор в одежде.

Хотя считается, что журналы о моде посвящены только одежде, на самом деле это не всегда так. В данных журналах обычно можно найти множество разнообразных материалов: новости из мира моды, статьи о знаменитостях, интервью с дизайнерами и моделями, сводки о взаимоотношениях и многое другое.

В этой связи нами были объединены фразеологизмы в другую группу с дифференциальным признаком «карьера/ общественная деятельность».

Карьера, в первую очередь, связана с работой дизайнеров, модельеров и знаменитостей, создающих моду, диктующих ее и выполняющих определенные функции:

*This collection didn't lose sight of that – he never forgets his **wardrobing duties** (Vogue 31.05.2020).*

*This week, as she took over hosting duties on The Ellen Show, she **brought that vibe** to the talk show circuit (Vogue 24.01.2020).*

*In a silver Chanel mini-dress with her hair slicked back, Stewart was undeniably fresh, and she's **brought that vibe** to the festival ever since (Vogue 14.05.2020)*

Слово *vibe* в данном контексте используется в значении ауры, направления в стиле.

Таким образом, журналисты любят вводить в фэшн-тексты новые слова и выражения. Это помогает сделать текст журнала ярким, образным и наполненным свежим взглядом.

*The model **made a splash** back in 2016 in an Alexandre Vauthier's gown with a slit that extended above the hip bone (Vogue 14.05.2020).*

Фразеологизм «*to make a splash*» не зафиксирован в словарях, но он описывает то, что производит сильное впечатление на окружающих.

*Be it battling emotional abuse, or struggling to make it in your career, there's an unparalleled power that comes from knowing you've fought and won; that **you've walked through the fire** and proved to yourself that you could even do it all again if the stars so happen to align that way (Harper's Bazaar 23.12.2019).*

Фразеологическая единица «*to walk through the fire*» («идти сквозь огонь; рисковать») [2, с. 248] описывает в английском языке непростую ситуацию, при которой человек вынужден преодолевать сложности. Карьерный путь модели к успеху непрост.

Еще одной распространенной темой в фэшн-журналах становятся романтические отношения. В данную семантическую группу вошли такие категории, как «свадьба», «брак», «семейные отношения».

В журналах можно встретить советы о том, как строить отношения с мужчинами и новости о личной жизни знаменитостей.

Рассмотрим, с какой прагматической целью используются при этом фразеологические единицы.

An old flame flames out. When Leslie reconnected with her first love, everything fell into place. Then he vanished (Vogue 09.02.2012).

Выражение *old flame* имеет перевод «бывший любовник (любовница); старая любовь» [8, с. 277]. В заголовке семантика фразеологизма расширяется при помощи добавления глагола «*to flame out*» – «выгорать». Так журналист обыгрывает буквальное значение лексической единицы «*flame*», что переводится как «пламя». Такой прием привлекает к заголовку внимание читателей, выделяет его на общем фоне.

Тематика «огня и пламени» широко представлена во взаимоотношениях между знаменитостями:

“Are we doing the cover of i-D now, babes?” asks Perry in the Mockney accent of her troublesome ex-husband, the British comedian Russell Brand, and her recently extinguished flame, Orlando Bloom (Vogue 13.04.2017).

В ходе исследования был выявлен ряд семантических особенностей фразеологических выражений, используемых в статьях модных журналов.

1. Во-первых, журналисты изданий о моде активно пользуются общеизвестными фразеологизмами и **трансформируют** их, подстраивая их под специфику тематики (моды). Например, в данном предложении

While it’s natural to seek the upper hand, it turns out that, if you have too much power over your partner, it can become surprisingly unattractive (Vogue 13.07.2014).

Известный, зафиксированный в словарях фразеологизм «*to get the upper hand (on someone)*», что означает «получить преимущество; иметь превосходство над кем-либо; господствовать», получает трансформацию (глагол «*get*» заменен глаголом «*seek*»), которая сделала возможным нарушить устойчивость и постоянство состава ФЕ (которые считаются главными

отличительными критериями фразеологизмов), для того чтобы привести в контекст оттенок значения «постоянное стремление и поиск способов превосходства»

2. Трансформация нередко ведет к расширению границ ФЕ, включая в свой состав больше участников, чем изначально заявлено. Так, в примере

Chanel Fine Jewelry: A Feather in Your Cap – Or Hair, Or Around Your Neck (Vogue 14.04.2020).

«*A feather in one's cap*» означает «предмет особой гордости». В заголовке журналист использует такой прием, как **расширение лексического состава фразеологизма**, добавляя к слову «*cap*» контекстуальные синонимы «*hair*» и «*neck*». Все три слова обозначают части тела или одежды, куда можно поместить какой-либо яркий объект, который будет притягивать взгляды.

3. В следующем примере используется фразеологизм не в переносном, а в прямом значении, то есть происходит **обратная трансформация, переход от абстрактного к конкретному**:

But when a bad hair day gradually grows into a bad hair week, it's time to call on a deep-conditioning mask (Harper's Bazaar 06.04.2020).

Фразеологизм «*bad hair day*» имеет в английском языке значение «неудачный день, когда все идет не так, как надо» Однако, в «*Harper's Bazaar*» используется этот фразеологизм в прямом смысле как описание плохого состояния волос, которое может перейти в *a bad hair week*, если не предпринять экстренные меры. В данной трансформации наблюдается прием каламбура, двусмысленность понимания текста, для создания комического эффекта. Здесь же в примере *a bad hair week* наблюдается неологизированное выражение, созданное по принципу построения по аналогии с уже существующим фразеологизмом *bad hair day*

4. В журналах о моде редко используются пословицы и поговорки. Они придают тексту назидательность, от которой современный журнал стремится уйти. Также не используются устаревшие фразеологические единицы,

историзмы и архаизмы. В то время как неологизмы приветствуются. Например, выражение «*to cement one's status / fame*»:

Her appearance in 2010 at the premiere of Robin Hood in Laurence Xu's "dragon robe" cemented her status as a Cannes innovator (Vogue 14.05.2020).

It's an assemblage of the outré costumes that originally helped to cement Gaga's fame (Vogue 29.05.2020).

Данный фразеологический неологизм не встретился ни в письменных словарях, ни в онлайн-переводчиках.

Одни из последних неологизмов, выявленных нами при анализе статей, ярко отражают недавние события в мире. Например, мы видим появление в фэшн-журналах таких сочетаний, как «*zoom wedding*», «*virtual ceremony*», «*virtual wedding*» и т.д.

Например:

Here's how to set up your zoom wedding (Vogue 08.05.2020) / Вот как организовать вашу свадьбу в zoom.

Some couples, however, are sticking to their original dates with virtual ceremonies that guests are invited to attend via video conference (Vogue 19.04.2020).

Можно отметить, что выражение «свадьба в zoom» сейчас можно найти и в русскоязычных интернет-изданиях, потому что проблема пандемии затронула все страны, в том числе и Россию. Пока что нет зафиксированного в словарях фразеологизма «*zoom wedding*», но если вирус задержится надолго, то и выражение для описания таких свадеб рискует стать устойчивым.

В этой связи необходимо отметить такие языковые особенности ФЕ в журналах мод, как актуальность и релевантность фразеологизмов в режиме реального времени.

5. По семантической оценке большинство фразеологизмов в модных журналах имеют положительную коннотацию. Однако, ирония в которых они используются авторами статей, привносит оттенок диаметрально противоположного градуса. Так, например, выражения *dressed to kill*, *groundbreaking look* ярко описывают эпатажный, невероятный, вызывающий

образ, который читательница журнала вряд ли рискнет повторять, но о котором интересно почитать.

*Sure, she's **dressed to kill**, per se, but the glitzy, chintzy ball gowns, skimpy bathing suits, and leather catsuits that leave very little to the imagination have gotten a tad redundant over the years (Vogue 05.11.2015).*

*Here, a primer on the festival's current queens and their **groundbreaking looks** (Vogue 14.05.2020).*

6. Необходимо также отметить и такую особенность ФЕ в фешн-журналах как семантического переосмысления значения уже существующей ФЕ, в результате которого рождаются совершенно новые фразеологические выражения. ФЕ *dressed to kill* породило совершенно новое выражение (*stylish assassin*), характерное только для фешн-индустрии, для обозначения настолько стильного человека, который сразит всех наповал своей неотразимостью.

*Neither is her status as the world's most **stylish assassin** (Vogue 12.04.2020).*

7. В некоторых примерах происходит **сдвиг значения ФЕ, сужение и конкретизация** ее значения в определенной сфере, смещение фокуса внимания. Так, например выражение «*black sheep*» в предложении

*As for "**black sheep**"? It's easy to feel like one (Vogue 04.11.2019).*

означает «паршивая овца; позор семьи». В журналах мод данный фразеологизм описывает человека, пришедшего на важную встречу в неподходящем дресс-коде.

8. Следующей особенностью ФЕ является **сдвиг сферы употребления, трансформация и расширение значения** ФЕ.

Так, в примере

*Some guests attend Cannes to promote their films; others are there **to amp up the glamour quotient** (Vogue 14.05.2020) (техническая сфера).*

выражение «*to amp up quotient*», которое «перекочевало» из технической сферы, и в журнале о моде оно приобретает новую «гламурную» жизнь, добавляя в данную ФЕ элемент «*glamour*», создавая иронический эффект.

*Garden brows are the new way to improve your **green thumb** (Vogue 28.03.2018) (садоводческая сфера).*

«*To have a green thumb*» обозначает «иметь талант к садоводству, быть умелым садоводом» [8, с. 444], но в статье в «*Vogue*» реализуется значение «способ украсить брови». Наклеивая различные украшения на брови, можно украсить себя для какого-либо особого случая, так, можно создать для бровей растительный дизайн. В контексте статьи данная идиома выражает умение рисовать вокруг бровей растительный рисунок и наклеивать зеленые блестки, тем самым создавая эффект каламбура в данном тексте.

Killing Eve is already one of the most stylish shows on TV right now, and season three has a new costume designer, Sam Perry, who is whipping up a brand new look for the label-loving Villanelle (Vogue 12.04.2020) (гастрономическая сфера).

Фразовый глагол «*whip up*» относится к гастрономической лексике («сварганить», «состряпать») [2, с. 251], который в словосочетании «*whip up a brand new look*» обретает совершенно новое смысловое содержание. Автор статьи прибегает к метафорическому сравнению работы дизайнеров с работой повара, основанной на творческой деятельности, сочетающей неожиданные ингредиенты, которые рожают новый вкус. Так же и в своей работе дизайнеры должны экспериментировать, создавая новые образы.

9. С точки зрения прагматики, фразеологические выражения используются в статьях как **способ создания дополнительной экспрессивности текста.**

Журналисты вводят в тексты экспрессивные фразеологические единицы (*Old Flame, stylish movers, shakers and tastemakers, make a splash* и т.д.), заменяя ими нейтральные слова и словосочетания, усиливая этим впечатление от текста. В фешн-текстах активно применяются метафоры (*to run out of steam, tickled pink, give the green light*), гиперболы (*death-defying heels, shocking pink*), эпитеты (*high-end fashion, post-show hair*), каламбуры, ирония и другие стилистические средства. Это создает выразительный, образный язык статей.

Таким образом, в фешн-индустрии положительные по семантике и образные фразеологические выражения являются средством повышения

выразительности и экспрессии текстов. Они позволяют экономить место, так как кратко передают большой объем информации. Они дают характеристики модным трендам, описывают произошедшие события в моде, подчеркивают яркие факты из жизни дизайнеров и моделей, отражая реалии. Фразеологизмы помогают раскрыть позицию журнала, дать образную оценку событию в модной индустрии (тем самым подчеркивая национально-культурную специфику мышления носителей английского языка), ярко и четко выразить мысль, сделать язык статьи красноречивым и емким.

Литература

1. *Авербух К.Я., Карпова О.М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 172 с.
2. *Комарова Е.В.* Особенности использования и функции фразеологизмов на разных уровнях художественного текста. Мир науки, культуры и образования. Горно-Алтайск, 2019. № 5. С. 380–388.
3. *Мюллер В.К.* Большой англо-русский русско-английский словарь. М., 2018. 636 с.
4. *Розенталь Д.Э.* Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Минск: Оникс, Мир и Образование, Харвест, 2008. 624 с.
5. *Савицкий В.М.* Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара, 1993. 172 с.
6. *Стенина Е.А.* Роль фразеологизмов с компонентом цветообозначения в индустрии моды и красоты (на материале английского, итальянского и русского языков). Инновационное развитие науки и образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Пенза, 2019. С. 169–173.
7. *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.
8. *Шитова Л.Ф., Брускина Т.Л.* Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. М.: «Антология», 2019. 256 с.

9. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. М., 1977. 355 с.

10. Шпаковский В.Ф., Шпаковская И.В. Большой универсальный англо-русский словарь. М., 2009. 815 с.

References

1. *Averbukh K.Ya., Karpova O.M.* (2009). Lexical and phraseological aspects of translation: textbook. М.: Izdatel'skii centr "Akademiya". 172 p. (In Russian)

2. *Komarova E.V.* (2019). Features of the use and function of phraseological units at different levels of literary text. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya. Gorno-Altaysk. № 5.* Pp. 380–388. (In Russian)

3. *Muller V.K.* (2018). Big English-Russian Russian-English Dictionary. Moscow. 636 p. (In Russian)

4. *Rosenthal D.E. Telenkova M.A.* (2008). Handbook of the Russian language. Glossary of linguistic terms. Minsk: Oniks, Mir i Obrazovanie, Harvest. 624 p. (In Russian)

5. *Savitsky V.M.* (1993). English phraseology: modeling problems. Samara. 172 p. (In Russian)

6. *Stenina E.A.* (2019). The role of phraseological units from color designation components in the fashion and beauty industry (based on the material of English, Italian and Russian languages). Innovative development of science and education: collection of articles of the VI scientific-practical conference. Part 1. Penza. Pp. 169–173. (In Russian)

7. *Chernysheva I.I.* (1970). Phraseology of the modern German language. М.: Vysshaya shkola. 199 p. (In Russian)

8. *Shitova L.F., Bruskina T.L.* (2019). The English-Russian Dictionary of Idioms and Phrasal Verbs. Moscow: "Anthologiya". 256 p. (In Russian)

9. *Shpakovsky V.F., Shpakovskaya I.V.* (2009). Big universal English-Russian dictionary. Moscow. 815 p. (In Russian)

10. *Shmelev D.N.* (1977). Modern Russian language. Moscow. 355 p. (In Russian)

Авторы публикации

Магомедова Саидат Магомедовна –
к. филол. н., старший преподаватель
кафедры английской филологии Факультета
иностранных языков

Дагестанский государственный
университета

г. Махачкала, Россия.

Email: saidat.m@mail.ru

Эльдарова Бела Эльдаровна –
Факультета иностранных языков
Дагестанский государственный
университета

г. Махачкала, Россия

E-mail: belaeldarova@mail.ru

Authors of the publication

Magomedova Saidat Magomedovna –
Candidate of Philological Sciences, Senior
Lecturer, English Philology Chair, Department
of Foreign Languages

Dagestan State University

Makhachkala, Russia

Email: saidat.m@mail.ru

Eldarova Bela Eldarovna
Department of Foreign Languages
Dagestan State University
Makhachkala, Russia.

E-mail: belaeldarova@mail.ru

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

УДК 81-13

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.171-196

**«БОЖЕСТВЕННОЕ» ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РЯДА СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА**

С.Ю. Петров

sypetrov@mail.ru

Технический переводчик, г. Омск, Россия

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается словарная семантика лексем *дева*, *дочь*, *невеста*, приводимая в существующих отечественных и иностранных этимологических словарях. Актуальность темы определяется известной неудовлетворительностью и устарелостью имеющихся этимологизаций этих слов, а также недостаточно точной словарной глоттохронологической методологией. На основании применения явления диссимилиации звуков [д/н] и теории чередования матерей чтения автор предпринимает попытку собственного определения их реальной этимологии.

Ключевые слова: бог, воздавать, давать, дева, диссимилиация, дочь, невеста, индоевропейская теория, теория чередования матерей чтения, этимология.

Для цитирования: Петров С.Ю. «Божественное» происхождение ряда слов русского языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 171–196.

**“DIVINE” ORIGIN
OF SOME RUSSIAN WORDS**

S.Y. Petrov

sypetrov@mail.ru

Technical translator, Omsk, Russia

Abstract. Semantics of the Russian words *дева* ‘a maid, a girl, a virgin’, *дочь* ‘a daughter’, *невеста* ‘a bride’ existing in Russian and foreign etymological dictionaries is examined in the article. The relevance of the topic is determined by inadequacy and obsolescence of the existing etymologies of the words, as well as by insufficient glottochronology. On the basis of the application of the phenomenon of [d/n] sound dissimilation and the *matres lectionis* alternation theory the author makes an attempt to introduce his own etymology of the words under question in the light of this theory.

Keywords: бог (‘lord, god’), воздавать (‘render, give back’), давать (‘give’), дева (‘a maid’), дочь (‘a daughter’), невеста (‘a bride’), dissimilation, etymology, the Indo-European theory, the *matres lectionis* alternation theory.

For citation: Petrov S.Y. “Divine” origin of some Russian words. *Kazan Linguistic Journal*. 2020; 3(3): 171–196.(In Russ)

Разбор слова *дева* начнём с анализа имеющейся в словарях этимологии слова *невеста*. По поводу происхождения этого слова было, как в таких случаях говорят, сломано немало копий, но все этимологические словари русского языка единодушно сходятся в одном: слово происходит от «неведомая», «не ведающая», в слове однозначно выделяется отрицание «не» и корень со значением ‘знать, ведать, и такая этимология объявляется решённой.

Фасмер об этом говорит с полной уверенностью: «Лучшей по-прежнему остаётся стар. этимология, которая видит здесь первонач. знач. «неизвестная» (не+ведать), ср. в.-луж. wěsty «известный, определенный», ěwěsty «неизвестный» [14, с. 54–55].

В словаре П.Я. Черных также приводится этимология лексемы *невеста*, но от иных сем. Сразу оговариваясь, что в этимологическом отношении слово спорное, Павел Яковлевич сравнивает *невеста* с лат. *poverca* ‘мачеха’ (от *novus* ‘новый’) и предлагает иную гипотезу, без отрицания, – сложение двух корней *nev* + *ved*, **nev-ved-t-a*, как бы вновь вводимая (в род) женщина [15, с. 563–564]. В этом же смысле высказывается В.В. Мартынов о том, что невеста – та, кто приходит из другого рода (*nevěsta* < *neuois-ta* < *neu-oik-ta*, индоевропейский корень **oik-*, то есть ‘иного рода, неродная’), но русского, или общеславянского в этом русском слове здесь всё же недостаточно, в русском языке нет ничего похожего на **oik*/**oic* со значением «род».

Больше всех про *невесту* написал О.Н. Трубачёв. В семистраничной статье «**nevěsta*» в его «Этимологическом словаре славянских языков», в частности, говорится: «Слову **nevěsta* посвящена довольно большая... литература, причем авторы предлагают весьма разнообразные этимологич. объяснения, общим итогом чего может оказаться вывод, что **мы имеем дело с этимологически темным словом**» (выделено нами, – С.П.). Трубачёв считает, что «...из многих этимологий представляется целесообразным выбрать одну старую этимологию, согласно которой ***nevěsta* читается как довольно прозрачное в этимологическом (и словообразовательном) отношении слово, к тому же, хорошо мотивированное в плане этнопсихологии**» (выделено

нами, – С.П.), что не мешает ему одновременно цитировать Ф. Миклошича: «nevesta kann lautlich als die "unbekannte" gedeutet werden, was wieder sachlich nicht passt», (*фонетически невесту можно интерпретировать как «неизвестное», что опять же не соответствует действительности – перевод и курсив наш, – С.П.*)». Далее Трубачёв добавляет: «первонач. адъективность имени "nevesta = 'неизвестная'... совершенно очевидный факт наличия здесь сложения отрицания не- с прилаг. (причастного происхождения) *vestь от гл. *vesti, vedть, *vedeti. Эту "неизвестность" невесты необязательно понимать буквально (*а как тогда?* – С.П.) как якобы вытекающую из условий древнеродовой экзогамии, к чему склонны некоторые ранние исследователи» [17, с. 70–76].

Выводы по лексеме *невеста* расщеплены: при всей её этимологической «прозрачности» она признаётся тёмной.

То, что Олег Николаевич пишет далее, являет собой пример научного домысливания, а лучше сказать, домыслов, основанных на якобы прозрачной этимологии: «Речь, скорее, должна идти о некой "игре в неизвестность", – пишет он, – как то подсказывают нам "обряды молчания" по отношению к невесте, невестке в первые дни после вступления её в дом жениха, мужа, обычай обращаться с ней, как с незнакомым человеком – что интересно – *совершенно независимо от того, знали или не знали её раньше домочадцы мужа*» [17, с. 72].

Если неизвестность не важна, то зачем по этой неизвестности была названа невеста? Это всё равно, что деревяшку называть железкой *совершенно независимо от того из какого материала она сделана*. Определив «прозрачную этимологию», Трубачёв развивает своё выдумывание далее, размышляя об обряде молчания.

К сожалению, об обряде молчания у славян в отношении невесты нам не удалось найти ровным счётом ничего, but let me be refuted by the scrupulous reader.

Имеются данные об обряде скрывания невесты, который мог бы подразумевать некую неизвестность. Вот, что известно об этом обряде, бытовавшем в некоторых отдалённых районах России (на стыке нынешних Архангельской и Вологодской областей) в конце XIX начале XX вв., населённых чудью: «...Завершая свадебный обряд, он [отец жениха] выполняет ритуал «скрывания молодой»: снимает с ее головы и лица шаль, кладет в шапку мужа, подчеркивая этим жестом подчиненность ее положения. Молодая целует и одаривает сначала свёкра – «богоданного батюшку», а потом и свекровь, «богоданную матушку», и остальных членов новой, уже «своей» семьи [4].

Как видно, некий обычай существовал локально, вероятно, и не в одном месте, но это не даёт основания переносить его на общеславянское название новобрачной.

Касательно обычая умыкания невесты (если предположить её «неизвестность» ввиду умыкания чужой девушки из дальнего кишлака или аула) можно сказать следующее: у кочевников и народов всю свою историю живших набегами и грабежами, умыкание (читай, похищение человека), вероятно, и существовало. Такие обычаи издревле были в обиходе, но не на славянской почве. Например, в Книге Судей Израилевых, 21:19-22, описывается намерение восстановить утраченное колено Биньямина путём умыкания девственниц силомян: «вот, каждый год бывает праздник Господень в Силоме (ныне поселение Шилó)... И приказали сынам Вениамина и сказали: пойдите и засядьте в виноградниках, и смотрите, когда выйдут девицы Силомские плясать в хороводах, тогда выйдите из виноградников и схватите себе каждый жену из девиц Силомских и идите в землю Вениаминову; и когда придут отцы их, или братья их с жалобой к нам, мы скажем им: простите нас за них, ибо мы не взяли для каждого из них жены на войне, и вы не дали им; теперь вы виновны».

Об умыкании невест, как обычном явлении у земледельцев-славян, веками живших на одном месте оседло, нам слышать не приходилось (если не считать недостоверные по интерпретации и сомнительные по содержанию

заявления типа «а брака оу нихъ не бываше, но умыкиваху оу воды дѣвица» [9], в которых «оу воды» следует читать как «уводы», а не «у воды», а если речь не шла о браке, то о каких невестах можно вести речь?). Со своей будущей невестой славянскому жениху, как правило, хотя бы кратковременно всё же доводилось сталкиваться. Во всяком случае, неизвестность будущей супруги не была настолько выраженной и массовой, чтобы её по этой неизвестности называть.

Но того же мнения – невеста от «не ведать», – и прочие исследователи. Все, от лингвистов до психологов и этнологов, занимающихся изучением обрядов, в том числе свадебных, – объясняют слово *невеста* как неведомая, неизвестная. И далее эту этимологию подхватывают прочие гуманитарии: «Слово “невеста” восходит к единственному значению – “неизвестная” от невед (ведать), – говорится уже в педагогическом пособии по семьеведению, – Во время свадебного пира невеста должна была молчать и не снимать фату. У адыгов и таджиков жених после сговора не говорит не только с невестой, но и с будущими тестем и тещей... У сибирских татар, хантов и манси новобрачные часто видели впервые друг друга на брачном ложе» [12]. К сожалению, специалистам других наук приходится пользоваться не совсем выверенными данными из тех самых словарей, которые мы здесь рассматриваем, и тем самым распространять далее непроверенные данные.

Описанные обычаи, конечно, прекрасны и безусловно романтичны, но как они относятся к славянам и их языкам? Слово *невеста* относится к общеславянским, но можно ли допустить существование восточных нравов и обычаев в среде всех славянских народов? Хорошо, древляне по Нестору «умыкиваху оуводы» без бракосочетания, но о невестах и женихах речи здесь не идёт. Таковы ли были обряды у всех остальных славян? Даже среди босняков-мусульман таких обычаев нет и основная терминология в свадебном обряде славянская [13].

«Полная изоляция невесты позднее заменялась разными формами скрывания (прятанья)» – говорится в том же учебнике семьеведения. –

«Накануне свадьбы часто выводили мнимых, поддельных невест и женихов. В Сардинии жених обязан был узнать невесту или по обнаженным ногам среди выстроенных в ряд девушек, или среди девушек, сидящих в полном молчании. Если жениху во все три раза не удастся поймать свою невесту, то, значит, он берет не свою суженую» [12].

Как задиравшие невестам юбки средиземноморские островитяне соотносятся со славянами? Действительно ли наши предки называли новобрачную неведомой или неизвестной исходя из такого весьма кратковременного и отнюдь не славянского обряда?

Коль скоро известно, что обычай умыкания и традиция лишения молодых какого-либо знакомства вплоть до свадьбы у восточных народов распространён повсеместно, то у кого, как не в их языках найдём мы лексемы, передающие неведомость умыкнутой девушки? И наверняка именно там мы найдём доказательство неизвестности в номинации невесты.

Однако и там мы этого не встречаем. У манси невеста *маньнэ*, букв. «маленькая женщина», у ираноязычных народов мы видим ср.-перс. *jastaka* ‘невеста’, букв. «просимая», «испрашиваемая», курд. *dasgiran* ‘невеста’, букв. «взятая за руку (*das(t)+gir(ift)an*, ‘рука’+ осн. гл. «брать»)), др.-евр. כלה, каля, ‘невеста’, от араб. كليل, клиля ‘венец’. Пратюрк. основа **gele-* ‘просить, ухаживать, свататься’, давшая в тюркских языках, в том числе, у татар, *келин/гелин*, в свою очередь восходит к пратюрк. основе **gel-* ‘(в)ходить’. Тадж. *арӯс* ‘невеста’ происходит от ср.-перс. *arus*, авест. *auriša-* и родственно осет. *урс/урш* с общим значением «белый» [10, с. 228–229]. Как мы видим, умыкание невесты ни в одном из восточных языков не предполагает неизвестности в её назывании.

Странное дело, никаких тайн и неизвестностей в номинациях невесты у восточных народов нет. Неизвестность невесты предлагается только в славянских языках, хотя как раз неведомость невесты славянам свойственна в наименьшей мере.

Так ли обоснована сема неизвестности при этимологизации славянской невесты?

Возведение невесты к не+ведать в славянских языках противоречит здравому смыслу. Если Трубачёв в статье «невеста» приводит греч. когнат $\nu\beta\mu\phi\eta$, [нимфи], то нет ли и там отрицания или это слово имеет иное происхождение?

Для того, чтобы попытаться дать верную на наш взгляд этимологию интересующего нас слова, обратимся к индоевропейским когнатам числительного *девять*, которое, как известно, произошло от другой формы, способной дать нам ключ к ответу на вопрос о слове *невеста* в русском языке. Гипотетическая индоевропейская основа числительного *девять* **neun* при индоевропейских формах (ср.-в.-нем. *neghen*, голл. *negen*, др.-в.-нем. *niun*, нем. *neun*, готтск. *niun*, др.-анг. *nigen*, др.-сакс. *nigun*, др.-фриз. *niugun*, др.-ирл. *noin*, валлийск. *naw*, др.-норв. *niu*, шведск. *nio*, а также лат. *novem*, греч. *ennea*, санскр. и авест. *nava*, алб. *nende*,) более, чем убедительна.

Однако славянско-балтийские формы этого числительного (ц.-слав. *девети*, укр. *дév'ять*, ст.-слав. *девъѣтъ*, болг. *дéвет*, сербохорв. *дèвѐт*, словен. *devêt*, чеш. *devět*, словц. *devät'*, польск. *dziewięć*, в.-луж. *dźewjeć*, н.-луж. *źewjeś*, лит. *devynì*, лтш. *deviņi*, *devīņi*) вместо ожидаемой **невятъ*, или **nevyni* все как одна имеют диссимилированные формы, в которых начальный [н] везде единообразно перешёл в [д], либо наоборот балто-славянские формы сохранили начальный [д], а в остальных языках (см. предыдущий абзац) произошла диссимиляция.

Так или иначе, что мешает нам допустить подобную диссимиляцию при этимологизации *невесты*? Точнее, в данном слове следует говорить, видимо, об ассимиляции.

В слове *невеста* вполне мог иметь место обратный процесс, переход [д>н], **девеста* > *невеста*. И, если так, то истинная сема *невесты* – дева.

И в таком случае никакого отрицания там нет. Невеста всегда, или в большинстве случаев дева, в смысле, молодая, девица. В данном случае,

в **девеста* суффикс *-ст-* мог произойти из метатической перестановки аффрикаты «ц» (*тс > ст*), *девица > *девиста > *девеста > невеста*. А сербскохорватская форма *не́ва* ‘невеста’ (ср. др.-греч. *νύμφα* ‘невеста, молодая девушка’ с назальным элементом – слово из пресловутого догреческого субстрата, т.е. без этимологии) как раз и представляет собой чуть замутнённую ассимиляцией форму *де́ва*.

Вот и вся этимология слова *невеста*. Ничего лишнего сюда добавлять не надо, не надо приплетать чужих и чуждых славянам обрядов и обычаев. Чем проще, тем ближе к истине, на которую, впрочем, и мы не претендуем.

Семь печатных страниц об одном слове говорят либо о намерении увести от истины, либо о невежестве, прикрываемом многословием. Чего стоит заявление Трубачёва о поисках этимологии *невесты*: «Старая этимология слова *nevěsta* настолько очевидна (!!! – С.П.), что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными (!!! – С.П.). **Можно заранее сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению!**»

Самонадеянно. *Невеста* это **девеста*, *дева*, *девица*, а не «неведомая».

Именно об этом чередовании, [*д > н/н > д*], писал Ю.В. Откупщиков в статье «*Стыгда», приводя пары русск. *гроздь/грознь* ‘гроздь’, *борозда/борозна* ‘борозда’, болг. *стъгда/стъгна* ‘стогна’ [8, с. 161].

Вероятно (вероятно!), что и в слове *нега* (ст.-слав. *нѣга*, ср. сербскохорв. *њега* ‘присмотр, уход’ имело место подобное чередование, **дѣга/нѣга*, **дѣжный/нѣжный*, (ср. лат. *tenere*, ‘протягивать, простирать’, откуда производные по языкам *tend (to)*, *attendance*, *attention*, *tender* и др.) делая *нежный* (<**дежный*) однокоренным с *надежда*, *надёжный*.

Также вероятно, что в слове *недра*, ст.-слав. *нѣдра*, на почве диссимиляции могло иметь место схожее чередование **нен(ь)ра*, роднящее его с *нора* и *нырять*. В свою очередь, при русск. *нора* и *нырять* то же чередование мы видим в русск. *дыра* (<**ныра*), укр. *но́ра*, др.-русск. *нора*, чеш. *nora*, словц. *porit'(sa)* ‘погружаться, нырять’, польск. *nora*, *nura* ‘нора’, русск.-цслав.

вънръти, *вънръж*, словен. *pondréti*, *pondrè̃m* ‘окупаться, нырять’, *rópor*, род. п. *ronóra*, ‘понижение, пропасть’, болг. *нóрвам* ‘бросаюсь вниз головой (в воду)’. Фасмер считает **dira/*nyra* контаминацией [14, с. 82–83], но мы склоняемся к тому, что здесь имеется диссимиляция звуков по способу их образования.

Можно пойти дальше и предположить (только предположить!), что этноним неметов (племя которых, по мнению Тацита, без сомнения относилось к германцам, хотя происхождение их названия возводится к кельтскому [8], от которых, как утверждается, произошёл этноним *немцы*, в свете чередования $\delta > н/н > \delta$ неплохо коррелирует с названием западнокельтских *деметов* [2].

Русскому *нерест* в словенском соответствуют *drèst* ‘икра (рыб, лягушек)’ и *drestíti se* ‘метать икру’. Такая форма наводит нас на идею связать *нерест* и *друстать*, и отметить всё тот же переход $\delta/н$. Видимо, последнее когда-то могло иметь глагольную форму **нрустать*, либо, наоборот, – *нерест* от *друст*, т.е. **дерест*.

То же, видимо, можно видеть в украинском префиксе *де-* в *деякій* (из **неякій*), *декілько* (из **некілько*), соответствующих русским *некий*, *несколько*.

Это же чередование, $н-д/\delta-н$, видно в слове *небо* (*небеса*) внутри балтославянских (лит. *debesìs* ‘облако’, др.-лит. род. мн. *debesũ*, лтш. *debesis* ‘то же’, *debess* ‘небо’), а также в греч. *δνóφος*, *γνóφος* ‘тьма’.

Интересно было бы также сопоставить греч. *νοῦς*, нус ‘интеллект, смекалка, ум’ с балтославянскими когнатами, – лтш. *dūša*, общеслав. *душа́*, *доуша*, *dúša*, *duše*, *dusza* и проч. из праслав. **duxīā*.

Таким же образом, *ныне* (др.-русс. *нынѣ*, *ныня*) также могло пройти через процесс диссимиляции, **дьне > ныне*, что делает этимологию *ныне* более, чем прозрачной – от *день*, а не от *новый*, как в словарях. «БІ» в слове могла развиться из «Ь» в *дѣнь* для разделения оказавшихся рядом одинаковых

звук и удобства произношения, **дьне* > **ньне* > *ныне*. *Ныне* практически идентично *днесь* (из **дьньсь*). Возможно, *ныне* и развилось из *днесь*.

Также отметим, что начальному звуку [n] в балто-славяно-германских когнатах слова *ночь* (лит. *naktis*, лтш. *nakts*, др.-прусс. *naktin*, укр. *ніч*, блр. *ноч*, др.-русс. *ночь*, ст.-слав. *ношть*, болг. *нощ*, сербохорв. *ноћ*, словен. *poč*, чеш., слов. и польск. *нос*, в.-луж. *nóс*, н.-луж. *нос*, полаб. *nüс*, др.-анг. *niht*, зап.-сакс. *neahht*, англск. *næht*, *neht*, др.-сакс. и др.-в-нем. *naht*, др.-фриз. И голл. *nacht*, др.-норв. *natt*, готтск. *nahts*, совр. нем. *Nacht*) так же единообразно соответствуют звуки [t/d] в тюркских когнатах (др.-тюрк. *tün*, караханидск. *tün*, *dün*, и подобные формы в турецк. *tün/dün*, тат. *tön*, ср.-тюрк. *tün*, узб. *tun*, уйг. *tün*, азерб. *tün*, туркм. *tün*, хакасс. *tün*, шорск. *tün*, ойротск. (алт.) *tün*, якут *tün*, долганск. *tün*, тув. *tün*, тофаларск. *tün*, кирг. *tün*, каз. *tun*, ногайск. *tün*, башк. *tön*, балкарск. *tün*, гагауз. *tün*, караимск. *tün*, каракалп. *tün*, кумыкск. *tün* – все с практически одинаковыми формами *tün/tön/tun/dün*.

Такое равномерное чередование говорит о том, что источник был один, и что это распределённое по языковым группам чередование универсально и свойственно не только балто-славянским, или только индоевропейским, а охватывает и ностратику.

В просторечном *ндрав* оба чередующихся элемента представлены по соседству.

Оговоримся, что все примеры в предыдущих абзацах являются плодом наших личных наблюдений и предварительных заключений, которые вполне могут оказаться отчасти или даже полностью ошибочными. Их ещё нужно проверять и доказывать.

Но, из того, что *невеста* является развитием **девесты*, то есть, форма с [д] старше формы с [н], можно сделать вывод о том, что праиндоевропейская основа названия числительного девять (**neun-*) является, как говорилось выше, более поздней эволюцией балто-славянских форм.

Удивительно, что происхождение *невесты* из *девицы* (*девица* > **невица* > **невиста* > *невеста*, либо *девица* > **девиста* > **невиста* > *невеста*)

за полтора столетия исследований никому и никогда не приходило в голову! Вот что происходит, когда этимолог отказывается отбросить, казалось бы, очевидное отрицание в слове, и вот что происходит, когда непременно нужно вывернуть наизнанку славянскую форму и выдумать обычаи, которые никогда не были свойственны славянам.

В слове *невеста* нет отрицания! Невеста – слово светлое, позитивное и жизнеутверждающее! Объективна ли здесь наука? От большой ли любви к славянам и их языкам выводится негативная этимология одного из самых чистых и высоких их слов?

Закрывая обсуждение *невесты*, кратко коснёмся его германских когнатов. Считается, что гипотетическая прагерманская основа **bruthiz* дала др.-фриз. *breid*, др.-в.-нем. *brut*, нем. *Braut*, голл. *bruid*, др.-англ. *bryd*, совр. англ. *bride*, все со значением ‘невеста’, то есть, та, с кем заключается брак [19].

Русское слово *брак* в значении ‘брачный союз’ считается исконно славянским и происходит от глагола *брать* (в мужья/замуж), из праславянской основы **bor-* с расширением *-k* ‘брать’. Откуда тогда приведённые выше германские формы?

Словари говорят, что германские формы происходят из гипотетической праиндоевропейской основы **bhreu-* со значениями ‘варить’, ‘кипятить’, ‘кипеть’, ‘пузырить(ся)’, ‘гореть’, образующего дериваты со значениями ‘варить’, ‘готовить’. Невеста по германской этимологии – та, которая стряпает, стряпуха. Оставим такую этимологию на совести этимологов-германистов. Для них **такая** этимология, видимо, предпочтительней поисков общих со славянами корней [11].

Следующая в нашем дискурсе лексема – *дочь*.

В германских языках она представлено деривативами из прагерманской основы **dokhter* (др.-норв. *dóttir*, др.-фриз. и голл. *dochter*, нем. *Tochter*, готтск. *Dauhtar*, ср.-англ. *doughter*, др.-англ. *dohtor*, из **dhutēr*, из кот. др.-сакс. *dohtar*), которая выводится из гипотетической праиндоевропейской основы **dhugheter*.

Из этой же основы др.-перс. *doxtar*, санскр. *duhita(r)*-, авест. *dugədar-*, арм. *dustr* и греч. *thygater*.

И в этом же ряду балто-славянские формы, лит. *duktė*, род. п. *dukter̃s*, *dūkrà* (из **duktrā*), *podukrà*, *podukrė* ‘падчерица’, др.-прусс. *duckt*, *duktė*, русск. *дочь* (род. п. *дочери*), уменьш. *дóчка*, *дóня*, др.-русс. *дочи* (из **дъчи*), укр. *доч* (род. п. *дóчери* (*дочкá*)), ст.-слав. *дъшти* (род. п. *дъштере*), болг. *дъщеря*, др.-чеш. *dci*, чеш. *dcera*, словц. *dcéra* и проч.

В русских этимологических словарях, если не считать версию у Черных: «м.б. (т.е. **может быть!!!** для подстраховки – С.П) от **dheugh* ‘доить, кормить грудью, давать молоко’» [15, с. 265], этимология *дочери* не выводится никак.

В словарных статьях, как обычно, перечисляются когнаты по языкам без указания их старшинства.

Но это не этимология. Это собирание схожих форм по языкам и возведение по одной из гипотетических теорий к гипотетическому праязыку гипотетического народа. Этимология, то есть истинный смысл (от др.-греч. ἔτιμον – истина) ядерной лексики в особенности, ни современными лингвистами, ни их предшественниками чаще всего не раскрывается. Факты собираются правильно, но выводы из собранных фактов либо вообще не делаются, либо делаются выводы, из этих фактов не вытекающие, ложные и неверные выводы.

Какова же истинная семантика лексемы *дочь*? Это ведь не просто, как утверждал Соссюр, произвольный языковой знак, случайный набор звуков, разбросанный по языкам. У этого, как и у прочих слов, есть смысл и логика номинации.

Здесь следует очень кратко упомянуть о нашей теории, или гипотезе о чередовании матерей чтения (*alternatio matres lectionis*) в данном случае в русском языке, которую мы применим в нашей попытке этимологизации *дочери*.

Чередование матерей чтения широко и систематически представлено в семитских, индоевропейских иранских, но рудименты его также наблюдаются

и в других языках, входящих в другие языковые семьи, в частности, в прочих индоевропейских, тюркских, а также в славянских. Рассмотрим его на примере славянских.

Гласные звуки [о] и [у] образовались из огласованного слогаобразующего согласного «въ», в котором на месте «ъ» (шва) имелась любая из огласовок – [ва], [ве], [ви], [во], [ву], [вы] или [v'ja], или шва, [въ]. Из любого из этих слогов образовались неслоговые гласные [о] или [у].

Так, словари объясняют лексемы *кур* ('петух'), *кура* и *курица* как звукоподражание, приводя болг. *кокошка*, сербскохорв. *кокош* и т.д. Однако, по теории чередования матерей чтения, в ныне односложном слове *кУр* мы усматриваем ещё один слог, который там был раньше, «вы», предшествовавший появлению неслогового [у] – **коВЫр*. Следовательно, современное *кура* имело форму **ковыра*, и, соответственно, слово *курица* ранее выглядело как **ковырица*, что коррелирует с поведением и со способом питания этого более чем полезного народнохозяйственного существа.

Следовательно, к той же форме восходят словенское *kùr(a)*, чешское *kour*, *kur*, словацкое *kúr*, польское *kur*, верхне- и нижнелужицкое формы *kur*. Но тогда к каким формам в таком случае восходят персидские формы *χros* из др.-ир. *χraosa-*, тадж. *хурӯс* (а также заимствованное из таджикского узбекское *хо'роз*, *хўроз*), если смысл номинации этой птицы по теории чередования матерей чтения извлекается из понятной и читаемой только в русском формы **ковыра*?

То же самое чередование можно узреть и в лексеме *корень*, которое словари возводят к праславянской основе **kore-* с расширением *-n*, **korenь*. Но откуда такая форма, почему именно такой набор звуков обозначает подземную часть растений наука этимология молчит. Мы считаем, что в форме *кОрень* имел место тот же дополнительный слог «вы», перешедший в звук [о], – **коВЫрень*. Ведь и русск. *корень* и лит. *keras* 'пень', *kereti* 'разрастаться, ветвиться' – это то, что «ковыряет» почву для углубления и закрепления в ней, а *кора* и *коряга* – это также и то, что *ковыряют*, *корчуют*, – **ковыра* и **ковыряга*.

Из этого следует вопрос: насколько обоснована гипотеза о происхождении *корня* от лат. *cor*, из которого старофранц. *cor*, *coeur* и англ. *core*, все со значением ‘корень, сердцевина (плода), сердце’, возводимые к праиндоевропейскому корню **ker-* кизиловое дерево [15, с. 429]? Каким образом могла повлиять латинская форма на образование праславянской основы **kore-*? Лексема какого языка является в данном случае исходной, по сей день содержа в себе смысл?

Слово *ус* в словарях выводится из праиндоевропейской основы **uendh-s-os* с расширителем *-s-*, со значением ‘волосы, шерсть’. Но гипотетическая праиндоевропейская форма, предлагаемая в качестве основы, не поясняет ничего ни для одного языка. Почему именно **uendh-s-os*? Какова была логика номинации? Что эта основа значит?

Основываясь на теории чередования матерей чтения, мы полагаем, что форме *Ус* предшествовала форма **ВИс*, что ставит многое в понимании этого слова на свои места. *Ус* – то, что висит! Равно как и *сОсок*, который вполне мог иметь более старшую форму **сВИсок*, то, что свисает. В *сосок* и *сосать* этимологический корень не *-сос-*, а *-вис-*. *С-* здесь не часть корня, а префикс.

Оса. Словари удачно начинают этимологизацию этого слова, но останавливаются на полпути и сворачивают с него. Черных пишет: «от общеславянского **vosa* (<**vopsa*)... из индоевропейского **uobhsa*» [15, с. 606] с самого начала усматривая в слове исчезнувший слогообразующий согласный [в]. Но, начав хорошо и почти выведя искомую форму, далее он уходит в сторону: «Корень, надо полагать, **uebh-* – ‘плести, ткать’, ср. нем. *weben* – ‘ткать, плести’».

По нашей теории чередования матерей чтения слово *оса* произошло не от общеславянского **vosa*, которое ничего не поясняет, а из формы **ВЕса*, либо **ВИса*, то есть, видимо, подразумевалась способность этого насекомого зависать в полёте (так наз. ховеринг). А нем. *weben*, англ. *weave*, голл. *weven*, со значением ‘плести, ткать’, санскр. *ubhnati* ‘сплетает вместе’ семантически связаны с глаголом *вязать*, а не *вить*.

Осы гнёзда не вьют, они их конструируют при помощи собственных клейких выделений и фрагментов древесины. На плетение или вязание это не похоже, это скорее строительство. Плетение гнёзд у осы и релевантность в данном случае праиндоевропейского корня $*(h_1)ueb^h$ ставится под сомнение не только нами, но и, например, в “Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages”, где в статье “vespa” говорится: “It is questionable whether 'wasp' was derived from PIE $*(h_1)ueb^h$ 'to weave', since wasps are not typically known for 'weaving' («Сомнительно, чтобы слово ‘оса’ возникло из праиндоевропейской основы $*(h_1)ueb^h$ ‘плести’, поскольку осы, как правило, гнёзда не вьют. (Перевод наш – С.П.») [18, с. 670]. Латинское *vespa* всё ещё содержит искомую сему *ves*».

Так вот, если в свете нашей теории чередования матерей чтения взглянуть на слово *дочь*, то становится понятно, что *дОчь* это $*д(ь)ВОчь$, то есть, $*девочь$. А форма *дОчка* как раз и совпадает с современным названием ребёнка женского пола, *деВОчка*. Ласкательный диминутив *доня* это фактически $*девоня$.

Таким образом, и *дочь* есть *дева*. Лексема *дочь* так же, как и *невеста* происходит от *девы*.

Каков же тогда смысл в формах *dóttir*, *dochter*, *Tochter*, *dauhtar*, *doughter*, *dohtor*, *dohtar*, *doxtar*, *duhita(r)-*, *dugədar-*, *dustr*, *thygater*, *duktě*, *duckt* и *duktè*, если русская форма якобы имеющая в основе праиндоевропейскую основу $*dhugheter$, происходит от русского же *дева*?

Далее – почему *дева*? Откуда такая форма, *дева*? Она ведь тоже от чего-то должна была образоваться. Это ведь не рандомный набор звуков, который «договорились» использовать при номинации объектов, как нас уверяет этимология.

Словари предлагают – *дева* от «доить»! Доить деву? Много ли, интересно, с *девы* можно надоить!

Для этимологизации *девы* нам придётся коснуться сфер божественных, что применительно к дамам не только вполне уместно, но и необходимо.

Откуда произошли названия бога или богов в языках? Начнём с Зевса, верховного бога древних греков.

Обычно *Зевс*, греч. *Δίας* (из *Ζεύς*) (с формой *θεός* ‘бог’ сложнее, поскольку она считается одним из множества слов догреческого субстрата, и по идее должна была бы иметь форму *δειός*), возводят к праиндоевропейской основе **dewos-* ‘бог’, которая считается также основой лат. *deus* ‘бог’, др.-перс. *daiva-* ‘демон, злой дух, дэв’, церк.-слав. *diviŭ* ‘дикий, лесной’, *диво*, санскр. *deva-*, *devata*. Основа **dewos-* восходит к гипотетической основе **dyeu-* ‘сиять’, и, следовательно, *Зевс*, *deus*, *дэв*, *диво* и прочие формы по языкам, означающие бога, в основе своей имеют сияние бога солнца или громовержца.

Получается, и русск. *дикий* (с, по-видимому, более старшей формой **дивкий*), *диво*, *дивиться*, *удивляться* происходят от гадательной праиндоевропейской основы **dyeu-* ‘сиять’? Вывод получается такой. Но так ли это?

Посмотрим на обозначения божеств в других языках.

Древнееврейские *адон* (אָדוֹן) и *адонай* (אֲדוֹנָי) обозначают, соответственно, ‘господин’ и ‘господь (мой)’. Вернёмся к семитскому адон/адонай. О.М. Штейнберг говорит, что корень в них «дин» (דִּן), ‘суд’ с основой Д.Н. (ד.נ., «далет-нун»). Вероятно, что глагол *дан* (דָּן) ‘судил, воздавал’, с корневой основой Д.Н., связан с глаголом *тана* (תָּנָה) ‘обоюдно уславливался, взаимно договаривался’ (что является частью судебного процесса), а также с *натан* (נָתַן), ‘дал, давал’ с основой Т.Н. (ת.נ., «тав-нун») [13], что в чистом виде представлено в императиве м.р. נָתַן, [тен], ‘дай’.

Древнееврейская основа ת.נ./ד.נ. (Т.Н./Д.Н.) дала נתן, натан ‘дал’, דָּן, дан ‘суд’ (процесс воздаяния), אָדוֹן, адон ‘господин’ и אֲדוֹנָי, адонай ‘господь’, т.е. אָדוֹנָי, адон+«йуд» притяжательный суффикс первого лица, букв. «господь мой», а ещё буквально «господа мои», как гвиротаи ве-работаи, ‘дамы и господа’ – слившийся с корнем и ныне от него не отделяемый. Надо думать, что, если согласная основа Т.Н./Д.Н. означает (воз)даяние, наделение чем-то, то, вероятно, адон и адонай – это тот (те), кто (воз)даёт, подаёт. Орёл и Столбова предлагают для אָדוֹן, [адон], прасемит. осн. **ɔader-* ‘господин,

господь' [20, с. 6], которая только подтверждает наше утверждение, ибо здесь мы видим чередование Д.Н/*Д.Р, то есть дан/дар.

Та же параллель в русском, – *господин* и *господь*. Есть ещё русск.-цслав. *господарь* 'господин, князь в Молдавии и Валахии, повелитель', а также болг. *господар*, сербохорв. *госпòда̀р*, словен. *gospodár*, чеш. *hospodář*, польск. *gospodarz*, в.-луж. *hospodarj*, н.-луж. *góspodař*. Из *господарь* произошло *государь*, затем – *осударь*, *сударь* [14, с. 446].

В современном русском языке слова *господарство* уже нет, но оно сохранилось, в частности, в украинском и в ряде других славянских языков. Но есть произошедшее из него слово *государство* (< *господарство*).

Когда мы пишем «большого», «красного» и проч., то произносим [бл'шовь], ['красньвь], то есть «-ого» произносится как ['овь/тьвь], в зависимости от ударения в слове.

Процесс замены [г] на [в] в суффиксах «-ого» и «-его», а также в местоимении «его/него» занял достаточно длительное время. Поначалу «большого», «красного» так и произносились, [бл'шогъ], ['красньгъ], однако, под влиянием различных произношений звонкий велярный пловив [г] перешёл в звонкий велярный фрикатив [ħ], [бл'шоħъ], ['красньħъ], а потом, оглушившись, и вовсе исчез, превратившись в простой выдох (глоттальный фрикатив) [бл'шоħъ], ['красньħъ], дав место лабиодентальному фрикативу [в]. Фрикативы взаимозаменялись (или счередовались), перейдя один в другой [г > ħ > в]) по способу артикуляции.

По чередованию фрикативов, [в(w)/ħ/ħ/г], **восподарство* дала *господарство*. Далее, по теории чередования матерей чтения, второй слог «по» дал звук [у], из чего получилось *госПОдарство* > *госУдарство*. *Государство* < **восподарство* – «то, что восподаёт» – старшая этимологизируемая нами форма. Других внятных этимологий слова *государство* на сегодня нет.

Смысл в слове *государство* не «господствовать», не «владеть», не «угнетать», не «преследовать» и не «грабить народ», а «даровать», «давать», «жаловать», «воздавать», «восподавать».

Но в таком случае и слово *господь* содержит тот же смысл и тот же корень – «дар», но уже в усечённом нераспознаваемом виде. Действительно, в «-дь» сложно уже разглядеть «-дар(ь)».

Наукой признано, что происхождение слова «господь» неизвестно! В самом популярном и доступном современном интернет-справочнике «Википедии» написано: «Слово «государство» в русском языке происходит от древнерусского «государь»,... которое, в свою очередь, связано со словом «господарь» (давшее «господарство»). Древнерусское «господарь» происходит от «господь». Таким образом, практически все исследователи сходятся на связи слов «государство» и «господь». **Точная же этимология слова «господь» неизвестна** (*жирный курсив наш – С.П.*)» [3].

Что же, теперь будет известна. *Господь* (<*восподарь), и *государство* (<*восподарство) – это в первую очередь те, что восподают, одаряют, а не карают и отнимают последнее.

В словарях же *господь* происходит от «гос(ть)» + индоевропейский корень **potis* (хозяин), **hosti-potis*, дающее *hospes* (*hospitis*) ‘хозяин, оказывающий гостеприимство чужестранцам’ [15, с. 209].

Каким образом латинское *potis* повлияло на образование названия славянского бога? При чём здесь гадания о верованиях восточно-, южно- и западноевропейских славян-язычников, о которых говорит Черных в статье «господь» своего двухтомного словаря? По его этимологии получается, что такое восприятие бога – «хозяин» – было общеславянским, если его когнаты отмечены и в болгарском, и в сербскохорватском, и в словенском, и в чешском, и в словацком, и в русском. Каким образом относится к русскому *господу* Genitivus латинского *hospes* в форме *hospitis*?

Слово «господь» славянскими этимологами категорически не этимологизируется.

В тюркских *бог* восходит к пратюркской основе **baj*, [бай], (караханидск. *bajat*, тур. *bajat*, (диал. *bajuq*), ср.-тюрк. *bajat*, ойротск. (алт.) *baj-lu*, якут. *bajanaŋ*, кырг. *baj*, тув. *bajba* ‘дух удачи на охоте’ (которые следует отделять

от деривативов от основы **ba:j* ‘богатый’) [21, с. 38], а пратюркская основа **be:r* ‘дать, давать’ даёт в тюркских множество единообразных деривативов с тем же значением [21, с. 66]. Не нужно ли и тут отметить, что и в тюркских ситуация схожа: господ(ар)ь – это тот, кто даёт, **baj/*be:r*, а также лат. *dīves* ‘богатый, зажиточный’, кот. также возводится к *deus* [18, с. 173-174].

Если да, то почему греч. *Δίας* ‘Зевс’, *θεός* ‘бог’, лат. *deus* и все остальные европейские производные происходят от **dewos-* < **dyeu-* ‘сиять’? То же и в санскр. глагольной основе *div-* ‘сиять, излучать’, из которой производятся *diva, divasa* ‘день’ и *diva-kara* ‘солнце’, то, что делает день. Но о боге в данном случае речь не идёт.

Греческий глагол *δίνω* [динó] ‘давать’ восходит к более ранней форме *δίδω* [дидó], которая из др.-греч. *δίδωμι* [дидóми], в которой, если отбросить редупликацию, просматривается корень *δί-* ‘отделять, отдалять’, иначе говоря, давать посредством отделения от себя.

Ни о каком сиянии речи здесь нет. Поскольку пратюркский **baj* ‘бог’ связан с **be:r* ‘давать’, *господь* связан с **вос-по-дарь*, а *адон, адонай* (אָדֹנָי, אָדֹנָא) и *дан* (דָּן) ‘судить (давать суждение)’ связаны с דָּן, [тен], ‘дай’ и *натан* (נָתַן) ‘дал’, то будет естественно сделать предположение, что и *Δίας* ‘бог’ может восходить к *δίδω* ‘давать’, и далее к *δί-* ‘отделять, отдалять (*от себя путём отдавания, – С.П.*)’, а вовсе не к **dyeu-* ‘сиять’. Праиндоевропейская основа **dyeu-* ‘сиять’ возводится в источник Зевса и всех прочих форм, означающих бога (богов), без особых на то оснований. Во всяком случае, праиндоевропейская основа **do-* ‘давать’ (из основы, как мы считаем по теории чередования матерей чтения, **ДВ*,) была бы здесь не менее уместна.

Диво. П.Я. Черных говорит, что слово *диво* «в знач. ‘бог, божество’... у славян было ещё на ранней стадии развития языка» [15, с. 252]. Если мы знаем, что славянские государства существовали уже в эпоху написания знаменитой грамоты славянам Александром Македонским [7, с. 145–147], а это по крайней мере за триста с лишним лет до нашей эры, то раннюю стадию

развития их языка, о которой говорит Пётр Яковлевич, следует отнести к ещё более отдалённому периоду – на полтысячелетия до Р.Х.

Так вот, «очень давнее, с общеславянской поры» слово **divъ/divo* «находится в родственных отношениях с лат. *deus*<*deos*<**deiŋous*, прил. *divinus*» [2, там же]. В каких именно родственных связях состоят эти слова? Чья форма старше? Если за пятьсот-триста лет до Христа латинский язык находился в стадии формирования, то полноценные славянские государства соперничали тогда мощью с войсками Искандера Двурогого. Произошло ли *divo* от *divinus* или *divinus* от *diva*?

Свидетельств того, что римляне или латиняне присутствовали на территории славян, нет. Массово их там никогда не было. Следовательно, влияние находившейся в тот период в стадии кодификации латыни на славянские языки нужно исключить. Есть свидетельства того, что как раз славяне экстенсивно присутствовали в Западной и Южной Европе от античности до позднего Средневековья, и всегда доставляли Риму беспокойство, в конечном итоге покорив Римскую империю и разрушив Рим [17, с. 15].

Если в словарях о каком-то слове пишется «родств. лат...», «родств. санскр...», то непременно следует определиться в каком именно родстве состоят эти когнаты. Родство всегда предполагает старшинство. Даже среди однойцевых близнецов, родившихся в один день, нет родства без старшинства. Один из них появляется на свет раньше первого и считается старшим. Если говорится о родстве, нужно определиться каким физическим способом установилось это родство, кто от кого произошёл, и привести историческое свидетельство того, при каких обстоятельствах это породнение произошло.

Например: в период ига такое-то монгольское слово попало в пра- (прото-, старо-, древне-, церковно-) славянский язык. На славянской почве оно изменилось *так-то* и *так-то*, и сейчас выглядит *вот так*. Далее оно было заимствовано в русский язык. Восходит к монг. *такому-то* или протомонг. **такому-то*. Тогда станет обоснованным утверждение «родств. монг. *такому-то*». Станет понятно, что родственная монгольская форма старше русской

в силу множества объективных и неопровержимых исторических фактов, обусловленных трёхсотлетним монгольским игом на русской земле. Станет понятным существование слова и станет ясным то, чем вообще занимается этимологическая наука.

Всё будет логично и понятно, если бы с периода ига в русской лексике сыскалось бы хотя бы одно (!) исконно монгольское слово.

В каких родственных отношениях русское **divь/divo* в таком случае «находится с лат. *deus < deos < *deiuous*, и прил. *divinus*»? Если родство предполагает старшинство, то чья форма старше? Исторические факты свидетельствуют о том, что славяне в течение не одной эпохи находились с римлянами в примерно таких же отношениях, в каких находились монголы с восточными славянами в течение трёхсот лет. Имеются ли свидетельства того, что латиняне, римляне или граждане городов-государств Салерно и Неаполя массово проникали на территории восточных славян и каким-то образом влияли на их язык?

Черных предлагает ещё одну версию: «**divь* от **dhirah* ‘умный, мудрый’», то есть, предлагает в предки русского слова древнеиндийское (неплохо было бы и здесь указать каким образом оно было заимствовано славянами). Так же поступил и Фасмер, упомянув попытки некоторых предшественников отделить слав. **divь* от понятия «бог» [14, с. 513–514].

Пользуясь аналогиями (см. выше) можно и тут предположить, что санскр. *deva* ‘бог, божество’ и санскр. основа *dā-* (*dadati*) ‘давать’ также могут иметь лексическую связь. *Deva* может быть суффиксальным образованием от основы *dā-*. В формах *deya* ‘дар, подарок’, *dīti* ‘раздача, пожертвование, щедрость’, *dānā* ‘дар, дарение, удовлетворение’ [5] мы видим, что огласовка первого слога вариативна, *e/i/ā*, а при наличии таких санскр. суффиксов, как *-van*, *-vant* можно вычленить морфему *-va-*, давшую форму *deva* ‘бог’.

Из всего вышенаписанного следует заключение, основанное на языковых фактах и здравомыслии, – *диво* (ср. лит. *diēvas*, латышск. *dievs*, оба со знач. ‘бог’) – некая сущность, которая *давала*, одаряла первобытных людей некими

благами. Карго-культ, в принципе, свойствен (или же был свойствен) далеко не только народам Океании. Впрочем, богу и сейчас присуща такая функция, недаром ведь существуют устойчивые выражения типа «дай бог», «не дай бог», «подавай бог» и множественные теоформные имена: Богдан, Йонатан, Натаниэль, Тенгриберген, Худайберды, Аллаберды, Теодор (Фёдор), Дъедонне, Теодат и проч.! И сияние здесь абсолютно не важно и даже бесполезно.

И вновь мы весьма кстати вспоминаем др.-греч. *νύμφη* ‘молодая девушка, невеста’! По Википедии «нимфы – *божества* природы в древнегреческой мифологии в виде *девушек*, олицетворяющих различные живительные и плодоносные силы Земли, природные объекты и явления. Каждая нимфа – покровительница определённого объекта или явления природы, его душа и воплощение». «М» в *нимфе* – это назальный инфикс, отбросив который мы получим **ни-фа*, что вполне сравнимо с сербскохорватским названием невесты *нева* (см. выше), которая, как мы показали выше, от *дева*.

Нимфы – девы, в греческом пантеоне богини, эквивалентные др.-инд. богине-матери *дэви* (из *дэва* ‘небесный, божественный’). Следовательно, заявление Фасмера в ст. «дева»: «Сравнение слав. *děvica* с др.-инд. *dēvi* (Розвадовский, Qu[*aestiones*] Gr[*ammaticae et etymologicae*] 1, 418) отклоняет Ягич» [1, с. 491] мы можем с уверенностью отклонять. *Дева*, она же ни(м)фа, непосредственно связана с др.-инд. *дэви*. Ян Михал Розвадовский был прав! *Ни(м)фа* и *дэви* – оба суть от *девы*.

От *невы* < *девы* же, по всей видимости, и лат. *nūbō*, *-ere* ‘жениться’, *nupta* ‘невеста’, *nuptula* ‘молодая невеста’, а также *cōnūbium* ‘брак, женитьба’ [18, с. 417].

А русск.-цслав. *сноубити*, как указано у Фасмера, с XI в., могло быть основой, давшей русск. *сноха*, она же невестка.

Та же логика должна работать и с лат. формами *deus*, *divus* при лат. *dare* ‘давать’ и *do* ‘(я) даю’, и с греч. *Δίας* и *θεός* при *δοω*, *δω*, *δίδωμι*, лит. *diēvas* при *duoti* ‘давать’, латышск. *dievs* при *dot* ‘давать’, а также при семитских *адон* (אָדוֹן), *адонай* (אֲדֹנָי) и корневых основах Т.Н/Д.Н., образующих глаголы *натан*, נתן ‘дал’ и *дан*, דן ‘судил’. Кроме того, древнееврейское הוה, [yahve], ‘бог,

всевышний' и глагол 𐌆𐌿 , [яһав], 'жаловать, давать' (с чередованием матерей чтения «вав/бет») находятся в абсолютно такой же семантической связи.

В таком случае, если греч. *Зевс, теос*, лат. *деус*, перс. *дэв*, санскр. *деви*, пратюркск. **baj* (:*be:r), слав. *господь* (:*восподарь) семантически связаны с понятием давания, отделения (от себя), то от какой семы происходит русское слово *дева* в нашей попытке установления значения слов, означающих бога? Давать?

Наверное. Во всяком случае, это именно та мысль, которую мы хотели донести до думающего читателя.

Литература

1. Академик // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/7427/HEMETЫ>. (дата обращения 28.04.2019).
2. Архив сайтов. // URL: <https://web.archive.org/web/20051028161552/http://www.roman-britain.org/tribes/demetae.htm>. (accessed:28.04.2019)
3. Википедия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Государство>. (дата обращения 28.04.2019).
4. *Едемский М.Б.* Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда, 1910. Переизд. Вологда, «Легия», 2002.
5. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1987.
6. *Орбини М.* Славянское царство. ОЛМА-Медиа-Групп, 2010.
7. *Орбини М.* Историография початия имени, славы и расширения народа славянского, и их царей и владетелей под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. С-Пб., 1722.
8. *Откупщиков Ю.В.* Очерки по этимологии, изд-во СПбУ, 2001.
9. Повесть временных лет. М.: Л., 1950. Ч. I. С. 15.
10. *Расторгуева В.С., Эдельман В.И.* «Этимологический словарь иранских языков», том I, Москва: Восточная литература РАН, 2000.
11. «Россия – родина Германии». Техника молодежи, 1997. С. 42.

12. *Тюгашев Е.А., Попкова Т.В.* Семейноеведение. Глава V. Обряды семейного цикла. Новосибирск: СибУПК, 2003.

13. *Узенёва Е.С.* Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология народной культуры. Сборник «Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации». Москва, Институт славяноведения РАН, 2018 г. С. 499.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1987.

15. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва: Русский язык, 1999.

16. *Штейнберг О.М.* Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета. Вильна, 1878.

17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 25. М.: Наука, 1999.

18. *De Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Volume 7, Brill, 2008.

19. Online etymological dictionary // URL: <https://www.etymonline.com>.

20. *Orel V.E., Stolbova O.V.* Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction. E.J. Brill, 1995.

21. *Starostin S.* Turkic Etymology, 19982009.

References

1. Academic. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/7427/HEMETЫ>. (дата обращения 28.04.2019).

2. Archive.org // URL: <https://web.archive.org/web/20051028161552/http://www.roman-britain.org/tribes/demetae.htm>. (accessed:28.04.2019)

3. Wikipedia. // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Государство>. (accessed:28.04.2019)

4. *Edemskii M.B.* (2020). Wedding in Kokshenga, Totemsky district, 1910. Reprinted. Vologda, «Legiya».

5. *Kochergina V.A.* (1987). Sanskrit-Russian Dictionary. Moscow: Russkii yazyk.

6. *Orbini M.* (2010). Slavic kingdom. OLMA-Media-Grupp.
7. *Orbini M.* (1722). Historiography of honoring the name, glory and expansion of the Slavic people, and their kings and rulers under many names, and with many kingdoms, kingdoms, and provinces. S-pb.
8. *Otkupshchikov Yu.V.* (2001). Etymology essays. Izd-vo SPbU.
9. The Tale of Bygone Years. (1950). Moscow: L. Part I. P. 15
10. *Rastorgueva V.S., Edel'man V.I.* (2000). "Etymological Dictionary of Iranian Languages". Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
11. "Russia is the homeland of Germany" (1997). *Tekhnika molodezhi*. P. 42.
12. *Tyugashev E.A., Popkova T.V.* (2003). Family studies. Chapter V. Rituals of the family cycle. Novosibirsk: SibUPK.
13. *Uzeneva E.S.* (2018). Muslim Slavs of South Slavia: the terminology of folk culture. Collection "Slavic Linguistics. XVI International Congress of Slavists. Belgrade, August 20-27, 2018 Reports of the Russian Delegation". Moscow, Institute of Slavic Studies RAS. 499 p.
14. *Fasmer M.* (1987). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Progress.
15. *Chernykh P.Ya.* (1999). Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Moscow: Russkii yazyk.
16. *Shteinberg O.M.* (1878). Hebrew and Chaldean etymological dictionary to the books of the Old Testament. Vilna.
17. Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. (1999). Issue 25. Moscow: Nauka.
18. *De Vaan M.* (2008). Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Volume 7, Brill.
19. Online etymological dictionary. // URL: <https://www.etymonline.com>.
20. *Orel V.E., Stolbova O.V.* (1995). Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction. E.J. Brill.
21. *Starostin S.* (1998-2009). Turkic Etymology. 1998.

Авторы публикации

Петров Сергей Юрьевич – старший технический переводчик в компании ЗАО «Сервис-Газификация», Екатеринбург, на проекте строительства ЭЛОУ/АВТ «Газпромнефть-ОМПЗ»
г. Омск, Россия.
E-mail: sypetrov@mail.ru

Authors of the publication

Petrov Sergey Yurievich – Senior Technical Translator in Servis-Gazifikatsiya ZAO, Ekaterinburg, at “Gazpromneft” CDU/VDU construction project
Omsk, Russia.
E-mail: sypetrov@mail.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АМЕРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 81-2 DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.197-209
**КОНЦЕПТ “TÜRK MİLLETİ” (ТУРЕЦКИЙ НАРОД) В ТУРЕЦКОМ
 ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Э.Р. Садыкова
engeibr@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ концепта *Türk milleti* в турецкой лингвокультуре. Приведены результаты исследования турецкой концептосферы в рамках цифрового дипломатического дискурса на примере заданной дефиниции, с использованием интент-анализа официальных выступлений МИД ТР, взятых с официального сайта министерства.

Ключевые слова: концепт, цифровой дипломатический дискурс, лингвокультура, турецкий язык, Турция

Для цитирования: Садыкова Э.Р. Концепт “*Türk milleti*” (турецкий народ) в турецком дипломатическом дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 197–209.

THE CONCEPT TÜRK MİLLETİ (TURKISH NATION) IN TURKISH LINGUOCULTURE

E.R. Sadykova
engeibr@mail.ru

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article deals with the analysis of the axiological characteristics of linguocultural concept TÜRK MİLLETİ in the Turkish linguoculture. The results of the study of the Turkish concepts in the digital diplomatic discourse are presented on the example of a given definition, using an intent analysis of the official speeches of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, taken from the official website of the Ministry.

Keywords: concept, digital diplomatic discourse, linguistic culture, Turkish language, Turkey.

For citation: Sadykova E.R. The concept *Türk milleti* (Turkish nation) in Turkish linguoculture. *Kazan linguistic journal*. 2020; 3(3): 197–209. (In Russ)

Исследования по когнитивной лингвистике, заключающие в себе интерес к языку как отражению сознания и ментальности человека, на сегодняшний день приобретают все большую актуальность в лингвистике. Одним из способов, позволяющим через изучение языковых средств и коммуникативного поведения представителей отдельного этносоциума

достичь выявления картины мира того или иного народа и его ментальности, является исследование концептосферы.

К наиболее ярким и значимым концептам турецкой лингвокультуры с полным основанием можно отнести концепт *Türk Milleti* (Турецкий народ), который, на наш взгляд, является одним из ключевых для понимания турецкой ментальности. Что, в свою очередь, находит свое отражение в каждой сфере турецкого общества, в том числе и в дипломатии, а соответственно, и в турецком дипломатическом дискурсе.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать концепт *Türk Milleti* (Турецкий народ), а также рассмотреть на конкретном практическом материале, как данный концепт вербализован в цифровом дипломатическом дискурсе, в частности, в выступлениях турецких дипломатов, представленных на официальном сайте МИД Турецкой Республики.

Актуальность изучения данного концепта обусловлена его важностью для осмысления языковой картины мира в целом и, в частности, для построения концептосферы турецкой лингвокультуры. Следует отметить, что изучение турецкой концептосферы остается до настоящего времени малоизученным в отечественной лингвистической науке. В этой связи, исследование концептов, детерминирующих коммуникативное поведение турецких дипломатов и находящихся свое отражение в турецком дипломатическом дискурсе, является актуальным и представляет несомненный исследовательский интерес, а также представляет большое практическое значение для действующих и будущих дипломатов и переводчиков международного уровня. Для Российской Федерации в условиях тесного взаимодействия и собственного интереса от степени изученности государства партнера напрямую зависит эффективность двустороннего сотрудничества по целому ряду вопросов [1, с. 6]. К государствам-партнерам Российской Федерации можно смело отнести и Турецкую Республику, которая на современном этапе более активно претендует на роль регионального лидера и одновременно, используя выгодное

геополитическое положение на стыке двух цивилизаций, стремится усилить влияние в глобальной политике [8, с. 80].

Материалом нашего исследования являются словарные статьи, корпуса текстов, письменные расшифровки выступлений Министра Иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу, размещенные на официальном сайте МИД ТР.

Изучение анализируемого концепта проводилось нами с позиций придерживаемся лингвокультурного подхода к изучению концептов, предполагающего изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего [3].

При анализе концепта первостепенным является моделирование его содержательной структуры. Рассмотрим толкования ключевой лексемы концепта *Türk Milleti* (Турецкий народ) - слова *Türk* на базе основных турецких толковых словарей.

Güncel Türkçe Sözlük (Современный Турецкий Словарь) выдает два значения лексемы *Türk*:

1. *isim* Türkiye Cumhuriyeti sınırları içinde yaşayan halk ve bu halktan olan kimse. "*Ne mutlu Türk'üm diyene!*" - Atatürk

(Перевод: *суц* Народ, проживающий внутри границ Турецкой Республики и любой, кто принадлежит к этому народу. "*Как счастлив тот, кто может назвать себя турком!*" - Ататюрк) – (здесь и далее перевод наш - Э.С.).

2. *isim* Dünyanın çeşitli bölgelerinde yaşayan, Türkçenin değişik lehçelerini konuşan soy ve bu soydan olan kimse. "*Ben bir Türk'üm, dinim, cinsim uludur.*" - Mehmet Emin Yurdakul

(Перевод: *суц* Нация, проживающая в различных областях мира и говорящая на различных диалектах Турецкого языка, и любой, кто принадлежит к этой нации. "*Я Турок, у меня великая религия и род.*" Мехмет Эмин Юрдакул)

Примечательно, что примеры после словарных определений также пронизаны патриотизмом и национальной любовью.

В толковом словаре русского языка Ушакова можно найти два толкования, аналогичных с турецким словарем:

1. Народ, составляющий основное население Турции. “*Война (для Кирджали) представляла случай обогатиться на счет турков.*” Пушкин.

2. То же, что *тюрки* в первом значении. А именно, “большая группа народов, живущих в различных частях Азии и Европы. К тюркам принадлежат турки, татары, узбеки, башкиры, киргизы и др.”

Рассмотрим, как представлена ключевая лексема анализируемого концепта в паремиологическом фонде турецкого языка. Турецкие пословицы, которые в 1480 году были собраны неизвестным человеком, в 1936 году были напечатаны Сообществом Турецкого языка вместе с пояснениями и комментариями Велета Избудака и содержали всего 689 пословиц. Если обратиться к пословицам о турках, турецкой нации, то можно найти следующие примеры, подтверждающие те характеристики турецкой нации, которые были определены в результате анализа словарных дефиниций ключевой лексемы:

Türk karır, kılıcı karımaz. (Türk ihtiyarlığında bile genç gibi kılıç kullanır Турок стареет, меч его нет).

At kudümiü yurt kudümü, avrat kudümü. (Türkler; atlarını, yurtlarını, eşlerini kutsal sayar, onların uğur getireceğine inanırlar Турки верят в святость своего коня, родины и спутницы жизни).

At yiğidin yoldaşdır. (Türk, atı çok sever. Birçok işlerini onunla arkadaşlık ederek yapar. At, Türk'ün savaşta kahramanlık ortağıdır. Barışta her günü atla birlikte geçer: Yolculuğu onunla yapar, yükünü onunla taşır. Türk atın o kadar candan dostudur ki kendisinden, çoluk çocuğundan çok ona bakar – Конь спутник мужчины. Конь героический напарник Турка на войне. И в мире каждый день турка проходит вместе с конем. Турок смотрит за конем больше, чем за своей семьей).

Gelene git denilmez. (Kendiliğinden sana gelen konuğu kabul etmemek Türk geleneklerine uymaz Не принимать турка, который пришел по своей воле, не входит в традицию турок).

Türk'ün akli gözünde. (Türk, gözüyle görmediği şeye kolay kolay inanmaz Турок тяжело верит в то, чего не видел своими глазами).

Анализ паремий позволил установить ряд нормативно-поведенческих признаков анализируемого концепта, не выявленных в ходе дефиниционного анализа. Таким образом, концепт, вербализуемый словосочетанием *Türk milleti*, в турецком языковом сознании можно определить следующим образом – это единая нация, которая носит название «*Türk milleti*» (Турецкая нация), и подразумевающая не только этнических турков, но и все этногруппы, проживающие в Турецкой Республике и имеющие турецкое гражданство. Исходя из проведенного анализа паремий, этой единой нации свойственны: патриотизм, любовь к своему народу и родине, воинственность, готовность защитить независимость своего государства. В паремиях же можно проследить такие признаки и качества как: воинственность, гостеприимность, любовь к родине.

Нельзя не отметить, что само словосочетание “турецкий народ” является наиболее часто употребляемым во всех сферах жизнедеятельности турецкого народа, и, что еще более важно, является главным самоидентифицирующим и в духовном плане самым объединяющим выражением. Считаем, что это напрямую связано с природным эгоцентризмом, национализмом (здесь и далее используется в смежном с патриотизмом значении Э.С.) и туркофилией, в самом позитивном смысле этих слов, сидящими глубоко в культурном коде турецкого народа.

В качестве подтверждения этому можно привести характеристику турецкой нации, данную Э.Х. Микаилом: “Being from Turkish nation; is loving Turkish nation and carrying love of fidelity to serve, being in a state of connection to the motherland and doing anything to uphold Turkish Nation and working mentality and thought. All people having this mentality is a Turk. In their heart who don't carry dream and affection of another nation, feels him/herself a Turk, accepting Turkism and carrying love of service to Turkish Nation, Turkish state is a Turk. Thus this is the main idea of Turkish nationalism. There is the obligation to consider events

in the light of this idea. Are Turkish Nationalists only care about Turks inside the borders of Republic of Turkey? What should be our relation and approach to these Turks outside borders of Turkey? The answer to these questions is this: Turkish nationalism is all about every Turk around to world no matter their location. It is filled with affection and love for them. The code of Turkish nationalism is always that Turks should be in good condition, rise, to be protected and any kind of possible support should be given anywhere they are located. However Turkish nationalism makes it a priority not to put the Republic of Turkey in danger or hurt the Republic of Turkey in anyway during relation and affection to the Turks living outside borders of the Republic of Turkey. To protect one and only independent state of Turks Republic of Turkey against any danger or look after it against any possible harm in conditions that can give damage to the Republic of Turkey is the main idea of Turkish Nationalism” [12, с. 615].

Особого внимания в данной связи, заслуживает мнение Толга Севин, который в своем объемном труде “Turkish Language as a Politicized Element: The Case of Turkish Nation-Building” упоминает интересный факт в турецкой истории: “As an illustration, whereas the 1921 Constitution did not indicate an official language or mentioned the term ‘Turk’, the constitution of 1924 even replaced the concept ‘citizen’ with ‘Turk’. This brought the overlapping of the terms, causing the differentiation of ‘Turk as a citizen’ or ‘ethnically Turk’, on the contrary to the Ottoman way of thinking that called every subject living in the territories ‘Ottomans’. This separation gave way to a mindset that de facto highlighted the religious or racial features of the subject when determining Turkishness” [14, с. 24]. Вышеизложенное в очередной раз подтверждает важность самоидентификации для турецкого народа как перед своей нацией, так и перед обществом в целом.

При исследовании концепта важную роль играет также анализ функционирования концепта в различных дискурсивных практиках. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях,

если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [4, с. 16]. Анализируя реализацию концепта *Türk milleti* в турецком дипломатическом дискурсе, можно отметить, что речь турецких политиков и дипломатов зачастую пронизана чувством крайней любви, приверженности и верности к турецкой нации. Практически каждое выступление содержит такие патриотически маркированные лексемы, как *'Biz Türkler...'* (Мы турки...), *'Türk milleti...'* (Турецкая нация...), *'Türkiye...'* (Турция...). В этой связи, примечательны высказывания министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу по случаю 11-ой конференции генеральных послов в Анкаре 5 августа 2019 года: *"Türkiye ve Türk milleti dik durmuş; milli gücünü hep Hakkın ve haklının yanında kullanmıştır."* (Турция и Турецкий народ выстоял; всегда использовал национальную силу во имя Справедливости и Правды человека) и на генеральном заседании Великого национального собрания Турции 17 декабря 2018 года: *"Susmayan bir millet vardır, Türk milletidir ve bundan sonraki süreçte de kardeşlerimizi yalnız bırakmayacağız."* (Есть одна нация, которая не молчит, Турецкая нация и после этого мы тоже не оставим наших братьев одних) [6]. Эти и другие цитаты, которыми пронизаны выступления министра разных лет, в разных странах, транслируют образ стойкой, справедливой, честной нации, которая может постоять за себя и родственные ей нации.

В сложные для турецкого государства моменты как политики, так и дипломаты, выступают с речами, которые не только частично, но и полностью посвящены национальному вопросу, национальной идентификации, национальной самообороне. В таких ситуациях анализируемый нами концепт *Türk milleti* приобретает особое значение. Ярким примером этому может служить выступление действующего министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу в Конье, 24 июля 2016 года. Рассмотрим реализацию анализируемого концепта на примере выступления Мевлюта Чавушоглу в Конье, 24 июля 2016 года. Данное выступление посвящено внутренним вопросам государства и адресовано непосредственно турецкому народу. Выбор данной речи обосновывается тем, что национальный концепт имеет особую

ценность внутри нации, соответственно и репрезентируется с наибольшей вероятностью внутри границ своего государства. Считаем также важным отметить, что данное выступление состоялось сразу после попытки военного переворота 1516 июля 2016 года.

В своей речи М. Чавушоглу через жителей города Коньи (крупный город в центральной части Анатолии – прим. Э.С.) обращается ко всему турецкому народу: «*Sevgili Konyalı kardeşlerim*» (Любимые мои братья из Коньи). Обращение *kardeşlerim* (мои братья) довольно часто встречается в дипломатическом и политическом дискурсах в Турции. По данным исследования это пятое самое употребляемое по частотности слово президента Т. Эрдогана [ODATV.COM].

Приведем наиболее сильный по эмоциональной окраске и важный по своему содержанию для нашей статьи отрывок: «*Evet, her türlü hesabı yapmışlar, ondan sonra da getireceklerdi. Ama unuttukları bir şey vardı, karşılarında büyük Türk milleti vardı. Onların bir hesabı varsa, benim milletimin de bir hesabı vardı. Onların bir hesabı varsa, Rabb'im de bir hesabı vardı; bunu unuttular bu alçaklar. İşte millet şehit olmak için meydanlara koştu. Şehit olmak için, şehadet şerbetini içmek için tankın paletlerinin altına yattı. Şehit olmak için o ağır silahlara karşı göğsünü siper etti. Benim milletim, Şehit olmak için havadan bombalarla, silahlarla taranırken o meydanlardan kaçmadı*». (Да, они провели всяческие расчеты, да и после должны были сделать. Однако кое-что они забыли, что перед ними была великая Турецкая нация. Если у них были к нам претензии, то и у моей нации были претензии. Если у них были к нам претензии, то и у моего Всевышнего были претензии; эти падшие души забыли про это. Нация побежала на площади, чтобы стать шахидом. Стать шахидом, чтобы выпив шербет храбрости, лечь под гусеницы танков. Стать шахидом, чтобы встать грудью на амбразуру. Моя нация стала шахидом, и даже когда с неба падали бомбы, и был открыт огонь из оружия, не сбежала с площадей).

В этом отрывке три раза повторяется словосочетание “*büyük millet*” (великая нация), неоднократно используются слова “*millet*” (нация), “*benim*

milletim” (моя нация). А заканчивается отрывок метафорическим признанием любви к народу: «İşte bu büyük milletin ayağının altı öpülür. Bu büyük milletin ayağının altını ne kadar öpsek azdır». (Сколько бы мы не целовали ноги этой великой нации, все равно будет мало). Это еще раз подчеркивает значимость этих слов для турецкого этносоциума. Примечателен также тот факт, что министр неоднократно упоминает шахидство турков; подчеркиваем, что упоминается это в положительном и даже хвалебном тоне. Эта черта нации – готовность в случае угрозы для нации и страны бежать на площади и встать грудью перед амбразурой – считается весьма похвальной и отражена в толковании слова “Vatan” (Родина) в Большом Турецком Словаре: “Родина, место рождения и становления какого-либо человека; земля, на которой определенная нация живет как властитель, укрывается, *при надобности отдаст за нее душу*”.

Примечателен также отрывок речи, где М. Чавушоглу обличает виновников попытки переворота. Министр не обвиняет народ, а лишь отмечает доверчивость последнего, тем самым оправдывая: *Türkiye’de saf, inanmış insanlardan topladıkları paraları, Türkiye aleyhine çalışın diye götürüp onlara verdiler* (Деньги, собранные у простого, верующего народа Турции, они дали им, чтобы те работали против Турции). И в продолжении своей речи министр снова и снова подчеркивает величие турецкого народа: *Ama unuttukları bir şey vardı, karşılarında büyük Türk milleti vardı*. (Однако кое-что они забыли, что перед ними была великая Турецкая нация). А заканчивается отрывок метафорическим признанием в любви к народу: *İşte bu büyük milletin ayağının altı öpülür* (Сколько бы мы не целовали ноги этой великой нации, все равно будет мало).

В заключении проведенного анализа выступления министра, следует отметить, что в его речи ярко выражено стремление подчеркнуть силу нации, ее величие и мощь. Доминирующими стратегиями в анализируемом выступлении являются стратегии передачи теплого отношения к нации,

турецкому народу и выражения единства с ним, что неоднократно подчеркивается местоимением *biz* (мы).

Подводя итог, можно сделать вывод, что концепт «*Türk milleti*» (Турецкая нация) является одним из ключевых концептов турецкой лингвокультуры, способствующих пониманию турецкого народа, турецких партнеров и, в частности, коммуникативного поведения турецких дипломатов. Содержательная структура концепта «*Türk milleti*» (Турецкая нация) включает в себя такие характеристики, как - смелость, честность, справедливость, величие в глазах правителей, готовность отдать душу за родину (готовность стать шахидом).

Российское общество сегодня переживает целый ряд сложных политических событий, значительное число которых связано с Турцией. Исходя из этого, изучение турецкой концептосферы имеет стратегическую важность для развития взаимоотношений с турецкими партнерами во всех областях, как в бытовых, так и в деловых, и конечно же, в вопросах, имеющих государственное значение.

Литература

1. *Аватков В.А.* Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018: монография. Москва: Юрайт, 2019. 136 с.
2. *Викулова Л.Г., Макарова И.В., Новиков Н.В.* Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики. // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 15, 2016. Pp. 54-65.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С.617.
5. *Новиков Н.В.* Коммуникативные особенности цифровой дипломатии в медийном пространстве // *Вестник Московского городского педагогического*

университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (22). С. 120125.

6. Сайт Министерства иностранных дел Турецкой Республики // Выступления МИД ТР Мевлюта Чавушоглу // URL: <http://www.mfa.gov.tr>. (дата обращения: 26.11.2019)

7. *Терещенкова И.И.* Концепт «Мужчина» в турецкой, английской и русской лингвокультурах (опыт исследования институционально значимых для этнической картины мира концептов) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вестник НГУ. 2007. Том 5, выпуск 2.

8. Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН, 2012. 80 с.

9. *Abusyarova D.L., Takhtarova S.S.* Conflict communication: Linguoecological aspect. Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. Vol. 20, Issue 2, 2016. Pp. 154158.

10. *Gizatova, G.K., Snarskaya, E.V.* Narrative and the problems of national cognition. Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. Vol. 20, Issue 2, 2016. Pp. 2630.

11. *Işık E., Ulubey E., Kozan S.* An examination of the social cognitive model of well-being in Turkish college students. Journal of Vocational Behavior. Vol. 106, 2018. Pp. 1121.

12. *Mikail E.H.* Nationalism Concept and Turkish Nationalism. International Journal of Business and Social Science. USA, 2014. Vol. 5, No. 12. Pp. 8790.

13. *Uysala N.* Jared Schroeder Turkey's Twitter public diplomacy: Towards a "new" cult of personality. Public Relations Review. Volume 45, Issue 5, 2019.

14. *Sevin T.* Turkish Language as a Politicized Element: The Case of Turkish Nation-Building. GeT MA Working Paper. Berlin, 2018. No. 15. 66 p.

15. *Ruixue Jia Weidong Li.* Public diplomacy networks: China's public diplomacy communication practices in twitter during Two Sessions. Public Relations Review.

References

1. *Avatkov V.A.* (2019). Republic of Turkey: from 2002 to 2018: monograph. 136 p. Moscow, Yurait. (In Russian)

2. *Vikulova L.G., Makarova I.V., Novikov N.V.* (2016). Institutional Discourse of Digital Diplomacy: New Communication Practices. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 15. Pp. 5465.

3. *Karasik V.I.* (2002) Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russian)

4. *Kubryakova E.S.* (2004). On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. № 1. Pp. 6-17. (In Russian)

5. *Novikov N.V.* (2016). Communication features of digital diplomacy in the media space. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»*. № 2 (22). Pp. 120125. (In Russian)

6. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey: Statements of the Ministry of Foreign Affairs of the TR Mevlyuta Chavushoglu // URL: <http://www.mfa.gov.tr> (accessed: 26.11.2019) (In Turkish)

7. *Tereshchenkova I.I.* (2007). The concept "Man" in Turkish, English and Russian linguocultures (the experience of researching concepts that are institutionally significant for the ethnic picture of the world). *Linguistics and intercultural communication. Vestnik NGU*. Vol. 5, Issue 2. (In Russian)

8. Turkey: a new role in the modern world. (2012). Moscow, TsSA RAN. 80 p. (In Russian)

9. *Abusyarova D.L., Takhtarova S.S.* (2016). Conflict communication: Linguoecological aspect. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. Vol. 20, Issue 2. Pp. 154158 (In English)

10. *Gizatova G.K., Snarskaya E.V.* (2016). Narrative and the problems of national cognition. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*, Vol. 20, Issue 2. Pp. 2630. (In English)

11. *Işık E., Ulubey, E., Kozan, S.* (2018) An examination of the social cognitive model of well-being in Turkish college students. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 106. Pp. 11-21. (In English)

12. *Mikail, E.H.* (2014). Nationalism Concept and Turkish Nationalism. International Journal of Business and Social Science. USA. Vol. 5, No. 12. Pp. 8790. (In English)

13. *Uysala N.* (2019). Jared Schroeder Turkey's Twitter public diplomacy: Towards a "new" cult of personality. Public Relations Review. Volume 45, Issue 5. (In English)

14. *Sevin T.* (2018). Turkish Language as a Politicized Element: The Case of Turkish Nation-Building. GeT MA Working Paper. Berlin, No. 15. 66 p. (In English)

15. *RuixueJia Weidong Li.* Public diplomacy networks: China's public diplomacy communication practices in twitter during Two Sessions, Public Relations Review. (In English)

*Садыкова Энже Рашатовна –
Старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Россия
Email: engeibr@mail.ru*

*Sadykova Enzhe Rashatovna –
Senior Lecturer,
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
Email: engeibr@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.210-223

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА КОНСЕРВАТИВНОЙ КРИТИКОЙ

А.Н. Тушев

rs-journal@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется восприятие русского модернизма критиками консервативной направленности. Являясь противниками декадентства, они широко использовали медицинскую терминологию, связанную с психическими заболеваниями по отношению к творчеству модернистов. Консервативная критика видела в модернистском искусстве опасность для общества, призывая читателя увидеть в декадентстве серьезную угрозу.

Ключевые слова: декаданс, консерватизм, литературная критика, литературная репутация, патография, русская литература, русский модернизм, Серебряный век.

Для цитирования: Тушев А. Н. Восприятие русского модернизма консервативной критикой. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(3): 210–223.

RECEPTION OF RUSSIAN MODERNISM BY CONSERVATIVE CRITICISM

A. Tushev

rs-journal@mail.ru;

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article analyzes the perception of Russian modernism by conservative critics. As opponents of decadence, they widely used medical terminology related to mental illness in relation to the work of modernists. Conservative critics saw modernist art as a menace to society, urging the reader to see decadence as a serious threat.

Keywords: conservatism, decadence, literary criticism, literary reputation, psychobiography, Russian literature, Russian modernism, Silver age.

For citation: Tushev A. N. Perception of Russian modernism by conservative criticism. *Kazan linguistic journal*. 2020;3(3): 210–223. (In Russ)

В 1904 г. прошло двенадцать лет с момента публикации сборника Д. С. Мережковского «Символы. Песни и поэмы» (1892) и чтения им лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», вышедшей год спустя отдельным изданием. С этого времени принято отсчитывать начало русского модернизма. К 1904 г. модернизм успел окончательно сложиться как литературное движение со своей внутренней

структурой и стать заметным явлением в культурном пейзаже эпохи [5; 7]. К этому времени уже выходят в свет такие знаковые для модернизма журналы, как «Мир искусства» и «Новый путь», работает издательство «Скорпион», в этом же году начинается выпуск журнала «Весы». Переживают взлет популярности Бальмонт и Брюсов, начинает заявлять о себе младшее поколение символистов – Александр Блок и Андрей Белый.

Вся эта активная деятельность не могла пройти мимо внимания критики так называемых толстых журналов, основная масса которых относилась к новым тенденциям в литературе настороженно, а порой и прямо враждебно. Феномен русского модернизма, обративший на себя внимание широкой публики, требовал осмысления и подведения некоторых итогов более чем десятилетнего присутствия декадентов в русской литературе. Необходимо было, во-первых, указать причину такой популярности символистов у читателя, и во-вторых, объяснить возникновение самого феномена декадентства в общеевропейской культуре, назвать те культурные и социальные тенденции, которые привели к его появлению.

Проблема литературной репутации и восприятия модернистов в прижизненной критике, как мы полагаем, не получит должного освещения без обращения к изданиям и авторам, которые прямо были враждебны по отношению к этому литературному и культурному феномену. Именно в критических материалах недоброжелателей, видевших в декадентстве свидетельства вырождения и упадка нравов, можно услышать голос современника тех событий, который воспринимал и осмыслял модернизм в момент его зарождения и становления, задолго до того, как авторы-модернисты были канонизированы историей литературы и признаны центральными и важнейшими для эпохи, а сама эпоха получила название «Серебряный век».

Довольно подробную и обстоятельную попытку рассмотреть феномен модернизма с точки зрения, как внутреннего содержания, так и его социокультурного генезиса, можно обнаружить в статье А.И. Покровского

«Современное декадентство перед судом вековых идеалов», опубликованной в журнале «Русский вестник» в 1904 г. Автор, стоявший на религиозных и консервативных позициях, дает развернутую критику самых различных сторон художественной практики и деятельности модернистов во множестве аспектов. Среди них – отношение к религии и морали, эстетически воззрения декадентов, их негативное влияние на общество. Подобный враждебный взгляд автора на модернизм в целом соответствовал тому идеологическому направлению «Русского вестника», которое он принял в последний период своего существования. Декадентство присутствовало на русской почве уже больше десятилетия, и консервативный лагерь встал перед необходимостью дать свою оценку этому феномену, и сформулировать свою позицию в вопросе о месте модернизма в культуре и общественном сознании.

Критик говорит о том, что в обществе нет единства в вопросе о декадентстве. Он производит разделение публики на три группы, основываясь на том, как она воспринимает модернизм: 1) приветствует его, 2) относится к нему враждебно, 3) не воспринимает всерьез, видя в нем курьез и забавное чудачество. Он писал: «<...> одна восторженно приветствует декадентство и видит в нем “высшее откровение”, которое раздвинет горизонты человечества и поведаст миру новые, еще не ведомые ему тайны; другая – злобно и яростно нападает на декадентство, считает его сплошным дурачеством и гаерством и отказывает ему хотя бы в доле здравого смысла. Всю огромную середину между двумя указанными крайностями занимает так называемая большая публика, где, с легкой руки покойного В.С. Соловьева, утвердился какой-то легкомысленный, и мы бы сказали даже, игривый взгляд на декадентов. По смыслу такого взгляда, декаденты – это те забавные чудаки-поэты, которые сочиняют крайне неприличные стихи, а также и те оригиналы-художники, которые пишут самые фантастические картины <...> нельзя же, говорят, относиться ко всему этому серьезно; единственно возможное отношение – это легкая ирония и насмешка» [8]. Наиболее распространенным отношением

к модернизму, которого придерживается большинство читателей, как полагает автор, является восприятие его в качестве своеобразного курьеза. Эта модель восприятия была задана Владимиром Соловьевым, написавшим несколько стихотворных пародий на символистов. Удачно спародировав декадентов, Соловьев тем самым обезопасил их в глазах публики, с помощью юмора показав, что помимо вычурности и нелепости, в их творчестве нет сколько-нибудь серьезного содержания. Покровский видит ошибочность и опасность такого легкомысленного подхода к декадентству. За причудливыми образами он усматривает тревожные тенденции упадка культуры, и спешит предупредить об этом общество, не видящее в декадентстве угрозы.

Покровский продолжает мысль, высказанную еще Н.К. Михайловским в первой реакции критики на возникновение декадентства в России, статье «Русское отражение французского символизма» (Русское богатство. № 2. 1893). Оба критика настаивают на отсутствии у русских модернистов оригинальности. Все их творчество имеет заимствованный характер, они лишь следуют образцам и рецептам, предложенным Верленом, Бодлером и Уайльдом, не пытаясь предложить что-то новое и самобытное: «Среди <...> корифеев русского декадентства нет ни одного сколько-нибудь оригинального таланта; все они <...> копируют каких-либо излюбленных иностранных декадентов» [8, с. 549]. Упрек в недостатке оригинальности оставался во многом критической константой в восприятии символистов в России. С одной стороны это было связано с тем, что значительная часть поэтической продукции старшего поколения символистов представляла собой переводы западных образцов жанра, тех же Бодлера и Верлена: «<...> современное русское декадентство не имеет ничего оригинального (разумею декадентскую поэзию и беллетристику), а представляет простой сколок с иностранного, преимущественно французского декадентства» [8, с. 560]. С другой стороны, это определялось стратегией саморепрезентации, которую избрали первые русские модернисты. Поскольку кроме собственно художественных приемов, они копировали также модели публичного образа и бытового поведения

европейских декадентов. Отчасти подражательный характер раннего русского модернизма и обусловил критическую инерцию в его восприятии. Недоброжелательные критики могли с определенным основанием обвинять русский символизм в неоригинальности, игнорируя первые попытки отдельных его представителей опереться в своем творчестве на национальные начала.

Как и многие противники декадентства, в своей критике Покровский обращается к книге Макса Нордау «Вырождение». Вообще, использование медицинской терминологии, связанной с психическими заболеваниями, широко применялось по отношению к творчеству модернистов. Так, показывая на примере стихотворений Бальмонта «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце» и «Солнечный луч» склонность декадентов к болезненному индивидуализму и солипсизму, Покровский прибегает к словарю психиатрии: «На почве такой индивидуальной исключительности, у декадентов вырастает необыкновенная самовлюбленность и безумная гордость, напоминающая какой-то маниакальный бред величия <...> Иногда эта мания величия переходит в <...> экстатический, исступленный бред» [8, с. 562]. Ссылки на работы Нордау и других психиатров обеспечивали критиков декадентства опорой на авторитет науки, делая их суждения более основательными, базирующимися на последних достижениях психиатрии. В итоге сам дискурс антидекадентской критики приобретал отчетливо медикализированный вид, в силу использования медицинской лексики и стремления поставить авторам разбираемых произведений тот или иной диагноз. И Покровский, основываясь на авторитете специалистов по душевным заболеваниям, а также собственном анализе творчества символистов, делает вывод о «вырожденческой» природе нового искусства: «Такой психопатологический, “дегенеративный” характер декадентства, по приговору ученых психиатров, резче всего сказывается в его дисгармонии мыслей и ощущений <...> который одинаково характеризует, как декадентов, так и всех невропатов» [8, с. 590]. Подобному симбиозу литературного анализа и психиатрии поспособствовало то, что не только критики спешили сослаться на психиатров, но и профессиональные

врачеватели душевных болезней нередко обращались к материалу художественной литературы, и охотно ставили неутешительные диагнозы [1; 2; 3; 4; 6; 9; 10; 11]. Так, Покровский, помимо Нордау, находит союзников в борьбе с декадентством и среди русских психиатров. Он приводит цитаты из работ Г.И. Россолимо и Н.Н. Баженова, поднимавших в своих исследованиях вопрос о связи между творческой деятельностью и психическими расстройствами, и находивших объяснение феномену декадентства в душевных недугах: «Вывод у обоих авторов один и тот же, а именно: большинство так называемых декадентов – неискренно и лицемерно: оно лишь иллюстрирует настоящее, подлинное декадентство, надевает на себя только маску декадентства, чтобы импонировать и рисоваться перед толпой. Все же те, кто безусловно искренни и последовательны в своем декадентстве, непременно, в той или другой мере, психопаты и дегенераты, что они документально и удостоверяют, с биографическими данными в руках, относительно большинства выдающихся декадентов» [8, с. 590]. Таким образом, солидаризуясь с психиатрией в понимании «искренних» декадентов как душевнобольных, литературная критика опиралась на авторитет науки, и во многом заимствовала у нее словарь. Отсюда в рассуждениях о литературе возникают термины и диагнозы (невропатия, психопатия, дегенерация, патология, маниакальный бред и другие), создающие особый антидекадентский критический дискурс, имеющий отчетливо медикализированный характер.

Покровский задается вопросом, в чем причина возникновения декадентства и загадка его популярности и широкого распространения в Европе: «Но почему же, однако, оно могло так сильно и очень многих увлечь за собою? Где тайна обаяния декадентства и какой его смысл в культурной истории человечества?» [8, с. 587]. На этот вопрос у критика имелось социокультурное объяснение, связанное с ситуацией кризиса, которую переживает всякая цивилизация в переходную эпоху. Согласно Покровскому, декадентство представляет собой болезненную реакцию современного человека, вызванную разочарованием в позитивизме, рациональных моделях

объяснения мира и достижениях научно-технического прогресса: «<...> декадентство выросло и создано во Франции в продолжение второй половины XIX в., т.е. там и тогда, где и когда особенно сильно было господство рационализма и позитивизма, в наиболее резких и грубых их формах <...> Параллельно с этим и в области технической промышленности, экономических реформ, общественной и политической жизни шел самыми быстрыми шагами такой же, родственной рационализму, утилитарно-материалистический прогресс» [8, с. 587]. Однако успехи, которых достигла цивилизация к этому периоду своего развития, так и не дали человеку ответов на самые важные вопросы, но лишь истощили до предела его психику: «Но, развившись до гипертрофии, разум не выдержал такого натиска и заболел <...> острым утомлением, глубоким отвращением от всего, что прежде так интересовало, и полным разочарованием во всем» [8, с. 587]. Вместо *разума*, плодом которого был научный позитивизм, человеком стало двигать *чувство*, которому не находилось места в рационалистическую эпоху середины XIX-го столетия. И человек поспешил отдаться всему, что являло собой полную противоположность рационализму; главенство научного познания мира сменилось приоритетом познания мистического и интуитивного: «Моментом такого острого паралича разума и поспешила воспользоваться другая, вечно жившая в человеке сила, которая доселе была подавлена разумом, это – *чувство*, со всеми его как высшими запросами, так и низшими инстинктами <...> оно, по закону реакции, прежде всего, поспешило опрокинуть все прежнее <...> на место прежнего рационализма, позитивизма и натурализма стали мистицизм, оккультизм и неоромантизм <...> на место схоластической религии католичества, с ее обрядностью и ритуалом, – необуддизм, культ Сатаны <...> на место прежних ясных и точных догматических формул позитивной науки и искусства – экстатические просветы, суеверные прорицания, бледные тени и неуловимые намеки» [8, с. 587–588].

Декадентство, как полагает Покровский, не является феноменом свойственным исключительно европейской культуре рубежа веков.

Он рассматривает историю как циклический процесс, в котором за расцветом всякой цивилизации неизбежно следует ее упадок, а затем рождение нового, лучшего общества. Культура таких переходных периодов несет на себе явные отпечатки разложения, сходные с теми, что получили название «декадентство» в современную автору эпоху: «<...> “декадентство” далеко не оригинально и не ново, а старо, как самый мир, – оно симптоматично всем переходным эпохам: всякий раз, когда изнашивались старые цивилизации и на развалинах их нарождались новые <...> непременно возникало свое декадентство <...> так было в эпохи Потопа, Вавилона, античной Греции и Рима, накануне средневековой Реформации» [8, с. 592]. Сущность же кризиса современности Покровский определяет как переход от гипертрофированного позитивизма середины XIX-го века обратно к идеализму: «<...> наше современное декадентство <...> показатель того переходного момента, который переживает современное человечество, возвращаясь из темных дебрей натурализма и позитивизма в светлые области идеализма» [8, с. 592]. Декадентство в логике критика и является пусть и болезненным, но признаком этого чаемого им возврата к идеализму. Именно подавленный в предшествующий период позитивизмом идеализм, своим бунтом против него породил декадентство. Однако та форма, которую принял этот бунт, превративший желание свободы в торжество недозволенности, перечеркнул этот изначально положительный порыв к новому идеализму: «На долю же декадентства выпала довольно исключительная и зловещая роль <...> соединить несоединимое: как яркий протест за свободу духа против подавления его в позитивизме, декадентство как нельзя больше отвечало коренным идеалистическим порывам духа, его неудержимой жажде свободы и вечного прогресса. С другой стороны, раздвинув рамки этой свободы до степени произвола, декадентство открыло самый широкий простор господству низших, чувственных инстинктов <...> симпатичное по своему исходному пункту, как протест против тяжелого гнета бездушного позитивизма и грубого натурализма, декадентство глубоко

антипатично по своим окончательным выводам, как грубое торжество той же плоти и новый плен духа, во имя ложно понятой свободы тела» [8, с. 589–590].

Понимавший роль декадентов, как невольных предтеч будущего возвращения идеализма, критик готов был даже увидеть в них и отдельные положительные начала, а не только лишь апофеоз упадка и безнравственности. Этими началами были отмеченные им желание свободы и бунт против ее подавления. В области же творческой, Покровский отдает модернистам должное за их новаторство и своеобразие: «Конечно, в декадентстве <...> не все сплошь отрицательно, не все так болезненно и печально <...> Такой “живой струей” декадентства является, прежде всего, его борьба против условных формул и закрепощения личности, его протестующая идеалистическая логика и его беспокойное, неудержимое стремление к свободе и прогрессу. Другой, чисто литературной заслугой декадентства <...> служит некоторая действительная эволюция в области мысли, рифмы и слова, его тонкая и нередко художественная игра красок и тонов» [8, с. 592]. Однако эти отдельные аспекты не меняют общее отрицательное отношение автора к феномену декадентства.

Критика Покровским декадентства не ограничивается только лишь областью художественной литературы. Он рассматривает этот феномен шире, как явление, проникшее в самые разные сферы человеческой жизни. Автор видит распространение упадочных тенденций в окружающей повседневности, в домашнем быту: «Находясь под напором таких сильных и назойливых влияний, современное нам общество страдает ясно выраженной болезнью декадентства, зараза которой проникла положительно во все уголки не только общественной, но и частной жизни <...> Наконец, и мы сами, в мелочах нашей обыденной жизни, начиная с модной обстановки наших квартир, где доминируют тонкие линии и бледно-зеленые тона <...> разве не платим обидной дани модному увлечению? <...> мы – рабы декадентской моды» [8, с. 558-559]. Этим во многом и объясняется тревожный пафос статьи Покровского, призывающего общество не относиться к декадентству как к курьезу

и чудачеству, но воспринять опасность всерьез, поскольку оно проникло повсюду, и влияние его широко.

Наибольшую обеспокоенность у стоящего на консервативных и религиозных позициях автора вызывает крайний имморализм нового искусства, который определяется специфической «религией декадентства». По мнению Покровского ключевой характеристикой эстетического и морального феномена модернизма, является «<...> крайне-отрицательное и даже злобно враждебное отношение декадентства ко всем божеским и человеческим законам» [8, с. 563]. К такому выводу он приходит, приводя в пример символистские произведения, в которых их авторы обращались к дьяволу и темным силам. В первую очередь это касается Федора Сологуба, чье стихотворения «Когда я в бурном море плавал» он среди многих других цитирует в своей статье. Частое обращение символистов к подобным сюжетам и образам позволяет Покровскому говорить об особой «религии» декадентов, которая заключается в поклонении дьяволу: «Низвергнув в своем безумье Бога, декаденты с каким-то особенным злорадством преклоняются перед Его исконным врагом – дьяволом <...> Можно положительно сказать, что *культ Сатаны* с его черными мессами составляет своего рода “*религию декадентства*”» [8, с. 566]. Нам представляется, что в подобном взгляде на модернизм, не только как на эстетический и социальный, но и религиозный феномен, проявилась специфика идеологической ангажированности автора статьи, стоящего на позициях православия. Он последовательно развивает мысль о религиозном характере декадентства, сравнивая стихотворные обращения к дьяволу с элементами католического ритуала [8, с. 567]: «В самом, деле чем все эти экзальтированные воззвания к дьяволу, эти гимны великому падшему ангелу, эти черные мессы и литании дьяволу, – чем все это отличается от всякой другой религии, хотя бы, напр., католической? Решительно ничем: и здесь та же, своего рода, догма, то же преклонение и такой же ритуал; все различие сводится только к разнице объектов религиозного почитания, а не к самой его сущности, которая в обоих этих случаях одна и та же» [8, с. 582].

Сатану критик называет и настоящим прародителем декадентства, сводя всю программу нового искусства к поклонению падшему ангелу: «Лучшим объяснением такого необыкновенного пристрастия декадентов к демонизму служит указание на то, что они, как “*падшие*”, или “*отпавшие*”, естественно считают своим отцом и родоначальником “*первого павшего*” или Сатану <...> Вот – родословная и программа всего декадентства. Отсюда окончательно ясно, что оно не только индифферентно-атеистическое, но и глубоко враждебное религии направление [8, с. 567–568].

Демоническая «религия» декадентства определяет и специфическую мораль, точнее имморализм всего движения. Именно в уничтожении традиционных моральных установок Покровский усматривает главную опасность распространения и популярности в обществе нового искусства: «Но всего сильней, всего беспощаднее и резче разрушительно-отрицательное направление декадентства сказывается в его отношении к морали <...> В этом служении “черному” и состоит сущность морали декадентов, которую они, в отличие от прежней “*морали добродетели*” называют “*моралью эстетики*”, или “*чистой красоты*”» [8, с. 568–569]. Сущность декадентского имморализма, по мнению критика, обусловлена тем, что вместо этических идеалов, модернисты провозгласили культ «чистого искусства», поставили красоту во главу угла, отвергнув все внеэстетические ценности: «<...> из трех универсальных начал – добра, истины и красоты – единственное реальное значение имеет только последнее; то, что красиво, есть “уже тем самым и истинно и добро”» [8, с. 584]. Гипертрофированный эстетизм модернистов, как полагает Покровский, привел их в итоге к полному отрицанию этических категорий или «боязни» морализма. Этим сознательным неприятием положительных начал критик и объясняет многие антиобщественные тенденции, содержащиеся в декадентстве: «Эта преувеличенная боязнь испортить свою красоту привлечением в нее религиозно-нравственного элемента заставляет их настолько сильно удаляться от него, что часто толкает

в противоположную крайность. Вот откуда объясняется <...> преимущественное тяготение декадентов ко лжи, преступлению и пороку (боязнь морализма)» [8, с. 585]. Модернизм, действительно, бросал вызов традиционной морали, часто сознательно провоцируя читателя обращениям к образам и сюжетам, связанным с темной стороной жизни и человеческой природы. В своем внимании к предельным состояниям и переживаниям они не были первыми, но именно эту грань модернистского творчества критика сделала определяющей чертой их литературной и общественной репутации.

Как же современная модернизму консервативная критика воспринимала этот литературный и культурный феномен? Прежде всего, она видела в нем опасность для общества, предостерегая читателя от легкомысленного отношения к декадентству, призывая его увидеть в символистских произведениях серьезную угрозу. Для этого критика активно пользовалась наработками современной психиатрии, заимствуя у нее терминологию, поскольку психиатрия сама обращала свое внимание на «патологический» характер нового искусства. Причина же популярности и широкого распространения декадентства в культуре объяснялась кризисным состоянием современного человека, разочаровавшегося в позитивизме и ищущего ответов на свои вопросы в обращении к мистике и интуитивным способам познания мира.

Литература

1. *Баженов Н.Н.* Болезнь и смерть Гоголя. Публичное чтение в годичном заседании Московского общества невропатологов и психиатров. М.: Изд-во Кушнерева, 1902.

2. *Баженов Н.Н.* Больные писатели и патологическая литература. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М.: Изд-во Кушнерева, 1903. С. 1040.

3. *Баженов Н.Н.* Душевная драма Гаршина. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М.: Изд-во Кушнерева, 1903. С. 104122.

4. *Бехтерев В.М.* Достоевский и художественная психопатология (Публикация С. Белова и Н. Агитовой). Русская литература. 1962. № 4. С. 135141.

5. *Воскресенская М.А.* Символизм как мировидение Серебряного века. М.: Логос, 2005.

6. *Николози Р.* Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

7. *Пайман А.* История русского символизма. М.: Республика, 2000.

8. *Покровский А.И.* Современное декадентство перед судом вековых идеалов. Русский вестник. 1904. № 6. С. 543594.

9. *Сироткина И.Е.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века / пер. с англ. автора. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

10. *Чиж В.Ф.* Болезнь Гоголя. Записки психиатра. М.: Республика, 2001.

11. *Becker G.* The Mad Genius Controversy: A Study in the Sociology of Deviance. Beverly Hills and London: Sage, 1978.

References

1. *Bazhenov N.N.* (1902). Gogol's Illness and Death. Public Reading at the Annual Meeting of the Moscow Society of Neuropathologists and Psychiatrists. Moscow. (In Russian)

2. *Bazhenov N.N.* (1903). Sick Writers and Pathological Literature. *Psikhiatricheskie besedy na literatunye i obshchestvennye temy*. Moscow. Pp. 1040. (In Russian)

3. *Bazhenov N.N.* (1903). Garshin's Soul Drama. *Psikhiatricheskie besedy na literatunye i obshchestvennye temy*. Moscow, 1903. Pp. 104122. (In Russian)

4. *Bekhterev V.M.* (1962). Dostoevsky and Artistic Psychopathology (published by S. Belov and N. Agitova. *Russkaya Literatura*. № 4. Pp. 135141. (In Russian)

5. *Voskresenskaya M.A.* (2005). Symbolism as a Worldview of the Silver Age. Moscow.

6. *Nicolosi R.* (2019). Degeneration. Literature and Psychiatry in Russian Culture at the End of the XIX Century. Moscow. (In Russian)
7. *Payman A.* (2000). History of Russian Symbolism. Moscow, 2000. (In Russian)
8. *Pokrovskiy A.I.* (1904). Modern Decadence before the Court of Age-old Ideals. *Russkiy vestnik*. № 6. Pp. 543594. (In Russian)
9. *Sirotkina I.E.* (2009). Classics and psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the End of the XIX-beginning of the XX Century. Moscow. (In Russian)
10. *Chizh V.F.* (2001). Gogol's Disease. Notes of a Psychiatrist. Moscow. (In Russian)
11. *Becker G.* (1978). The Mad Genius Controversy: A Study in the Sociology of Deviance. Beverly Hills and London: Sage.

Автор публикации

Тушев Андрей Николаевич –
преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, Россия
ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4201-6265>
Email: rs-journal@mail.ru

Author of the publication

Andrey N. Tushev –
Lecturer
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4201-6265>
Email: rs-journal@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

УДК 82-1/-9

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.224-242

**ОБРАЗ-СИМВОЛ КРЫЛЬЕВ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ САЖИДЫ СУЛЕЙМАНОВОЙ)****Г. Ф. Сафина**safinag78@yandex.ru*Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Россия*

Аннотация. На материале творчества С. Сулеймановой устанавливается семантическая структура и особенности функционирования образа-символа крыльев в татарской женской лирике 1960–1980-х гг. Уходящий корнями в древнейшие мифологические, космогонические представления, живущий в народном творчестве многих народов мира, образ-символ крыльев является знаковым и универсальным в мировой литературе. Установлено, что в татарской литературе, а именно в лирике, данная художественно-эстетическая конструкция носит синтетический характер: она вбирает в себя как общечеловеческие, универсальные смыслы, так и традиции национальной литературы. Полифункциональность символического звучания образа крыльев раскрывается в статье с учетом своеобразия художественного мира поэтессы: особенностей мироощущения, литературно-эстетической позиции, творческих принципов. Как показывает анализ, в женской поэзии образ-символ крыльев служит средством выражения экзистенциальных переживаний: творческого вдохновения, чувства любви, особых состояний эмоционального подъема или душевных смятений и пр. Анализируемый образ функционирует и на уровне тропов, пополняя арсенал изобразительно-выразительных средств поэтического языка автора, выступая в качестве метафор, сравнений. В этих субъектно-образных структурах выявляются различные нюансы (оттенки) специфического «женского» взгляда С. Сулеймановой на природу, человека, жизнь души, функционирование мира.

Ключевые слова: семантическая структура, образ-символ, татарская литература, лирика, традиции, женская поэзия, художественный мир поэтессы, субъектно-образные структуры.

Для цитирования: Сафина Г.Ф. Образ-символ крыльев в татарской поэзии Второй половины XX в.: семантическая структура и особенности функционирования (на примере лирики Сажиды Сулеймановой). *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 224–242.

**THE IMAGE-SYMBOL OF THE WINGS IN THE TATAR POETRY
SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY:
SEMANTIC STRUCTURE AND FEATURES OF FUNCTIONING
(ON THE EXAMPLE OF SAZHIDA SULEYMANOVA'S LYRICS)**

G. F. Safina

safinag78@yandex.ru

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

Abstract. The article establishes a semantic structure and peculiarities of functioning of the image-symbol of wings in the Tatar women's lyric poetry of 1960–1980s on the example of the creative work of S. Suleymanova. Rooted in the most ancient mythological and cosmogonic ideas, the folk art of many peoples of the world, the image-symbol of wings is significant and universal in world literature. It is established that in Tatar literature, namely in lyrics, this artistic and aesthetic construction has a synthetic character: it incorporates both universal meanings and traditions of national literature. In the article, the polyfunctionality of the image of wings is revealed; the author considers the originality of the artistic world of the poetess: the peculiarities of the worldview, literary and aesthetic position, and creative principles. As the analysis shows, in women's poetry the image-symbol of wings serves for expressing existential experiences: creative inspiration, a sense of love, a special state of emotional uplift or mental turmoil, etc. The analyzed image also enriches the stock of visual and expressive means of the authors' poetic language, used as metaphors and comparisons. These subjective and figurative structures reveal various nuances (shades) of S. Suleymanova's specific “female” view of nature, man, the life of the soul, and the functioning of the world.

Keywords: semantic structure, image-symbol, Tatar literature, lyrics, traditions, women's poetry, artistic world of the poetess, subjective and figurative structures.

For citation: Safina G.F. The image-symbol of the wings in the tatar poetry second half of the twentieth century: semantic structure and features of functioning (on the example of Sazhida Suleymanova's lyrics). *Kazan linguistic journal*. 2020; 3(3): 224–242. (In Russ)

Образ крыльев в художественной литературе восходит к древнейшим представлениям людей о духовности, святости, приобщении к небесным сферам. Так, в эпоху тенгрианства тюркские народы представляли солнце в образе огненной птицы. Солнце, око Тенгри-бога, бога неба, изображалось в виде диска с крыльями на монетах и амулетах гуннов, хазар, болгар. В архитектуре, геральдике Казани по сей день ярко представлены образы крылатого барса (герб города, Национальный музей), крылатого дракона (зиланта: парк Тысячелетия, ул. Петербургская, Центр семьи «Казан» («Чаша»)), орла (Национальная библиотека) и др. Наряду с татарской,

мифологии башкирского, казахского и киргизского народов свойствен образ тулпара, крылатого коня, соотносящегося с древнегреческим пегасом.

В мировых религиях представлено множество крылатых образов. Так, крылья божеств, ангелов (архангелов, херувимов) олицетворяют защиту, духовное служение. Татарскому народу известны коранические ангелы Газраил, Джибрил (Рух), Исрафил и др., осуществляющие посредничество между небесным и земным. Из мифов, древних легенд и обрядов, священных писаний, страниц истории человечества и мировых культур образы крыльев, птиц, мотивы полета и устремления «в небо» перешли в литературное творчество, стали одним из сквозных символов в поэзии.

В произведениях разных эпох, различных национальных литератур крылья служили символом вдохновения, свободы, независимости, а порой были знаком исключительности и превосходства. Одним из возможных источников подобного толкования могли быть истории, подобные мифу о Дедале и Икаре, тщетно дерзнувших обрести свободу с помощью самостоятельно изготовленных крыльев, ставших символами тщеславия и гордыни. В целом крылья воплощают силу воли, веру в мечту, целеустремленность, осуществление желаний. Это средство преодоления бренности земного бытия, возможность отрыва от сковывающей обыденности, устремления к высшим, идеальным сферам.

Одно из значений образа крыльев связано с любовью и влюбленностью. Порыв любовных чувств, ощущение счастья и полноты жизни нередко предстают в поэзии как состояние полета. Парность крыльев передает гармонию личных и семейных отношений. Опору на вторую половину, близких и родных людей тоже олицетворяют крылья.

Символика образов птиц и крыльев привлекала внимание исследователей: установлена семантическая структура этого образа в фольклорных текстах (Л. Замалиева [5], К. Миннуллин [8] и др.), в поэзии первой половины XX в. (Н. Юсупова [15]), в творчестве поэтов-модернистов первой трети XX в. (Д. Загидуллина [4]), отдельные наблюдения о функционировании этого

устойчивого образа-концепта в творчестве Н. Гамбара содержатся в статье В. Аминовой [1].

Образы крыльев, птиц очень частотны и выступают в разном семантическом наполнении в лирике известной татарской писательницы С. Сулеймановой (1926–1980), заслуженного работника культуры ТАССР. Сажида Гадельшевна Сулейманова оставила яркий след в развитии татарской литературы второй половины XX в. Автор сборников стихов и поэм, повестей, произведений для детей, она завоевала международное признание. Исследователи Т. Галиуллин [3], Н. Юзеев [14], Р. Мустафин [9], Ф. Сайфулина [10], а также множество известных собратьев Сулеймановой по перу отмечают философскую глубину, тонкую лиричность, музыкальность стилистики стихотворений поэтессы, ставших новым явлением в национальной культуре. Отмечены душевность и открытость автора в выражении чувств, метафоричность образов, ясность и простота поэтического самовыражения, активное проявление гражданской позиции [2].

Так, в стихотворении «Кеше» – «Человек» [12, с. 16] героиня отстаивает свое право носить гордое имя человека. Различные номинации героини, которые давали ей люди, сравнивающие ее с соколом, огнем, сталью, не могут превзойти это имя: *Лачын диләр, / канат кагып горур очканга. / Лачын булсам, жирне сөймәс идем. / Мин – кеше.* – Говорят, что я сокол, / Затем, что в полете высоком / крылом размахнувшимся / чувствую / облака / бег. / Я соколом был бы, / когда б не любил эту землю. / Я – человек! [13]. (Перевод Г. Глазова) Сокол здесь символизирует поэтический гений, отличающий героиню от остальных людей. Размахнувшееся крыло – знак особого состояния вдохновения, способности творить, когда становятся подвластны недостижимые для обыкновенного человека небесные материи. Однако этой способности сокола возвыситься, «чувствовать облака бег», лирическая героиня противопоставляет дар земной жизни. Право стоять на земле, любить земной мир, называться и быть человеком она ставит несомненно выше причастности к небесным сферам.

С крыльями Сулейманова нередко сравнивает вполне земные реалии. Зачастую это ландшафты родной земли, ее растительный мир. В стихотворении «Чэчэклэр аланда» – «Цветы на полянах» [12, с. 102] с крыльями сравниваются лепестки ромашек: *Чэчэклэр аланда, / чэчэклэр болында, / ак канат ромашка / гашийклар кулында.* – Цветы на полянах, / цветы на лугах, / белокрылая ромашка / в руках влюбленных. (Перевод наш – С. Г.) «Белокрылая» ромашка в руках влюбленных традиционно исполняет гадательную функцию («любит – не любит»). Взгляды гадающих с надеждой сосредоточены на последнем лепестке («крыле»): *Ярата, яратмый, / яратмый, ярата... / Өметле карашлар / иң соңгы канатта.* – Любит, не любит, / не любит, любит... / Взгляды с надеждой / на самом последнем крыле.

В целом, стихотворение «Чэчэклэр аланда» – «Цветы на полянах» построено на многократных повторах. Двукратное анафорическое повторение слов гадания на лепестках ромашки во втором и четвертом четверостишиях создает особый композиционный и ритмический эффект: *Ярата, яратмый, / яратмый, ярата* – Любит, не любит, / не любит, любит. Порядок глаголов в утвердительной и отрицательной формах меняется в другой строфе: *Ярата, яратмый, / ярата, яратмый...* – Любит, не любит, любит, не любит. Этими повторами словно создается извечное, из века в век неизменное многоголосие гадающих, сомневающихся в ответном чувстве возлюбленных. Незамысловатый текст гадания на цветке варьируется с помощью глаголов-синонимов: *Сөяме, сөймиме, / сөяме, сөймиме...* – Любит, не любит, / не любит, любит. Вместе с последующими строками строфы они создают выразительный фонетический и интонационный рисунок.

Обращает на себя внимание аллитерационный прием в данном четверостишии, повтор созвучных слов, начинающихся с «с»: *сөймиме – сөйлмиме, сөяме – сөйгәне, сүзне...* Две последние строки содержат риторический вопрос: *Сөйгәне айтмәгән / сүзне гөл сөйлмиме?* – Несказанное любимым / слово может ли цветок сказать? Использование анжамбемана (*айтмәгән / сүзне*) усиливает внимание к словам: *несказанное / слово*. Метонимия помогает

выразить парадоксальную мысль о том, что если о своих чувствах молчит любимый человек, то мучительные переживания влюбленного наделяют цветок возможностью говорить. В сознании читателя рождаются размышления о том, что же извечно мешает людям, которым дан дар слова, выражать ими чувства? Почему, то ли в шутку, то ли всерьез, человек всегда будет искать ответ на один и тот же вопрос, прибегая к силам природы или к таким очаровательным ее созданиям, как хрупкая ромашка?

В стихотворении многократно повторено слово «цветы» – «чэчэклэр». Так, стихотворение начинается со строк: *Чэчэклэр аланда, / чэчэклэр болында* – Цветы на поляне, цветы на лугу... и завершается сходной конструкцией: *Чэчэклэр кырларда, / чэчэклэр юлларда* – Цветы на полях, цветы на дорогах. Цветов много повсеместно, сколько их с оборванными «крыльями»! *Никадэр чэчэклэр / өзелгэн канатлы* (в данных строках стихотворения использован прием инверсии). Родная земля богата россыпью цветов. Так же много не только взволнованно гадающих на ромашке влюбленных, но и нашедших свою половину: *Табышкан, кавышкан / күп икэн дөньяда*. Финал оптимистичен: благодаря устанавливающейся семантической эквивалентности между крыльями и лепестками ромашки любовные сомнения развеиваются и влюбленные соединяются. В произведении «Чэчэклэр аланда» крылья не только выступают как метафорическое обозначение лепестков ромашки, но и органично вплетаются в художественную ткань стихотворения любовной тематики, ассоциируясь с состоянием «окрыленности» людей в моменты влюбленности.

В стихотворении «Офык диңгезендә ал жилкэндэй...» – «Как алый парус в море горизонта...» [12, с. 158] крыльями поэтесса называет лепестки другого цветка – мака. Ожидая рассвета, мак раскрывает лепестки-крылья навстречу первым лучам солнца, стремясь поведать все свои секреты. Звучит обращение к ветерку с просьбой веять осторожнее, дабы нежный цветок не осыпал и не сомкнул свои «крылья».

Дар творчества, поэтический гений человека в лирических произведениях часто обозначается обладанием крыльями, способностью вознестись в небеса. Сажида Сулейманова продолжает данную традицию в стихотворении «Бүтән мэхэббэт» – «Другая любовь» [12, с. 310], раскрывающем сложную природу поэтического творчества. *Бар бит эле бүтән мэхэббэт* – Есть ведь еще и другая любовь, – используя перифраз, говорит героиня Сулеймановой о поэзии. Она стойкая, пусть клюют ее тысячи ястребов, ее жилы не смогут отсечь тысячи палачей: *чукыса да аны мең карчыга, / чаба алмас тамырын мең жэллад*. Образ хищной птицы, ястреба, символизирует жестокость вражеских сил.

К образу птицы поэтесса прибегает в передаче предвкушения поэтического вдохновения. Желая вновь и вновь испытывать эти порывы, сердце «трепещет» в груди, бьется, как птица, готовая в любой момент взмыть в высокие просторы: *Очрашулар көтеп йөргән чакта / очар коштай йөрэк талпына*.

Проявления поэтического таланта, с одной стороны, отождествляются с чувством человеческой любви. Эта «другая любовь» не проходит с годами, и потребность в ней по прошествии времени только усиливается. Как и земная любовь, поэтическое вдохновение может застигнуть в любой, даже самый неподходящий, момент: *Төшләреңә кереп уята ул, / уйларыңны кинэт чуалта. Халык тулы урам уртасында / юлларыңны бүлеп оялта*. – Приходит она (другая любовь) во сне, пробуждает, / вдруг спутывает мысли. / Посредине людной улицы сбивает с пути, ввергая в неловкость. (Перевод наш – С. Г.)

Поэзия охарактеризована двояко, олицетворена противоположными мифологическими образами колдуна, иблиса (сатаны) и крылатого белоснежного ангела: они могут захватить, завертеть в вихре песенного вальса. Дар писать стихи не только несет в себе положительные свойства, но и может повлечь за собой отнюдь не счастливые для своего обладателя последствия. И снова Сулейманова показывает двойственную природу творчества, используя прием антитезы. Вкрапляя в текст национальные, коранические образы, поэтесса окутывает дар творчества в волшебные или неприглядно-обыденные, возвышенные или низменные тона.

Творчество являет собой одновременно и добро и зло, и свет и тьму. Дар писать стихи – это и день, когда ты шах или шахиня, царственно паришь на седьмом небе вдохновения. В то же время – это и ночь, когда ты беспризорным щенком скулишь у ворот. Вдохновение может покинуть, и этим обречь на страдания. Тогда мир становится темным и пустым. Возможность творить здесь мыслится неким «домом», пристанищем души художника, и, если его ворота закрыты для тебя, ты не больше, чем жалкий бездомный щенок. Однако мучительная по своей природе писательская деятельность в то же время необходима женщине как воздух. Лирическая героиня, бросая весь мир, на рассвете отправляется на поиски этой «другой любви», она готова отдать душу в ее объятиях, только бы та не отстранила, не отвергла. Поэтический дар наделяется магическими свойствами. Эта магия «другой любви» зачаровывает героиню.

В финале выступает величественная мифическая женщина-птица – хөррият, символизирующая свободу. Не важно, греховна она или добродетельна. Поэтесса применяет антонимичную религиозную лексику: *халал* (разрешенные, одобряемые шариатом дела и мысли) – *харам* (запретные, греховные деяния, грозящие адом). Странная, чарующая «хөррият», крылатая богиня, взяла героиню в свой плен, и имя ей – Творчество, Поэзия.

Стихотворение глубоко субъективно и автобиографично, оно, поистине, «выстрадано». Сажиде Сулейманова, писательница, учитель, редактор радиопрограмм, активный общественный деятель, жена, мать, переживала муки творчества практически на физическом уровне. Так, супруг поэтессы, писатель Адип Маликов, вспоминает, что в периоды «вынашивания» своих творческих замыслов Сажиде становилась замкнутой и даже худела: *Сажидә Сөләйманова поэзия мәйданына 35 яшендә, унбиш еллап укыту стажы белән килеп керде. <...> Язып калырга ашыкты ул. <...> Шигырьләрен бик авырлык белән, сызланып, газапланып язды Сажидә. Яңасы төгәлләнгәнче, айдә рәтләп сөйләшми, үз эченә бикләнеп йөри, хәтта ябыгып кала. <...> Уңай фикер*

ишетсә, башы куккә тиярдәй булып сөнә. <...> Матур шигърь туган көнне өйдә бәйрәм – Сажидә Сулейманова взошла на поэтическую арену в 35 лет, с пятнадцатилетним педагогическим стажем. <...> Она торопилась успеть написать. <...> Свои стихи она писала с большим трудом, болея, страдая. До завершения нового стихотворения дома толком не разговаривает, ходит, замкнувшись в себе, даже похудеет. <...> Если услышит одобрение – радуется, чуть ли не головой небо задевает. <...> В день рождения красивого стиха в доме – праздник [6, с. 166]. (Перевод наш – С. Г.)

В первой же пробе своего пера, стихотворении «Ач, шигъриять, серләреңне» – «Открой, поэзия, свои секреты» [12, с. 40], поэтесса риторически вопрошает: *Кем уйламый бер очарга, / йолдызларга юл төбәп. / Уйларымны жырға салам – / яшендәй сүзләр кирәк.* – Кто не думает раз взлететь, / прорезая путь к звездам. / Свои мысли кладу на песни – / нужны слова, подобные молнии. (Перевод наш – С. Г.) Воплощение темы творчества в лирике Сулеймановой, таким образом, происходит посредством мотивов полета, окрыленности, устремления к заоблачным высотам.

Поэзии С. Сулеймановой присуща интертекстуальность. В ее стихах встречаются реминисценции из творчества классиков татарской, русской и мировой литературы. Так, в стихотворении «Кызыл каурыйлар» – «Красные перья» [12, с. 296] «о свободе души, национальной гордости, верности своим идеалам, преданности, вере и чести» [10] возникает образ беркута, связанный с героическим пафосом темы поэта и поэзии. Эпиграфом, опираясь на мифопоэтические традиции русского гражданского романтизма, С. Сулейманова избрала строки из В. Кюхельбекера («На смерть Якубовича»): *Он был из первых в стае той орлиной, / Которой ведь и я принадлежал...*

Кеше барыбер кошлар нәселенән! / Тәшләремдә очам кош булып. – Все равно человек из племени птиц! В своих снах летаю птицей. (Перевод наш – С. Г.) Так заявляется в первой строке известного стихотворения Сулеймановой. Этому стремлению не препятствуют многочисленные падения при взлете, и только с высоты можно постичь красоту земли. В поэтике Сулеймановой два

начала – неба и земли – неразрывно связаны и одно не мыслится без другого:
*И все же человек подобен птице! / Во сне летаю. / Ветер свищет в грудь. /
 Но сколько б мы ни падали при взлете, / Мы снова ищем тайный птичий путь. /
 Так, словно что-то нами позабыто / там, в вышине, где звезды ночь прожгли...
 / Покуда не взберешься на вершину, / постичь не сможешь красоту земли [13].*
 (Перевод Г. Глазова)

По Сулеймановой, стремление к полету, к неизведанным тайнам неба, волнующим «что-то позабытое нами», свойственно человеческой натуре. О некой «прапамяти птиц», живущей в душе человека, пишет и Д. Ф. Загидуллина, анализируя в своей статье лирику современной поэтессы Лилии Гибадуллиной: «В стихотворении «Ә очасы килә...» («А летать хочется...») желание летать типизируется как неосуществимая мечта всех людей, в душе которых живет прапамять птиц» [4].

Мотивы полета, окрыления, связывающие природу человеческих стремлений с сущностью птиц, являются устоявшейся поэтической традицией, которая обнаруживает свое развитие и в лирике классических татарских поэтов, и в произведениях авторов наших дней. Крылья – неотъемлемая составляющая любовной лирики Сулеймановой. В стихотворении «Сөюмени» – «Разве любовь» [12, с. 34] задается риторический вопрос: *Сөюмени, / бәхет каршына / канатланып куңелең очмаса.* – Разве любовь, / если навстречу счастью / не летит окрыляясь душа. (Перевод наш – С. Г.) Чувство любви дарует душе крылья и устремляет ее навстречу счастью.

Воспевая красоту возлюбленного, лирическая героиня стихотворения «Ah, ник түгел жилдэй жинел чагым?...» – «Ах, почему не та пора, когда я легче ветра?...» [12, с. 129] уподобляет его брови и ресницы паре крыльев: *Пар канатлар – кашың, керфегең. / Шул канатка кунып очар идем, / изге хыял итеп эфир-кугем.* – Пара крыльев – твои брови, ресницы, / Я бы полетела на этих крыльях, / обратив в мечту свою землю и небо. (Перевод наш – С. Г.) Однако мир героини, грузом клятв и надежд легший на ее плечи, тянет к себе, не позволяя отдаться любовным мечтам. Нет, она отрекается от любви, отказывается смотреть в глаза мужчины, у которого

тоже есть своя земля, своя страна. Все же кольцевая композиция замыкается восхищением красотой любимого: *Кош канаты – кашың-керфегең – Крылья птицы – твои брови-ресницы.*

Музыкальность слога, уникальное благозвучие стиха, своеобразие ритма и вместе с тем глубоко национальный колорит многих стихотворений поэтессы, включая рассмотренное ниже, дали возможность татарским композиторам (М. Имашеву, М. Шамсутдиновой, Э. Булатову, С. Садыковой, Р. Яхину и др.) положить их на музыку. Творчество Сулеймановой вошло в культуру и быт соотечественников и в виде более 30 песен [2].

В стихотворении «Саубуллашу вальсы» – «Прощальный вальс» [12, с. 96], написанном в традициях народной песни, поэтессой подмечено сходство оборок белых школьных фартуков с белыми крыльями: *Ак альякычларда ак канат, / күңел оча, гүя акчарлак. / Ак канат иңнәрдә, / җилферди җилләрдә, / күңел оча ерак җирләргә.* – На белых фартуках белые крылья, душа летит, как чайка. Белые крылья на плечах развеваются ветрами, душа летит в дальние края. (Перевод наш – С. Г.). Школа вырастила и окрылила своих воспитанников, сейчас перед ними открыты новые дороги. В финале вновь возникает образ белого фартука, который пришла пора снять, на смену ему приходит белый парус мечты, готовый следующим же утром тронуться в путь. *Альякычың, дустым, ак икән, / ак булса да, салыр чак җиткән. / Хыяллар ак җилкән, / кузгалырбыз иртән, / ерак юлга чыгар чак җиткән.* – Твой фартук, подруга, белый, оказывается, / даже если и белый, пришла пора снять. / Мечты – белый парусник, / с утра тронемся, / пришла пора отправляться в дальний путь. (Перевод наш – С. Г.) Белые крылья, летящая, словно чайка, душа символизируют чистоту, юность, светлые надежды, начало жизни, готовность на белом паруснике мечты пуститься в ее водоворот.

Примечательно, что белый цвет, как один из значимых цветов в художественном сознании татар, занимает важное место и в лирике С. Сулеймановой. «Поэтессе близки по духу метафоры, связанные с белым цветом. Это отражение особого состояния души человека – открытого всему

доброму, чистому», – пишет Ф. Сайфулина [10]. В активном функционировании образов птиц (кукушки, перелетных птиц, диких гусей, журавлей и др.) в лирике Сулеймановой Ф. Сайфулина прослеживает продолжение народно-поэтических традиций: «Как в народной поэзии, в творчестве С. Сулеймановой часто встречаются образы птиц. Улетающие на юг клинья журавлей, диких гусей вносят в ее поэзию особый лиризм ('моң'), душевную грусть, заставляют думать об ушедшей юности, о несбывшихся мечтах, о далекой родине...» [10].

В стихотворении Сулеймановой «Болыннарда сихри бер ямь» – «На лугах волшебная краса» [12, с. 97] фигурируют «крылатые» образы соловья, сокола, коршуна, мотылька. Героиня восхищается красотой лугов, плетет цветочные венки, наблюдает, как при дуновении легкого ветра черемуха осыпает белый жемчуг, мотылек пьет из цветов росу... В пейзажные зарисовки вплетаются экзистенциальные размышления о хрупкости мира (*бәтен дөнья чәчкә генә* – весь мир – только лишь цветок), о необычайной щедрости природы (*бу табигать нинди юмарт!*), иллюзорности и быстротечности жизни (*дөнья аңа гөлгенәдәй, / гомере ләкин бер генә жәй*. – мир кажется ему / белому мотыльку / только лишь цветником, но его жизнь – одно единственное лето). (Перевод наш – С. Г.)

Своеобразные философские умозаключения сосредоточены в последней строке каждого четверостишия. Если в первой половине стихотворения лирический субъект сосредоточен на созерцании природных проявлений, то во второй части возникает сосредоточенность на себе самом (прием параллелизма). Она выражается в обращенных к самой себе вопросах, нарастающем чувстве тревоги, переданном контрастными образами: *И былбылым, сандугачым, / бармы сайрап туяр чагың? / Гүзәллектән эри жаным, / бармы, башым, уяу сагың?* – О соловей мой, / есть ли пора, когда ты насытишься петь? / От красоты тает душа, / Есть ли, голова моя, у тебя бдительный страж? (Перевод наш – С. Г.)

Подобно мотыльку, в представлении лирической героини весь мир – цветник, но жизнь длится одно лето. Заметим, что образ мотылька имеет суфийские традиции. Соловей традиционно символизирует творческое вдохновение. Однако в тревожном мире, заслушавшись соловьем, можно лишиться птенцов, за которыми охотится коршун: *Былбыл таушын тынлап йөрсәм, / бәбкәләрне аулый тилгән*. Мир полон и радостей (*сөөндәрә язгы тамчы* – радуется весенняя капель), и тревог (*сискәндәрә яшен-камчы* – плети молнии заставляют вздрагивать). Однако в жизнеутверждающем финале звучит стойкая поэтическая позиция: *Ә син сайра, сандугачым, / куңел – былбыл, / йөрәк – лачын. – А ты пой, мой соловей, / душа – соловей* ('былбыл' – поэтическое наименование соловья), / сердце – сокол. Душа поэта, как и соловей, создана для песен, а сильное «соколиное» сердце выдержит все испытания. Сокол ('лачын') – традиционный в татарской литературе образ-символ чести, благородства, смелости и стойкости.

Стихотворение «Казан вальсы» – «Казанский вальс» [12, с. 428] имеет переключки с тукаевскими произведениями: пара лошадей осталась ждать на лугу, а героиню принесли в Казань крылья: *Аланнарда кәтә калды пар атлар, / Алып килде мине сиңа канатлар*.

Произведение «Туган илгә булган тугрылыкны» – «Верность родному краю» [12, с. 25] также содержит аллюзии на поэзию Г. Тукая и излюбленный образ классика – птицу души: *Гөлбакчага керсәң, куңел кошы, / и алданма купшы бизәккә, / Һәр мизгеле елның исәптә*. – Если зайдешь в цветущий сад, птица души, / о не обманись вычурным украшением, / Каждое мгновение у года на счету. (Перевод наш – С. Г.)

Образы не только земных, реальных птиц, но и фантастических, мифических, имеющих литературную историю птиц души (см. выше), птиц счастья («Янә килдем Минзәләгә» – «Снова приехала в Мензелинск»), предстают в лирике Сулеймановой. Так, в стихотворении «Сер алдым» – «Узнала секрет» [12, с. 481] героиня «приходит в мир во второй раз», перед ней

открываются тайны будущего, лицом к лицу она встречается с птицей счастья, испытывает силу ее крыльев.

Анализируемые образы отразились в поэтике множества произведений поэтессы разной тематики. Так, в стихотворении «Туй жыры» – «Свадебная песня» с парой соловьев сравниваются молодые. В произведении «Бер хәтирә» – «Одно воспоминание» письма-чайки трепещут в руках, торопясь улететь. В песне «Диңгезче язы» – «Весна моряка» звучит обращение к родине посредством караванов перелетных птиц. Накатившую яростную пенную морскую волну лирический субъект сравнивает с крыльями налетающего седого ястреба в стихотворении «Чал карчыга» – «Седой ястреб».

В стихотворениях «Сабыр канатлары» – «Крылья терпения», «Каз канаты» – «Гусиное крыло», «Кыр казлары» – «Дикие гуси», «Кечкенә йорт бар тайгада» – «Есть в тайге маленький дом», «Яр тулып бозлар акканда...» – «Когда текут льды, заполняя берега», «Буранлы кошларым...» – «Мои буранные зимы», «Болытларны ярып нидер үтте...» – «Что-то прошло, разрезав тучи», «Ымсындыңмы, күнел?..» – «Обманулась, душа?», «Су буйларын буйлым» – «Иду вдоль берега реки», «Шатлык кояш кебек балкып чыга» – «Радость сияя восходит, как солнце» и др. образы крыльев, птиц, мотив полета предстают в различных смысловых трансформациях. Они служат средством выражения особенностей индивидуально-личностной позиции автора, отражающей философско-эстетические традиции национальной литературы.

С. Сулейманова, первая поэтесса эпохи 1960-х гг., заложившая основы «женской» поэзии в национальной литературе, является образцом, «иконой» для большинства молодых авторов конца XX–XXI в.

Так, обладательница литературной премии имени С. Сулеймановой Луиза Янсуар, чье творчество завоевало вершины современного поэтического олимпа, росла в атмосфере почитания творчества своей именитой предшественницы: *Книги были везде и всегда. Я не помню такого, чтобы у нас дома кто-нибудь не читал. Все кого-либо читали и живо обсуждали. Помню, был культ Сажиды Сулеймановой. Домашние называли ее не иначе, как «Сәжидә апаң»,*

«твоя Сажида апа». Поэтому у меня вначале сложилось четкое ощущение, что «Сажида апа» – это наша дальняя родственница. А не приезжает только потому, что живет где-то далеко... [16].

Современные татарские поэтессы продолжают традиции Сулеймановой и в то же время переосмысливают их. Л. Янсуар, Э. Хадиева, Г. Гарипова и др. также прибегают к таким универсальным, знаковым в культуре структурам, как образы-символы крыльев, птиц, полета. Исследование специфики их функционирования в современной женской поэзии значимо для понимания устойчивого и изменчивого, статичного и динамичного в национальном историко-литературном процессе.

Итак, образы крыльев и птицы функционируют в татарской поэзии второй половины XX в. как устойчивые структурно-семантические комплексы, вбирающие в себя широкий спектр значений: творческого вдохновения, любовного порыва, осознания собственной исключительности, попытки преодолеть несовершенство земной жизни, поэтизации лирического «я», метафоризации предметно-образного мира, одухотворения и эстетизации жизненных реалий. Они выступают как традиционные символы и образы-концепты, отсылающие к определенной поэтической традиции и выступающие в качестве маркеров национальной идентичности текстов. В то же время в поэзии С. Сулеймановой птицы / крылья – это парный индивидуально-авторский символ, являющийся средством обнаружения экзистенциального смысла запечатленных в тексте переживаний, их универсализации.

Литература

1. *Аmineва В.Р.* Интертекстуальность как прием поэтики Н. Гамбара. Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 385–412.
2. *Валеева-Сулейманова Г., Маликов А.А.* Сулейманова Сажида Гадельшевна. Альметьевская энциклопедия // URL: <http://almet->

history.tatneft.ru/personalii/m-t/s/smo-suh/suleymanova-sazhida-gadelshevna?lang=ru (дата обращения: 13.09.2020).

3. *Галиуллин Т.Н.* Шигърияь баскычлары: Эдэби тэнкыйть мөкалэләре. Казан: Мәгариф, 2002. 231 б.

4. *Загидуллина Д.Ф.* Постмодернизм в татарской поэзии: поэтика иллюзорности в творчестве Л.Ф. Гибадуллиной. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 27–36. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-tatarskoj-poezii-poetika-illyuzornosti-v-tvorchestve-l-f-gibadullinoy> (дата обращения: 13.09.2020).

5. *Замалиева Л. Ф.* Орнитоморфный образ в татарской поэзии: кукушка. Филология и культура. Philology and culture. 2014. №2 (36) С. 131–134. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitomorfnyy-obraz-v-tatarskoj-poezii-kukushka> (дата обращения: 13.09.2020).

6. *Маликов Ә.* Сажидәгә хатлар. Казан утлары. 1986. №10. Б. 165–177.

7. *Маликов Ә., Маликова А.* Сажидә Сөләйманова – шигърияьнең күк чәчәге. Казан: Рухият, 2016.

8. *Миннуллин К. М.* Песня как искусство слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2001. // URL: <https://docplayer.ru/61153086-Minnullin-kim-mugallimovich-pesnya-kak-iskusstvo-slova-tatarskaya-literatura-avtoreferat.html> (дата обращения: 13.09.2020).

9. *Мустафин Р.* Подснежник и магнолия. Литературное обозрение. 1987. №7.

10. *Сайфулина Ф. С.* Поэзия Сажиды Сулеймановой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. // URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-sazhidy-suleymanovoy#ixzz6MiIRуху1> (дата обращения: 13.09.2020).

11. *Сайфулина Ф.* Шигъри сүзнең сихри көче. Шагыйрә Сажидә Сөләйманова ижаты. Тобольск: ТГПИ, 2001.

12. *Сөләйманова С.* Тормыш, исәнме! Шигырьләр, поэмалар. Казан: Рухият, 1998. 511 б.

13. Стихотворения из сборника Сажида Сулеймановой «Со звездами наедине». Наталья Лайдинен: сайт. // URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=4591&letter=%D1&code=6399> (дата обращения: 13.09.2020).

14. Юзеев Н. Хэзерге татар поэтикасы (Поэзия теориясенә кереш). Казан, 1973.

15. Юсупова Н.М. Особенности символизации в татарской поэзии XX века. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. №4 (82). Ч. 1. С. 37–40. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-simvolizatsii-v-tatarskoj-poezii-hh-veka> (дата обращения: 13.09.2020).

16. Янсуар Л. «Дом, в котором», или Изнанка мира. *Идель*. 2019. 7 авг. // URL: <http://idel-tat.ru/news/blog/dom-v-kotorom-ili-iznanka-mira> (дата обращения: 13.09.2020).

17. Янсуар Л. К Сажиде Сулеймановой – в Альметьевск! Татарстан. 2016. 20 сент. // URL: <http://protatarstan.ru/k-sazhide-suleymanovoy-v-almetyevsk/> (дата обращения: 13.09.2020).

References

1. *Amineva V.R.* (2017). Intertextuality as a method of N. Gambar's poetics. *Voprosy izucheniya natsional'nykh literatur. Diskurs identichnosti v menyayushchikhsya kontekstakh*. Pp. 385–412. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

2. *Galiullin T.N.* (2002). Poetic stages: literary critical articles. 231 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

3. *Malikov Ə.* (1986). Letters to Sazida. *Kazan utlary*. №10. Pp. 165–177. (In Tatar)

4. *Malikov Ə., Malikova A.* (2016). Sazida Suleymanova – the celestial flower of poetry. *Kazan, Rukhiyat*. (In Tatar)

5. *Minnullin, K. \M.* (2001). Song as the art of words: abstract. dis. ... d-r of filol. Kazan. // URL: <https://docplayer.ru/61153086-Minnullin-kim-mugallimovich-pesnya-kak-iskusstvo-slova-tatarskaya-literatura-avtoreferat.html> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)

6. *Mustafin, R.* (1987). Snowdrop and Magnolia. *Literaturnoe obozrenie*. №7. (In Russian)
7. *Saifulina, F.* (2001). The magic power of the poetic word. Creativity of the poet Sazida Suleymanova. Tobol'sk, TGPI (In Tatar)
8. *Saifulina, F.S.* (1998). Poetry of Sazhida Suleymanova: abstract. dis. ... cand. of filol. Kazan. // URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-sazhidy-suleymanovoy#ixzz6MiIRyxy1> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
9. *Sələimanova S.* (1998). Life, Hello! Poems. 511 p. Kazan, Rukhiyat. (In Tatar)
10. Poems from the collection of Sazhida Suleymanova “With the stars alone”. // Natal'ya Laidinen: sait. // URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=4591&letter=%D1&code=6399> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
11. *Valeeva-Suleimanova G., Malikov A.A.* Suleymanova Sazhida Gadelshevna. Al'met'evskaya entsiklopediya // URL: <http://almet-history.tatneft.ru/personalii/m-t/s/smo-suh/suleymanova-sazhida-gadelshevna?lang=ru> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
12. *Yansuar L.* (2019). “The house in which”, or the Underside of the world. Idel'. 7 avg. // URL: <http://idel-tat.ru/news/blog/dom-v-kotorom-ili-iznanka-mira> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
13. *Yansuar L.* (2016). To Sazhida Suleymanova – to Almetyevsk! Tatarstan. 20 sent. // URL: <http://protatarstan.ru/k-sazhide-suleymanovoy-v-almetyevsk/> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
14. *Yusupova N.M.* (2018). Features of symbolization in Tatar poetry of the XX century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. №4 (82). Iss. 1. Pp. 37–40. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-simvolizatsii-v-tatarskoy-poezii-hh-veka> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)
15. *Yuzeev N.* (1973) Modern Tatar poetics (introduction to the theory of poetry). Kazan. (In Tatar)

16. *Zagidullina D.F.* (2016). Postmodernism in the Tatar poetry: poetics of illusion in the works of L. F. Gibadullina. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Vol. 158, Iss. 1. Pp. 27–36.* // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-tatarskoy-poezii-poetika-illyuzornosti-v-tvorchestve-l-f-gibadullinoy> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)

17. *Zamalieva L.F.* (2014). Ornithomorphic image in Tatar poetry: cuckoo. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture. №2 (36). Pp. 131–134.* // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitomorfnyy-obraz-v-tatarskoy-poezii-kukushka> (accessed: 13.09.2020). (In Russian)

Автор публикации

*Сафина Гульнара Фаридовна –
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Казанский государственный институт
культуры
Казань, Россия
Email: safinag78@yandex.ru*

Author of the publication

*Safina Gulnara Faridovna –
PhD in Philology,
Senior lecturer
Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russia
Email: safinag78@yandex.ru*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.243-253

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В XXI ВЕКЕ*З.И. Замалиева, Р.Р. Файзерахманова*z_zamalieva@mail.ru*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. В данном исследовании описывается развитие современной китайской фантастической литературы в XXI веке. Популярность жанра фантастики стабильно растёт по всему миру. Чужие миры, необычные существа, высокие технологии привлекают читателей всех поколений. Фантастика даёт возможность писателю поставить человека в такие условия, каких нет в реальной жизни, одновременно затрагивая актуальные проблемы. Она ищет ответы на те проблемы, которые действительно важны для человечества сегодня или возникнут через какое-то время. Китайская фантастическая литература отличается от литературы других стран. Китайский народ с уважением относится к своим традициям и истории, им присуще находить связь между старыми и новыми идеями. За последние годы жанр фантастики в Поднебесной получил большое развитие, однако, несмотря на глобализацию и сближение с Западом, Китай остается непонятным для мира. В китайской фантастике есть тексты, наполненные специфической китайской традицией, поэтому она может оказаться сложной для понимания. Тем не менее, можно сказать, что китайские фантасты подверглись влиянию западной фантастики в большей степени, чем влиянию собственной культуры.

Ключевые слова: литература, китайский, фантастика, Китай, развитие.

Для цитирования: Замалиева З.И., Файзерахманова Р.Р. Развитие современной китайской фантастической литературы в XXI веке. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 243–253.

THE DEVELOPMENT OF MODERN CHINESE FANTASY LITERATURE
IN THE 21st CENTURY*Z.I. Zamalieva, R.R. Fayzerakhmanova*z_zamalieva@mail.ru*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. This study describes the development of modern Chinese speculative fiction literature in the 21st century. The popularity of the fantasy genre is growing steadily throughout the world. High technology has attracted readers of all generations. Fiction makes it possible to put a person in such conditions when in real life they arise while touching upon actual problems. It is looking for answers to the problems that are really important for humanity today. Chinese science fiction is different from other countries' ones. The Chinese people respect their traditions and history; they are inherent to find a connection between old and new ideas. In recent years,

the genre of fiction in the Celestial Empire has been greatly developed, but despite globalization and rapprochement with the West, China remains incomprehensible to the world. In Chinese fiction there are texts filled with a specific Chinese tradition. Nevertheless, it can be said that Chinese science fiction writers were influenced by Western fiction to a greater extent than the influence of their own culture.

Keywords: literature, Chinese, speculative fiction, China, development.

For citation: Zamalieva Z.I., Fayzerakhmanova R.R. The development of modern Chinese science fiction literature in the XXI century. *Kazan linguistic journal*. 2020; 3(3): 243–253. (In Russ)

Фантастика – один из древнейших жанров искусства. Это разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, «чудесного мира». Фантастика обладает особым типом образности со свойственными ей высокой степенью условности, откровенным нарушением реальных логических связей и закономерностей, естественных пропорций и форм изображаемого объекта [2, с. 1119].

Истоком фантастики является мифология. Древние люди не знали ничего о мире из того, что доступно современному человеку. Они хотели найти свое место в мире, понять, почему идет дождь или снег, почему день и ночь сменяют друг друга. Мифы помогали объяснить мир. Через фольклор произошел переход от мифологии к литературе. Чтобы отнести произведение к фантастике, в нём обязательно должен присутствовать вымышленный элемент. Сюжет может быть основан на явлениях или законах природы, существование которых не доказано или поддается сомнению с научной точки зрения. Происходит событие или появляется обстоятельство, которое не встречается либо невозможно в реальном мире.

Китайская мифология обычно затрагивает моральные вопросы и информирует людей о своей культуре и ценностях. Мифы и легенды передавались устно более тысячи лет. Одни мифы были записаны в ранних книгах, таких как «Канон водных путей» («水经注», *Shuǐ jīng zhù*) и «Книга гор и морей» («山海经», *Shānhǎi jīng*). «Книга гор и морей», сохранившаяся до наших дней, дает много материала по древнекитайской мифологии

и является настоящей сокровищницей для исследователей мифов древнего Китая [6, с. 10].

Некоторые продолжали передаваться через устные традиции: театр, танец, песня. После чего они были увековечены в виде романов, например, «Возвышение в ранг духов» («封神演义», Fēngshén yǎnyì).

В результате развития литературы во второй половине XIX века встал вопрос о выделении фантастики в отдельное понятие, что было связано с научно-техническим прогрессом. Основу произведений того времени составляли научные открытия и изобретения. К фантастической литературе относились скептически: её не хотели признавать самостоятельной из-за большой связи с наукой. Однако изменения в структуре фантастики во второй половине XX века привели к тому, что её выделили в отдельный жанр.

Китайская фантастика отличается от фантастической литературы других стран. Это связано с тем, что Китай – страна многовековых традиций. Литература насчитывает почти четыре тысячи лет истории. Китайцы с уважением относятся к своим традициям и литературе, для них важно находить связь между старыми и новыми идеями. Интерес к фантастике существовал на протяжении всей истории китайской литературы. На сегодняшний день отсутствует единая классификация жанров фантастики, что связано с отсутствием четких границ жанра. Китайскую фантастику можно разделить на три основных жанра: научная фантастика, научное фэнтези и фэнтези. Научное фэнтези является синтезом научная фантастики и фэнтези.

В Китае фантастика развивается с каждым днем. Однако современный читатель предпочитает книги в электронном формате, поэтому в последнее время авторы публикуют свои работы в интернете. Жанр фэнтези у пекинских книголюбов не самый приоритетный [5]. Китайских читателей не устраивает, что большая часть известных произведений фантастической литературы принадлежит западным писателям. За последние годы жанр фантастики в Поднебесной получил большое развитие, однако количество писателей-фантастов, регулярно публикующих произведения в этом жанре, не превышает

и двух сотен. Тем не менее, фильмы-фэнтези с оригинальными китайскими сюжетами довольно популярны среди жителей Китая, но фантастическая литература долгое время оставалась в тени, пока в 2015 году Лю Цысинь (刘慈欣, Liū Cǐxīn) не получил премию «Хьюго» за лучший роман.

Премия «Хьюго» признана наиболее авторитетной и влиятельной международной научно-фантастической премией. Это награда, ежегодно присуждаемая за лучшие работы в области научной фантастики и фэнтези. Американская премия была учреждена в 1953 году и названа в честь Хьюго Гернсбека, который в 1960 году стал «отцом журнальной научной фантастики» за создание первых специализированных научно-фантастических журналов. Премия присуждается ежегодно за лучшие произведения в жанре фантастики «Всемирным обществом научной фантастики».

Еще пару лет назад Лю Цысинь был практически неизвестен на Западе. Писатель родился 23 июня 1963 года в городском округе Янцюань провинции Шаньси, КНР. Его родители были шахтерами. Сам писатель занимал руководящие посты на государственных предприятиях, а писательством занимался в свободное от работы время. Он начал писать ещё в 1980-х годах, однако первый опубликованным произведением стал рассказ «Песня китов» (鲸歌, Jīng gē) в 1999 году. В том же году писатель выпустил роман «Эпоха Сверхновой» (宇宙坍缩, Yǔzhòu tānsuō). Следующие книги закрепили за писателем репутацию профессионала в области научной фантастики, но лучшим научно-фантастическим писателем его стали называть только после публикации трилогии «Задача трёх тел» (三体, Sān tǐ). «Задача трёх тел» – это первая книга трилогии «В память о прошлом Земли» (地球往事, Dìqiú wǎngshì), хотя всю трилогию в Китае воспринимают по названию первой книги. Сюжет написанного в 2006 году романа основан на современных научных теориях. Идея произведения возникла после того, как Лю Цысинь прочитал статью о «задаче трёх тел» небесной механики. В его голове стали возникать разные вопросы: а что, если в трёх телах было три солнца. Как могла

бы развиваться разумная жизнь на одной из планет в такой системе. Задача трех тел – это термин в астрономии, одна из задач небесной Лю Цысинь применяет эту задачу на земные отношения [3]. Вторая часть романа «Тёмный лес» (黑暗森林, Hēi'àn sēnlín) больше связан с наукой и историей. Здесь борьба с инопланетянами смешана с марксистско-ленинской философией. Сюжет третьей книги серии «Конец смерти» (死神永生, Sǐshén yǒngshēng) и также повествует о битве против инопланетян. Лю Цысинь говорил, что его издатель был вдохновлён первыми двумя романами, поскольку их действие происходит в недалёком прошлом и близком будущем, а вот насчёт третьего сомневался: Лю собирался описывать будущее далёкое, на современность непохожее и китайским читателям явно неинтересное. Однако автор не желал уходить от своей первоначальной идеи и написал о многомерном космосе, об искусственных чёрных дырах и смерти всего мира [2, с. 23]. Немногие работы современной китайской научной фантастики имеют положительный взгляд на научное развитие и оптимистическое отношение к будущему. Большая часть научной фантастики Китая связана с негативными последствиями научного прогресса, результатом чего может стать тёмное будущее. Лю Цысинь же обладал большим оптимизмом. Он говорил, что культурная революция оставила след и наложила отпечаток на его мышление [2, с. 22]. Возможно, именно поэтому его повести и рассказы проникнуты идеализмом и героизмом.

Роман затрагивает практически все глобальные проблемы современности: экология, терроризм, экстремизм, исторические трагедии. Основным недостатком романа по мнению читателей заключается в том, что автор не до конца раскрывает характеры персонажей, однако идеально выстраивает сюжет. Невозможно предугадать, какое событие будет следующим. Роман полон научных терминов, что может оттолкнуть не знающих физику читателей, но автор делает акцент не на физику и технологии, а на социологию. Два основных вопроса, интересующих Лю Цысиня это то, как поведет себя

человечество в данной ситуации и во что оно превратится в будущем. Возможно, роман привлек к себе особое внимание в мире, потому что принадлежит китайскому автору. Некоторые российские и американские читатели на различных интернет-ресурсах отмечали, что роман переоценён. Этот факт не помешал Лю Цысиню найти своих поклонников. На российских веб-сайтах можно встретить большое количество положительных отзывов о «Задаче трёх тел». В 2016 году группа молодых людей, увлекающихся фантастической литературой, организовала встречу для обсуждения «Задачи».

Лю Цысинь больше не выпускал научно-фантастические произведения, лишь изредка комментируя статьи на веб-сайте официального информационного агентства КНР «Синьхуа». Объяснял он это тем, что не мог найти интересный материал.

Лю Цысиня называют одним из трёх «генералов китайской научной фантастики» [2, с. 23]. Второй «генерал» – Ван Цзинькан (王晋康, Wáng Jìnkāng) закончил школу в год начала Культурной революции и в итоге пошёл не учиться, а работать в колхоз. Только в 30 лет Ван поступил в университет и дебютировал в литературе в 1992 году. Его первый же рассказ, «Регрессия Адама», получил в 1993 году премию «Иньхэ» («银河奖», Yínhé jiǎng, «Млечный Путь»). Следующие пять лет фантаст получал премии ежегодно, затем их регулярность снизилась, но всё равно наград «Иньхэ» у него больше, чем у кого бы то ни было. В настоящее время Ван Цзинькан – автор более десяти романов и нескольких десятков рассказов. Вана интересуют необычные биологические эксперименты. «Леопард» («豹», Bào, 1998) – повесть о спортсмене, которому пересадили гены хищника: герой всех побеждает, но перестаёт контролировать себя. Герой «Муравьиной жизни» («蚁生», Yǐ shēng, 2007), учёный, живёт в деревне и выделяет из муравьёв «сыворотку альтруизма», которая, если впрыснуть её всем китайцам, превратит страну в земной рай. Однако политики за несколько лет доводят этот рай до полной разрухи.

Третьим «генералом» является Хань Сун (韩松, Hán Sōng, 1965). Сначала он был журналистом, а потом стал редактором правительственного журнала в структуре новостного агентства «Синьхуа». В КНР запрещён его рассказ «Моё отечество не видит снов» («我的祖国不做梦», Wǒ de zǔguó bù zuòmèng, 2007). Власть страны посредством наркотиков поддерживает работоспособность подданных и редактирует их воспоминания о жестоком подавлении инакомыслящих. Его произведение «Красный океан» («红色海洋», Hóngsè hǎiyáng, 2004) повествует о генетической модификации людей, которые живут под водой, потому что скрываются от экологической катастрофы [7]. Романы Хан Суна мрачно-сатирические, они оспаривают современные социальные проблемы. Его роман «Красная звезда над Америкой» («火星照耀美国», Huǒxīng zhàoyào měiguó), в котором описывается китайское вторжение и захват Соединенных Штатов, а также его сборник коротких рассказов «Метрополитен» («地铁», Dìtiě), в котором отражены похищения и людоедство инопланетян в нескончаемой поездке на поезде, восхваляли их чувство социальной справедливости.

Долгое время фантастика, написанная женщинами, не принималась читателями. Женщин – фантастов не издавали, потому что такие книги не были популярными. На сегодняшний день известность женской фантастики набирает обороты. Такие произведения представляет собой синтез научной фантастики или фэнтези и любовного романа.

Молодая писательница Хао Цзинфан (郝景芳, Hǎojǐngfāng) стала лауреатом премии «Хьюго» в 2016 за лучшую короткую повесть «Складной Пекин» (北京折叠, Běijīngzhédié), обойдя даже такого мирового мастера фантастики, как Стивен Кинг. Свою повесть она написала ещё в 2012 году всего за три дня. В начале 2015 года повесть была впервые опубликована. В этом произведении рассматривается один из вариантов возможного развития города и социума в будущем. Писательница в своей работе создала Пекин в совершенно другом пространстве, населив его людьми совершенно других

слоев общества. Столица в ее романе превратилась в своеобразного «трансформера», который может складываться, но одновременно в повести ощущается след «суровой реальности». Жители города делятся на три социальных класса, каждый из которых живет на другой физической поверхности города. История основывается на повседневной жизни и переживаниях автора, рассказывает о реальных чувствах людей. Планируется экранизация книги, действия которой будут происходить в вымышленном городе. Основная сюжетная линия сохранится, однако будут и новые персонажи. Сейчас Хао Цзинфан работает в китайском научно-исследовательском фонде, где она занимается исследованием макроэкономики Китая и даёт рекомендации правительству, поэтому Хао Цзинфан знакома с политическим строем страны, знает высокопоставленных чиновников, что и повлияло на содержание «Складного Пекина». В будущем автор планирует написать продолжение к истории «Складной Пекин», превратив ее в большой роман [5]. На данный момент Хао Цзинфан работает над новой книгой. Это научно-фантастический роман, повествующий о древней цивилизации Китая.

Помимо вышеуказанных писателей среди китайских читателей сейчас очень популярны книги таких писателей, как Чэнь Цюфань (陈楸帆, Chén Qiūfān), Чэн Цзинбо (程婧波, Chéngjìngbō) и Чжан Жань (张冉, Zhāng Rǎn).

Сейчас в Китае стали популярны веб-новеллы. Это относительно новый жанр китайской литературы, рассказывающий о людях, занимающихся развитием внутренних сил для достижения бессмертия. Данные новеллы имеют популярность во всем мире. «Завоевание» («猎国», Liè guó) – одна из популярных веб-новелл, состоящая из 585 глав, выпуск которой начался 17 ноября 2009 года.

Российская молодежь, официально связавшись с представителями, переводит их на русский язык. Появление новых жанров доказывает, что интерес к фантастике спадет ещё не скоро.

В последнее десятилетие возрос интерес к фильмам и играм, сделанным на основе фантастических книг. Эта популярность объясняется тем, что современный человек испытывает потребность в уходе от реальности, ему необходима психологическая разгрузка. При этом фантастику нельзя назвать узконаправленной или интересной только определенному кругу зрителей. Она может быть развлекательной и научно-познавательной, романтической и жестокой. Отсутствие единой классификации её жанров создает сложности в её понимании и изучении. Читатель, подыскивая интересную книгу, может запутаться в разнообразии тем и сюжетов. Разделение фантастики на жанры должно стать одной из главных задач исследователей фантастической литературы. Однако появление новых жанров затрудняет этот процесс.

Основная проблема непопулярности китайской фантастики – языковой барьер. Без сомнения, в настоящий момент изучение китайского языка стало новым явлением, но не каждый человек способен выучить один из самых сложных языков мира. Ещё одной проблемой является то, что, несмотря на глобализацию и сближение с Западом, Китай остается непонятным для мира. В китайской фантастике есть тексты, наполненные специфической китайской традицией, поэтому она может оказаться сложной для понимания. Однако можно сказать, что китайские фантасты подверглись влиянию западной фантастики в большей степени, чем влиянию собственной культуры. Тем не менее, популярность фантастики стабильно растёт. Иные миры, необычные существа, новые технологии привлекают читателей всех поколений. Фантастика даёт возможность поставить человека в такие условия, каких нет в реальной жизни. Однако за всем выдуманным скрываются важные мировоззренческие вопросы. Фантастика затрагивает актуальные проблемы. Она ищет ответы на те проблемы, которые действительно важны для человечества сегодня или возникнут через какое-то время.

Литература

1. *Капралов А.Д.* Мир по достоинству оценил творчество китайских писателей-фантастов // URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-08/25/content_39165814.htm (дата обращения 14.05.2020)
2. *Караев Н.* Беседа с Лю Цысином. Мир Фантастики. Март 2015. №139. 128с.
3. *Лю Цысинь.* «Задача трёх тел» // URL: <https://fantlab.ru/work602234> (дата обращения 14.05.2020)
4. *Николюкин А.Н.* Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России]. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
5. *Чан Ин.* В Пекине стартовала Конвенция научной фантастики // URL: <http://russian.cctv.com/2016/09/11/VIDEjEyDRFFNknEbX9Wp40uK160911.shtml> (дата обращения 14.05.2020)
6. *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая / Перевод под редакцией Б.Л. Рифтина. М.: Наука, 1987. 527 с.
7. 韩松. 红色海洋 – 上海科学普及出版社, 2004. 534页.

References

1. *Kapralov A.D.* The world appreciated the work of Chinese science fiction writers. // URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-08/25/content_39165814.htm (accessed: 14.05.2020) (In Russian)
2. *Karaev N.* (2015). Interview with Lu Cixin. 128 p. Mir Fantastiki. (In Russian)
3. *Lju Cysin'.* Three-body problem // URL: <https://fantlab.ru/work602234> (accessed: 14.05.2020) (In Russian)
4. *Nikoljukin A.N.* (2001). Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. 1600 p. Moscow, Intelvak. (In Russian)
5. *Chan In.* Science fiction Convention launched in Beijing // URL: <http://russian.cctv.com/2016/09/11/VIDEjEyDRFFNknEbX9Wp40uK160911.shtml> (accessed: 14.05.2020) (In Russian)
6. *Juan' Kje.* (1987). Myths in Ancient China. 527 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

7. *Han Song*. (2004). Red ocean. 534 p. Shanghai kexue puji chubanshe.

(In Chinese)

Авторы публикации

Замалиева Зарина Ильнуровна –
преподаватель кафедры алтаистики и
китаеведения
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, Россия
Email: z_zamalieva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6097-7396>
Регина Рашиатовна Файзерахманова
Email: reginfai@mail.ru

Authors of the publication

Zamalieva Zarina Inurovna –
teacher of the Department of Altai Studies and
Sinology
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
Email: z_zamalieva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6097-7396>
Regina Rashatovna Fayzerakhmanova
Email: reginfai@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.016

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.254-264

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: БИЛИНГВАЛЬНЫЙ И МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ СТУДЕНТОВ

*И.Г. Кондратьева**irina.kondrateva.67@mail.ru**Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. Процессы глобализации, происходящие в мире и быстро развивающиеся современные технологии, положительно влияют на изучение иностранных языков. Данное исследование посвящено проблеме обучения иностранным языкам в билингвальной и мультилингвальной среде и анализу опыта изучения языков студентами. Результаты исследования показали, что изучение лингвистического опыта студентов - билингвов и мультилингвов может учитываться для изучения лексики, грамматики и других языковых аспектов. Особенности лингвистического опыта студентов позволяют исследовать такие вопросы, как межъязыковая интерференция. Преимущества студентов - билингвов – беглое использование лексики, но, при этом наблюдаются фонетические ошибки. В статье также рассматриваются билингвальные и мультилингвальные подходы к обучению, явления билингвизма и мультилингвизма в Высшей школе иностранных языков и перевода Казанского (Приволжского) федерального университета.

Ключевые слова: иностранный язык, студент, билингвизм, мультилингвизм

Для цитирования: Кондратьева И.Г. Преподавание иностранного языка: билингвальный и мультилингвальный лингвистический опыт студентов. Казанский лингвистический журнал. 2020; 3(3): 254–264. (In Eng.)

FOREIGN LANGUAGE TEACHING: BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM BACKGROUND

*I.G. Kondrateva**irina.kondrateva.67@mail.ru**Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. Globalisation and forthcoming technologies are of considerable interest because they intensify the process of learning languages. This study represents an attempt of implementing bilingual's background or students' experience in language learning process and analyses the effectiveness of such knowledge in teaching languages. The main results that appeared were as follows: linguistic experience is applicable and actual to study lexicon, grammar and other language aspects. Features of linguistic experience and background also allow exploring such linguistic issue as language interfering. Advantages of bilinguals are the ways to follow the smallest variations in language gaining. Using of a national language or the first and second languages in teaching raises learners' interest and let down hesitation in using vocabulary but transfers

phonetic errors. The paper covers bilingual and multilingual learning approaches, their current and future requests in the learning process of Higher school of foreign languages and translation studies of Kazan Federal University.

Keywords: foreign language, student, bilingualism, multilingualism, communication

For citation: Kondrateva I.G. Foreign language teaching: bilingualism and multilingualism background. *Kazan linguistic journal*. 2020; 3 (3): 254–264.

Teaching foreign languages in multilingualism conditions is characteristic of the Republic of Tatarstan in Russia, where there is a certain specificity of the interaction of two large spoken state languages: Russian and Tatar. Modern scientific literature defines the complex phenomenon of multilingualism, taking into account the concepts of psychologists, sociologists and linguists, as various terms explained by different scientists. One can find the concept of multilingualism, bilingualism, polyglotism, triglossia, etc.

Considering the concept of bilingualism, we agree with U. Weinreich that this is knowledge of two languages and their regular use [12]. In our case, these are Tatar and Russian languages, which are equally spoken in the Republic of Tatarstan. The Tatar language ranks as the second in Russia in the number of speakers (more than 5 million people) and belongs to the Volga-Kipchak subgroup of the Kipchak group of the Turkic language family. Around the world, about 7 million people speak the Tatar language (including 5.3 million people in Russia) [10]. We consider bilingualism in the Republic of Tatarstan as a natural condition, since it is characterized by the perception of two languages from early childhood, even Russian speaking families live, communicate and in Tatar language medium and society. Multilingualism can be defined as full knowledge of any language on an equal basis with one's native language, for example, Tatars know their native language - Tatar and one more - Russian. We attribute them to be simultaneous bilinguals, since these languages are studied at school and have the same number of academic hours per week. Learning two foreign languages in Russian schools, mainly English and another foreign language (more often other languages are German, French, Spanish, Chinese, Italian in Tatarstan, as they are popular here) is compulsory. European schools offer the second foreign language at school from the early years (35) of the educational process due to the closeness of countries.

Across the world, the number of bilinguals is continuously increasing. Today, about half of the world's population is considered to be either bilingual or multilingual [7].

A person who knows more than three languages is considered a polyglot. V. Cook calls such people multi-competent [8]. There are scientists who reflect bilingualism as knowledge of three or more languages, since not every next language changes the problem of bilingualism and calls this phenomenon repetitive bilingualism [9]. As many students of Higher school of foreign languages and translation studies know three and more languages, we may consider them multi-linguals.

In our study, we shall consider multilingualism as knowledge of more than three languages. When entering the university, graduates, as a rule, know the first foreign language at the levels of A1B1, and the second foreign language at the level of tourist minimum. The Higher School of Foreign Languages and Translation studies of Kazan (Volga region) Federal University has three foreign languages in the curricular of bachelor's program and two foreign languages for master students. They can increase proficiency in already familiar languages, as well as learn a new foreign language.

Studies in the field of teaching and learning languages show that bilingualism has positive prerequisites in the mastery of a subsequent foreign language, regardless of the level of proficiency of students in previous languages. The parallel development of two speech mechanisms - the first and the second languages, favors the study of the third one under the conditions for rational management of student educational and social activity, language situation and the dynamic nature of bilingualism [6]. Multilingualism also enhances linguistic experience, accelerates language forecasting and has a positive impact on the development of language skills [1].

The methodological basis of the research predetermined the analysis of the works of the following scientists in the field: M. Fomin, V. Vinogradov, L. Shcherba, I. Zimnaya and N. Baryshnikov. M. Fomin praised the interdisciplinary approach to multilingualism. He divided various terms of this phenomenon into linguistic, social, historical, sociolinguistic, didactic, pedagogical, psychological

and psycholinguistic approaches. According to the linguistic approach, “bilingualism” and “multilingualism” are differentiated. “Bilingualism” and “language contacts” are synonymous [4]. From psychological point of view, the term “bilingualism” is used [3]. In the didactic and pedagogical aspects, the terms “bilingualism” and “multilingualism” are used [2].

The aim of research was to find out the advantages and disadvantages of bilingualism, so the language experience of our students was studied.

According to I. Bim, language experience has three components: linguistic (informative), linguistic (operational) and speech (motivational) [2]. The linguistic aspect can be a positive transmitting source, the meaning of which is the recognition and comparison of vocabulary, grammar of a foreign language with the first two languages. An operational aspect is semantic text processing, by which students can compensate insufficient language proficiency. We can consider these aspects of the language experience of students as reserve opportunities for learning other foreign languages. As for the nature of linguistic interaction in bilingualism and multilingualism, we must emphasize the acquisition of the second and the third languages, which brings about real changes in the structure of linguistic consciousness due to the existence of two or more linguistic systems. The most pressing issues in this area are positive and negative interference. It is important to emphasize that bilinguals of related and unrelated languages have different interference. Typological, structural, psycholinguistic correspondences and differences in the languages in contact determine the nature and number of interference phenomena taking into account foreign languages and the bilingualism of the national language [12].

Research in this area has shown that multilingual students have a wide outlook due to comparison and experience in expressing thoughts in different languages. Multilinguals have verbal behavior with a faster response to the perception of grammatical constructions, a wealth of acoustic associations, language guesses and an easy transition from one language to another [11].

There are objective reasons why the educational process at the Higher School of Foreign Languages and Translation studies of Kazan (Volga region) Federal University may have advantages: a multilingual person is ready to study a foreign language within the framework of his language experience, realizing the fact that there are different methods of thinking and such students consider the specific grammatical features of the new language obvious [11].

At the same time, teaching foreign languages in multilingualism conditions also has shortcomings. The difficulties of studying foreign languages at the Higher School of Foreign Languages and Translation studies in the conditions of various types of bilingualism and multilingualism have their own characteristics. This may be due to ignoring the diverse language experience of students, their priorities in choosing languages. The survey was carried out to define kinds of difficulties of students in the process of learning languages. 2018 students of all four courses of bachelor program and 54 students of master program of the Higher school of foreign languages and translation studies took part in the survey. The results are various and can be seen in the Table1.

Table 1.

Difficulties of students while learning languages
(in %)

Grammar	Listening skills	Speaking skills	Translation skills	Phonetics	Vocabulary
49%	54%	36%	47%	51%	46%

Two thousand students from 27 countries (Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan Turkmenistan, Uzbekistan, Abkhazia, Tajikistan, Syria, Colombia, Moldova, Algeria, Congo, Iraq, Azerbaijan, Vietnam, Ghana, Ecuador, Armenia, Afghanistan, Japan, Taiwan, China, Ukraine, Turkey, USA, Germany) know and speak various foreign languages. Some of them are monolinguals, bilinguals and multilinguals.

Table 2.

The Quantity of bachelors at Higher school of foreign languages and translation studies (in %)

Monolinguals	Bilinguals	Multi-linguals
12%	37%	51%

Table 3.

The Quantity of master students at Higher school of foreign languages and translation studies (in %)

Monolinguals	Bilinguals	Multi-linguals
0%	63%	39%

Interviewing of students showed dissatisfaction with chosen combination of languages sometimes. About 17 percent of students are not satisfied with knowledge of studying languages. Sometimes it was parents' wish to choose one or another language as they thought was more popular and spoken in the world than others.

Combinations of learning languages are different and are united as two European languages and one Asian for any student of any group. The studied languages are: English, German, French, Italian, Spanish, Portuguese, Polish, Chinese, Vietnamese, Arabic, Turkish, Hindi, Korean, Japanese and Swahili. That is why all of the students of Higher school and translation studies learn three foreign languages during bachelor course and two foreign languages during master course, so even monolinguals become multi-linguals by the end of the bachelor or master course. To reduce difficulties, the teaching staff conducts research of this issue and divides the language experience of students into two categories: philological and linguistic. In philological experience there are two aspects: linguistic and psychological. The linguistic aspect is the ability of learners to determine similarities and differences in learning foreign languages with the help of a university teacher. The psychological aspect is the translation of skills from one language to another foreign language [11].

The interaction of languages depends on the level of bilingualism of a student. The influence of previously learned languages depends on the language aspect. It is known that more often the first language affects the phonetic system of other languages; the combined influence of the first and second languages affects the grammar and vocabulary of other languages.

Having studied the terms "bilingualism" and "multilingualism" and the modern conditions of the question in the scientific world and the educational process of the Higher School of Foreign Languages and Translation studies, it can be concluded that multilingual conditions in the case of the Republic of Tatarstan may have positive and negative aspects. Methodological management of the educational process of the second and third foreign languages can open up additional opportunities for bilinguals in terms of their language and operational experience and certainly requires further research.

Research in the sphere methodological concepts of teaching foreign languages proved that nevertheless there are many well-known and effective approaches of teaching languages; university graduates are able to fulfil monolingual or bilingual tasks in professional communication. It must be stated that teaching techniques are characterized as traditional system of consistent teaching of foreign languages. Dominant position is occupied by English language. It is obvious that there is deficiency of complete domestic methodological systems existing in multilingual digital continuum, developing multilingual communication and establishing international connection and contacts. New educational paradigm supposes new task – forming multilingual communicative competence. One of possible solutions is creating of complete methodical concept which is taking into account domestic and foreign experience and science and developing multicultural personality in the epoch of digital multilingual communication. The process of modelling such system consists of the aim of education, contents, methods and techniques, forms and results of education. It is complicated educational and humanitarian concept which is aimed at formation of multilingual and multicultural personality as participants of intercultural professional communication, understanding

representatives of foreign society. In the logic of our proposed system of training, the boundaries of the indicated strategic goal are expanded by the formation of not just "harmoniously developed and socially responsible," but a multilingual multicultural personality, educated, on the one hand, on the principles of patriotism, love and respect for the native language, historical and national-cultural traditions of our country. On the other hand, based on the recognition of the existence of cultural and linguistic pluralism and the realization of itself as a part of the multilingual communicative space of the era of universal digitalization.

The methodological system of multilingual education of students is level, differentiated on the basis of taking into account the psychological, individual, personal and intellectual characteristics of students, universal in the logic of training both Russian and foreign personnel in the conditions of a domestic higher school. It is based on a multi-lingual approach to foreign-language training and allows the real formation of multi-lingual communicative competence among future specialists of the Russian Federation, rather than declarative.

Multilingual education of university students will be effective if:

- The essence, specificity and regularities of the process of multilingual education of higher school students in the context of the modern educational paradigm are determined and on this basis a methodological system of multilingual education of university students is developed, representing a holistic set of interrelated, mutually agreed and mutually reinforcing components subordinate to the strategic objective.

- Methodological design was carried out on the basis of the unity of multilingual and other methodological approaches, the leading instrumental role among which is assigned to personal activity and competent approaches to foreign language training.

- Developed a structure of multilingual communicative competence of a university student, including basic and complementary structural components, and used in the practice of multilingual training.

- Creation and use in the educational process of multilingual educational complexes for students, including textbooks, dictionaries, directories and other educational materials on paper and digital media.

- Multilingual learning technologies have been developed and put into practice, implementing the goals and objectives of the developed methodological system of education and contributing to the formation of a multicultural multilingual personality of a university student.

- Criteria and methods of diagnostics are defined and used at all stages of training, which make it possible to evaluate the results achieved by the trainees and to identify the success of the proposed methodological system.

Литература

1. *Барышников Н.В.* Методики преподавания второго иностранного языка в школе. Москва: Образование Публ., 2003. 159 с.

2. *Бим И.Л.* Некоторые особенности преподавания немецкого как второго языка на основе английского. Иностранные языки в школе, 1997. № 4. С. 512.

3. *Зимняя И.* Психология преподавания иностранных языков в школе. Москва: Образование, 1991. 222 с.

4. *Фомин М.М.* Изучение иностранного языка в условиях многоязычия (двоязычие). М.: Мир книги Публ., 1998. 214 с.

5. *Щепилова А.В.* Коммуникативно-познавательный подход к преподаванию французского языка как второго иностранного. Москва: Школьная книга Публ., 2003. 488 с.

6. *Щерба Л.В.* К вопросу двуязычия. Языковая система и речевая активность: книга. Ленинград, 1974. С. 313318.

7. *Bhatia T.K., Ritchie W.C.* The handbook of bilingualism and multilingualism (2nd ed.). 2013. Oxford: Wiley-Blackwell // URL: <https://doi.org/10.1002/9781118332382>

8. *Cook V., Bassetti B.* Language and Bilingual Cognition, Psychology Press. New York, 2010. 608 p.

9. Haugen E. Language contact. *New in Linguistics*. Moscow. Progress publ. N 6, 1972. Pp. 6180.

10. *Sabirova D., Khanipova R.* Innovative approaches to teaching and learning English as second and English as foreign language in multilingual education. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7(6), 2019. Pp. 4548 // URL: <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7610/>

11. *Sharnas V. I.* Essays on the linguo-didactics. Vilnius: Mokslas Publ., 1976. 212 p.

12. *Weinreich Ur.* Monolingualism and multilingualism. *Language contacts*. New in foreign linguistics. Moscow: Progress Publ. Issue 6, 1972. Pp. 3536.

References

1. *Baryshnikov N. V.* (2003). Methods of teaching the second foreign language at school. Moscow: Obrazovanie Publ., 159 p. (In Russian)

2. *Bim I. L.* (1997). Some peculiarities of teaching German as a second foreign language based on English. *Foreign languages at school*, 4, pp. 512. (In Russian)

3. *Zimnyaya I.* (1991). Psychology of teaching foreign languages at school. Moscow: Obrazovanie. 222 p. (In Russian)

4. *Fomin M.M.* (1998). Learning a foreign language in conditions of multilingualism (bilingualism). Moscow: Mir knigi Publ., 214 p. (In Russian)

5. *Shchepilova A.V.* (2003). Communicative-cognitive approach to teaching French as a second foreign language. Moscow: Shkol'naya kniga Publ., 488 p. (In Russian)

6. *Shcherba L. V.* (1974). To the question of bilingualism. *Language system and speech activity: a book*. Leningrad. Pp. 313318. (In Russian)

7. *Bhatia T.K., Ritchie W.C.* (2013). The handbook of bilingualism and multilingualism (2nd ed.). Oxford: Wiley-Blackwell // URL: <https://doi.org/10.1002/9781118332382> (In English)

8. *Cook V., Bassetti B.* (2010). *Language and Bilingual Cognition*, Psychology Press. New York, 608 p. (In English)

9. *Haugen E.* (1972). Language contact. *New in Linguistics*. Moscow. Progress publ., N 6. Pp. 6180. (In English)

10. *Sabirova D., Khanipova R.* (2019). Innovative approaches to teaching and learning English as second and English as foreign language in multilingual education. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7(6). Pp. 4548. // URL: <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7610> (In English)

11. *Sharnas, V.I.* (1976). *Essays on the linguo-didactics*. Vilnius: Mokslas Publ., 212 p. (In English)

12. *Weinreich Ur.* (1972). Monolingualism and multilingualism. *Language contacts. New in foreign linguistics*. Moscow: Progress Publ., Issue 6. Pp. 3536. (In English)

Авторы публикации

*Кондратьева Ирина Германовна –
к. пед. наук, доцент
заведующий кафедрой иностранных языков
Казанский (Приволжский) Федеральный
университет
г. Казань, Россия.
Email: irina.kondrateva.67@mail.ru*

Authors of the publication

*Kondrateva Irina Germanovna –
Candidate of Pedagogics, Associate Professor
Head of foreign language department
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
Email: irina.kondrateva.67@mail.ru*

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ**

УДК 371.321.5

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.265-288

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОРОТКИХ СЮЖЕТНЫХ ИСТОРИЙ
В ОБУЧЕНИИ ИНТЕНСИВНОМУ ЧТЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Л.Р.Мирзиева¹, Е.Н.Куликова¹, Ли Сьюань²

ch_leisang@mail.ru

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

²*Хунаньский международный бизнес-колледж*

*Институт Конфуция Казанского (Приволжского) Федерального
Университета, г. Казань, Россия*

Аннотация. В данном исследовании описывается использование технологий интенсивного чтения в преподавании китайского языка: от работы над структурой занятий и их содержанием, апробации до получения выводов. Интенсивное чтение – один из видов учебного чтения. Оно отличается тем, что перед учащимися стоит задача за короткое время изучить и проанализировать небольшой по объему текст, уровень сложности которого соответствует их уровню, либо на порядок выше. Данный вид чтения на наш взгляд обладает рядом преимуществ: сжатый текст и богатый лексический материал, развитие навыков перевода, чтения вслух, закрепление пройденной грамматики и включение нового грамматического материала. Уникальность исследования обусловлена выбором материала обучения – короткие сюжетные истории. Китайские притчи, легенды и фольклор в целом отличаются интересным содержанием, лаконичностью, богатым лингвострановедческим материалом. Благодаря им можно развить не только навыки чтения у учащихся, но и письмо, говорение, расширить запас слов. Мы провели опрос и цикл уроков, которые помогли нам сделать соответствующие выводы и укрепили наше мнение об эффективности технологий интенсивного обучения и использовании фольклора в качестве учебного материала. Учебно-методический материал был составлен на основе двух известных китайских легенд: «Волопас и Ткачиха» и «Как Хоу И одолел десять солнц». Данное исследование будет полезно преподавателям иностранного языка, в частности китайского.

Ключевые слова: язык, китайский, фольклор, учебное чтение, интенсивное чтение, опрос, урок

Для цитирования: Мирзиева Л.Р., Куликова Е.Н., Ли Сьюань. Эффективность коротких сюжетных историй в обучении интенсивному чтению на китайском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 265–288.

EFFICIENCY OF SHORT STORIES IN INTENSIVE READING TEACHING ON CHINESE LESSONS

L.R. Mirzieva¹, E.N. Kulikova¹, Li Siyuan²

ch_leisang@mail.ru

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*Hunan International Business Vocational College Confucious Institute in Kazan
(Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. This study describes the use of intensive reading technologies in teaching the Chinese language: from work on the structure of lessons and their content, questionnaire to conclusions. Intensive reading is a type of educational reading. It differs in that the students must study and analyze a small text in a short time; the level of lexical complexity is higher than their current language level or corresponds to it. This type of reading, in our opinion, has several advantages: short text and rich lexical material, development of translation skills, reading aloud, being a great tool in consolidating the grammar passed and the inclusion of new grammatical material. The uniqueness of the study is due to the choice of teaching material – short stories. Chinese parables, legends and folklore as a whole distinguished by interesting content, conciseness, and rich linguistic and cultural material. It is possible to develop not only students' reading skills, but also writing, speaking, and expanding the vocabulary. We conducted a survey and a series of lessons, that helped us draw the appropriate conclusions and strengthened our opinion about the effectiveness of intensive learning technologies and the use of folklore as educational material. Our lesson materials were compiled on the basis of two well-known Chinese legends: “Cowherd and Weaving maid” and “How Hou Yi shooting Sun”. This study will be useful to teachers of a foreign language, in particular Chinese.

Keywords: language, Chinese, folklore, educational reading, intensive reading, questionnaire, lesson.

For citation: Mirzieva L.R., Kulikova E.N., Li Siyuan. Efficiency of short stories in intensive reading teaching on Chinese lessons. *Kazan linguistic journal*. 2020; 3(3): 265–288. (In Russ)

ВВЕДЕНИЕ

Чтение занимает важное место в преподавании иностранного языка. Благодаря нему преподаватель одновременно может решить несколько образовательных задач: компенсировать нехватку языковой среды, заполнить пробелы в знании лингвострановедческого материала, расширить словарный запас, закрепить понимание грамматического материала и т.д.

Чтение – гибкий материал, который также помогает учащимся развить навыки письма, говорения и аудирования. Для этого эффективно использовать конкретные методики и послетекстовые упражнения: чтение для учебы, чтение для говорения, письма и др. [8]. Из этого можно сделать

вывод, что в образовательном процессе чтение выступает не только как самоцель, отдельно обособленный аспект языка, но и как весьма эффективное средство развития других языковых навыков.

Важной составляющей эффективного занятия чтением является учебное содержание. В академическом образовании на уроках иностранного языка для чтения обычно используют адаптированные материалы: публицистические, научно-публицистические, художественные тексты. Последний вид текстов включает в себя классические и современные произведения поэзии и прозы, реже фольклорные произведения. Считается, что сказки, притчи, легенды применяются только в начальной и средней школе. Благодаря им учитель реализует не столько обучающие, сколько воспитательные цели, что неактуально для преподавания в высшей школе.

На наш взгляд, фольклорный дискурс, напротив, отвечает целям и задачам академического преподавания и представляет собой материал с неограниченным потенциалом. Особенно это касается китайского фольклора по двум причинам: богатое разнообразие сюжетов и закодированный в самой притче или легенде смысл большинства китайских фразеологизмов – ченьюев. Так, по одному названию трудно понять, что выражение «胸有成竹» обозначает «иметь готовый план в голове, быть в полной готовности», ведь буквально оно переводится «иметь в уме готовый образ бамбука». Чтобы разобраться в его значении, нужно знать историю о художнике-каллиграфе, который очень любил рисовать бамбук и настолько отточил свое мастерство, что ему не нужно было воочию видеть предмет, чтобы перенести изображение бамбука на бумагу, так как яркий и живой образ был готов у него в голове. Иносказательное значение, которое так важно для понимания значения китайских идиом и сферы их использования остается за рамками словесного названия. Поэтому, полное понимание этимологии ченьюя невозможно без знания источника его происхождения.

Именно знакомство с притчами, легендами позволяет почерпнуть огромный этнографический материал: имена легендарных героев, названия древних княжеств,

государств и др. реалии, присущие только китайской культуре. Понимание фундаментальных основ китайской культуры способствует интенсивному освоению изучаемого языка и его законов, обогащает их картину миропонимания, усиливает мотивацию к изучению китайского.

Именно притчи и легенды характеризуются сжатым объемом письменного, художественного текста, в котором используются литературные слова и обороты, регистр которых как правило выше просторечного. Таким образом, в сочетании с моделью интенсивного чтения короткие истории являются превосходной текстовой основой для развития языковых, профессиональных и коммуникативных навыков студентов.

В связи с вышеупомянутым, цель нашего исследования – проверка эффективности использования китайского фольклора на занятиях по интенсивному чтению. В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

- 1) Рассмотреть преимущества интенсивного развития в развитии языковых навыков у студентов, изучающих китайский язык как первый иностранный в языковом вузе.
- 2) Разработать опросник для материала в сочетании с технологиями интенсивного чтения. Сфера применения – практические занятия китайского языка в языковом вузе.

В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

1. Изучить литературу, посвященную преподаванию интенсивного чтения, рассмотреть отличительные особенности и характеристики данного вида чтения.
2. Составить и провести опрос среди учащихся вторых курсов, изучающих китайский язык как первый иностранный.
3. Составить план урока и подготовить необходимый учебно-методический материал на тему известного китайского мифа «Волопас и ткачиха» и «Как Хоу И одолел десять солнц».

4. Описать эксперимент по применению китайского фольклора в качестве учебного материала и интенсивного чтения как методики преподавания чтению, проанализировать полученные результаты.

Актуальность исследования заключается в возможностях, которые открываются при соединении традиционного китайского фольклора с современными технологиями и методологиями чтения. Такое сочетание способствует улучшению работы студентов над иноязычным материалом и развитию иноязычных компетенций, связанных не только с восприятием и пониманием информации, но и с ее воспроизведением в устной и письменной форме.

Практическая значимость работы заключается в том, что разработанные нами структура занятия и упражнения, в сочетании с методическими рекомендациями могут применяться преподавателями иностранного языка, в частности китайского.

Методологической базой для настоящего исследования стали труды Короткиной И.Б., Ли Ляньцзи, Луань Юйцин [3; 7; 8]. При написании статьи применены описательный метод, метод эмпирического анализа, опрос и метод сравнения. Благодаря им мы смогли определить эффективность использования фольклора в качестве языкового материала с одной стороны, и интенсивного чтения как модели совершенствования иноязычных компетенций у студентов, с другой.

Модель обучения интенсивному обучению была применена в работе со студентами 2 курса образовательных программ «ЯСАА» и «Зарубежное регионоведение» ИМО, КФУ – Казань. Эксперимент проводился в течение 2020/2021 учебного года.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА. ПОЛЬЗА КОРОТКИХ СЮЖЕТНЫХ ИСТОРИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНТЕНСИВНОМУ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Ниже мы хотели бы подробно рассмотреть особенности использования коротких сюжетных историй в обучении интенсивному чтению.

Относительно обучения чтению следует отметить, что специалисты рассматривают его не как самоцель, а как инструмент развития других видов речевой деятельности учащихся (письмо, говорение, аудирование), их мышления (аналитическое, критическое), творческих способностей (например, создание собственных текстов, миниатюр) [1; 8].

Отечественные и зарубежные авторы сходятся во мнении, что текст компенсирует недостаток языковой среды [1], в связи с чем большое внимание отводится его технической и смысловой составляющей. Так, по мнению Молодых Нагаевой Е. Г. и Нордман И. Б. в работе с учебным текстом нужно учитывать профессиональные потребности обучаемых. Главными критериями отбора текстов в таком случае выступают: современность затрагиваемой тематики, целостность, соответствие текста уровню филологических знаний студентов; актуальная, в разумной степени сложная лексика, которая дает учащимся ощущение развития. Все эти факторы вместе повышают интерес к изучаемому предмету и языку в целом [5].

Интенсивное чтение зачастую рассматривается параллельно с экстенсивным чтением как два диаметрально противоположных подхода, использование которых определяется целями и задачами обучения [3]. Так, экстенсивный тип чтения используется преподавателем для закрепления пройденного материала, пассивной коррекции произношения, а интенсивное чтение как нельзя лучше подходит для расширения словарного запаса, введения и отработки новых грамматических структур, активной коррекции произношения.

Экстенсивное чтение сравнивают с «марафоном на длительную дистанцию»: когда перед учащимися стоит задача освоить не сложный, как правило, на один-два уровня ниже, но большой по объему текст (больше двух печатных страниц). В интенсивном чтении же наоборот, необходимо приложить максимум усилий и концентрации, чтобы за короткое время изучить и проанализировать небольшой по объему текст, уровень сложности которого соответствует уровню учащихся, либо на порядок выше. А послетекстовые задания как правило сложнее и разнообразнее чем в экстенсивном чтении [3].

Текст как главная составляющая в обучении чтению - не только источник лингвистической, но и смысловой, культуроведческой информации [4]. Бесспорно, две последние функции текста в наибольшей степени реализуются посредством использования коротких сюжетные истории (притчи, мифы, анекдоты, истории, рассказы, загадки).

Темы, которые освещают притчи и др. короткие истории, универсальны: с течением веков они не утратили актуальности, более того в них затрагиваются проблемы, волнующие современное поколение молодежи: проблема долга, выбора, лучшее и худшее проявление человеческой природы и т.д. Образность и метафоричность, которыми они отличаются, развивают фантазию. Необычный, порой причудливый сюжет вызывает удивление, усиливает интерес, а компактный текст позволяет поддерживать внимание учащихся [2]. При этом, несмотря на простоту изложения и незамысловатый сюжет, притчи обладают идейной глубиной, заставляют читающего задуматься над философскими, социальными и житейными вопросами, развивают рефлексивное мышление и умение анализировать поступки героев и формировать свое собственное мнение [6].

Другой важный вопрос касается организации обучения чтению. Несмотря на то, что современные технологии активно используются преподавателями вузов (мультимедийные презентации, компьютерные игры, видео-аудио-материалы и т.д.), алгоритм проведения занятия остается тем же: сначала идет перевод и разбор новых лексических единиц, анализ грамматических конструкций, затем чтение текста, ответы на вопросы и, наконец, выполнение послетекстовых заданий, которые обычно только направлены на проверку понимания содержания языкового материала, закрепление новых слов [6]. В этой связи наряду с традиционными моделями обучения, необходимо использовать инновационные. К примеру, на этапе, следующем после чтения и перевода текста, ввести культуроведческий и филологический анализ текста; включить коммуникативные упражнения, приближенные к реальным условиям языковой ситуации (например, составить диалог, подготовить сценку), типовые

задания из письменного и устного экзамена HSK и т.д. [7]. Таким образом, преподаватель искусственно создает у студентов реальную потребность овладения техникой чтения в общем и конкретным языковым материалом, в частности.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эксперимент по введению интенсивного чтения в учебный процесс состоял из разработки опросника (см. Приложение 1) и практических занятий, которые были проведены со студентами 2 курса Института международных отношений Казанского Федерального Университета, изучающих китайский язык как основной иностранный. В нем участвовали 43 студента 18-19 лет с языковым уровнем В1.

В нашем эксперименте мы задались целью проверить эффективность коротких рассказов-притч в сочетании с технологиями интенсивного обучения. Эксперимент состоял из трех этапов:

1. констатирующий этап: проведение письменного опроса, направленного на выявление фоновых, лингвострановедческих знаний у учащихся; понимание того, как они оценивают роль чтения в изучении китайского языка и т.д.;

2. исполнительный этап: реализация модели интенсивного чтения с помощью разработанного комплекса упражнений на материале китайских притч;

3. контрольный этап: проведение опроса, проверка степени эффективности использования коротких рассказов-притч в обучении китайского языка, а также действенности разработанного комплекса упражнений.

КОНСТАТИРУЮЩИЙ ЭТАП

Цель данного этапа – определить насколько актуально использование коротких рассказов-притч в образовательном процессе, узнать какие потребности в улучшении занятий чтением есть у студентов, а также выявить уровни лингвострановедческих знаний, касающихся традиционной культуры Китая.

Задачи:

- провести письменный опрос;
- проанализировать полученные результаты.

Для осуществления поставленных целей и задач мы разработали опросник (см. Приложение 1), состоящий из двух частей: вводной, служащей для сбора фактической информации (возраст, пол, как долго студент изучает китайский язык) и основной. Основная часть состояла из десяти вопросов благодаря которым мы смогли оценить фоновые знания учащихся, их отношение к чтению, как к одному, из аспектов преподавания иностранного языка; узнать, что получится, если в чтение интегрировать короткие рассказы-притчи.

Первый вопрос звучал «Интересуетесь ли вы культурой Китая?». На диаграмме ниже (рис.1) видно, что подавляющее большинство опрошенных ответили утвердительно – 87%, 5% отрицательно и 8% затруднились ответить. Это говорит о том, что у учащихся сильная мотивация к изучению языка.

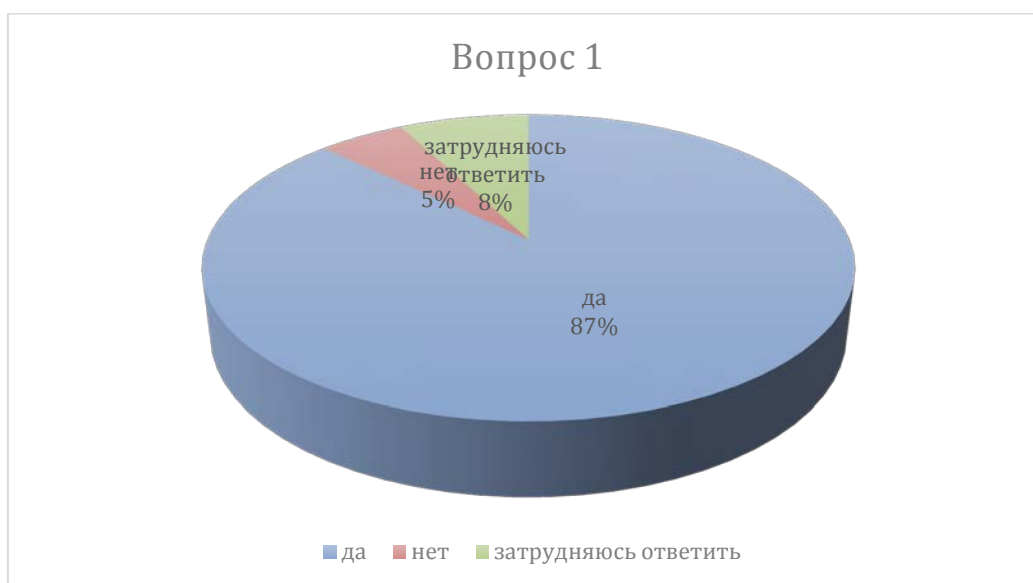

Рисунок 1.

Второй вопрос был направлен на выявление отношения учащихся к чтению: нравится ли им данный вид учебной деятельности, какие чувства они испытывают. Так, 62% респондентов ответили утвердительно, 28% отрицательно и 10% затруднились ответить (рис.2).

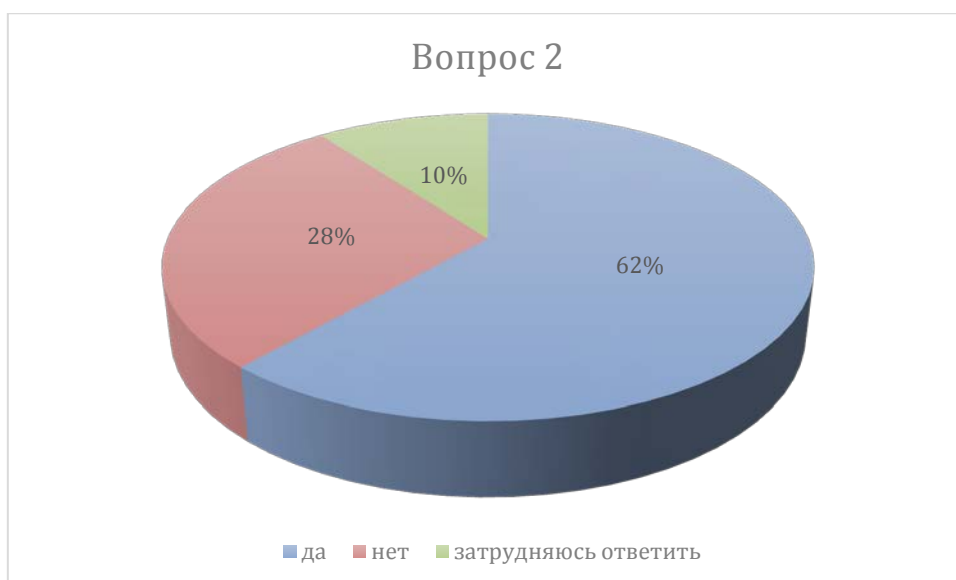

Рисунок 2.

Результаты третьего вопроса «Читаете ли вы тексты на китайском языке, не входящие в основную программу?» показали, что только 5% респондентов ответили утвердительно, 64% отрицательно и 31% затруднились ответить (рис.3).

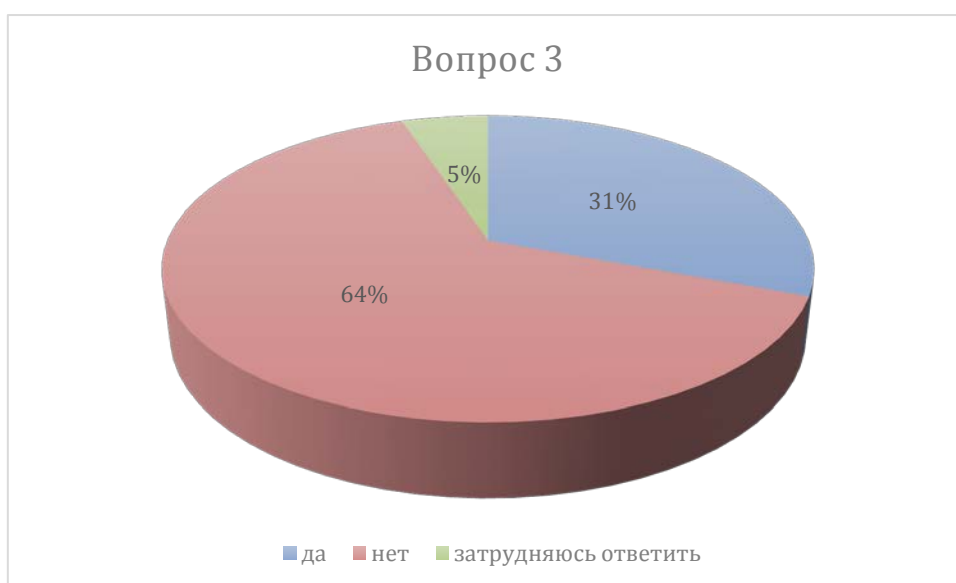

Рисунок 3.

Согласно четвертому вопросу только 10% опрошенных читают китайские сказки или легенды. Остальные 64% их не читают и 26% затруднились ответить (рис.4).

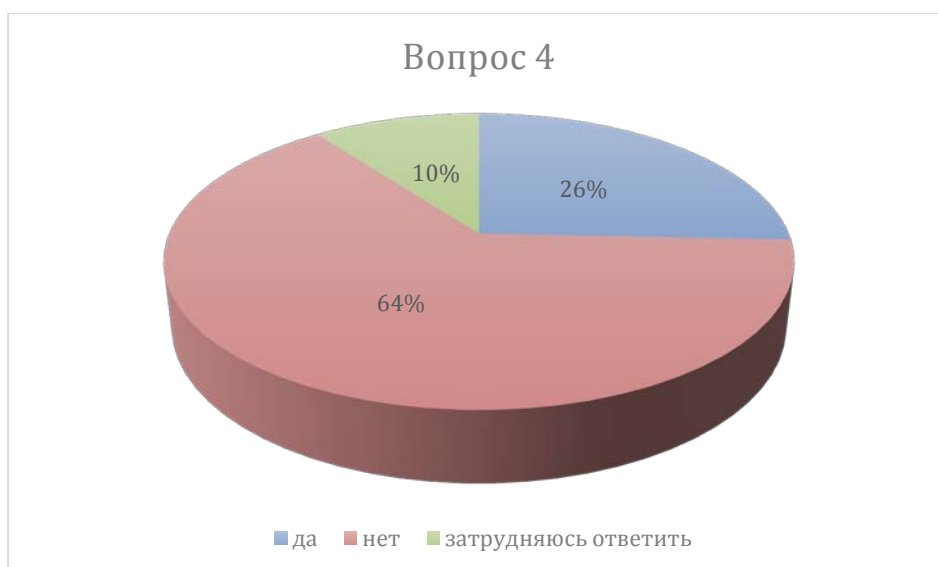

Рисунок 4.

В пятом вопросе студенты должны были указать название известной им китайской сказки/легенды. Он был адресован тем, кто утвердительно ответил на вопрос «Вы читаете китайские сказки или легенды?» Так, среди прочих ответов были: легенда о Паньгу, легенда «Лян Шаньбо и ЧжуИнтай», притча о старце из Сай, который потерял лошадь и др.

Вопрос «Хотели бы вы изучать китайские сказки на занятиях китайского языка?» состоял из закрытых ответов с комментариями. Согласно диаграмме, представленной ниже, мы видим, что 53% респондентов изъявили желание изучать китайские сказки, так как благодаря им они могут расширить свой кругозор, а по мнению 22% это поможет пополнить словарный запас. Для 19% студентов решающим критерием выбора стала подача материала преподавателем. Для 6% студентов причиной выбора отрицательного ответа послужил сложный уровень лексики, излишнее, по их мнению, использование в тексте художественных оборотов. Среди студентов не было ни одного, кто считал, что содержание китайских сказок, легенд или других коротких рассказов, составляющих китайский фольклор неактуально и безынтересно (см. рис.5).

Рисунок 5.

По результатам седьмого вопроса 26% опрошенных хотели бы изучать только китайские сказки, 54% предпочли восточные сказки (китайские, японские, корейские и др.), 10% выбрали китайские, русские и татарские сказки, а оставшиеся 10% сказки разных народов мира. Благодаря данной информации, преподавателю будет легче выбирать учебный материал.

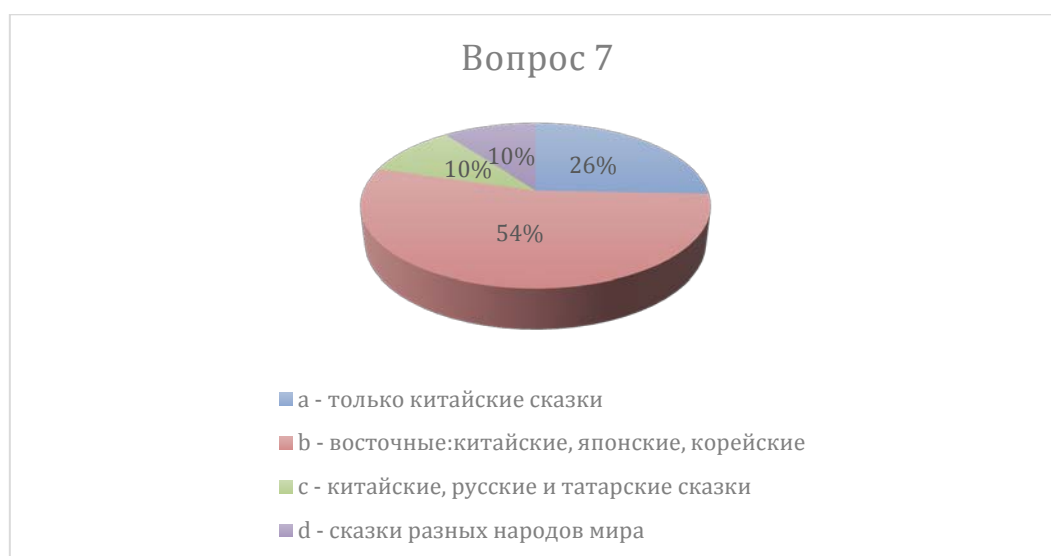

Рисунок 6.

В восьмом вопросе респонденты должны были выбрать, какие аспекты языка наиболее задействованы и развиваются на занятиях чтением, где 1 – максимальная степень задействованности, а 4 – наименьшая.

По итогам опроса 59% опрошенных считают, что во время занятия чтением лучше всего развивается навык перевода. На втором месте навык чтения вслух, его выбрали 41% студентов. Такой выбор обусловлен структурой занятий, при которой студенты обычно читают вслух и переводят предложения. В некоторых случаях преподаватель дает студентам задание подготовить беглое и выразительное чтение текста вслух. Все это направлено на активную отработку конкретно данной компетенции. 56% опрошенных на третье место поставили грамматику. Это ожидаемый результат. Традиционное чтение текстов не подразумевает введение новой грамматики, а скорее повторение и закрепление грамматических структур. Больше половины опрошенных – 51% отдали четвертое место навыку говорения. Это объясняется тем, что на развитие подобного навыка на занятиях чтением отведено очень мало упражнений.

Последние два вопроса были нацелены на определение фоновых знаний учащихся. Так, лишь 7% опрошенных знакомы с идиомой о «Волопасе и ткачихе» и связанной с ней легендой, а 86% ответили отрицательно. Для сравнения, по популярности эта легенда сродни преданию о Жар-птице в русской культуре. Это еще раз подтверждает тот факт, что необходимо использование китайского фольклора на занятиях китайского языка.

Рисунок 7.

Десятый вопрос также непосредственно связан с вышеупомянутой легендой. Респондентам необходимо было выбрать какому китайскому

празднику соответствует китайского название «七夕» (Циси или Праздник двойной семерки).

Из всех опрошенных правильно ответили только 21% студентов. Из этого мы можем сделать вывод, что большинству студентов традиционный китайский праздник не знаком и выбранная нами притча сможет обогатить их знания в области китайской культуры.

Рисунок 8.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

Цель данного этапа – эмпирическим путем удостовериться в том, что использование коротких рассказов-притч в сочетании с технологиями интенсивного чтения способствует успешному обучению иностранному языку.

Задачи:

- осуществить на практических занятиях китайского языка разработанный нами план занятий и входящий в него комплекс упражнений;
- развить и укрепить языковые, коммуникативные и лингвострановедческие навыки учащихся.

Так, в качестве текстового материала мы использовали китайские притчи, адаптированные для студентов, изучающих китайский язык как иностранный. Особое внимание уделялось объему, жанру, лексике и грамматике текстов – основным критериям отбора литературы для интенсивного чтения. Так, объем текстов был не больше страницы А4. Были введены новые грамматические

структуры. Лексика на уровень выше уровня учащихся, но не значительно сложной.

За месяц занятий студенты изучили два рассказа по мотивам легенд «Волопас и ткачиха» (634 иероглифических знаков) и «Как Хоу И одолел десять солнц» (326 иероглифических знаков). К каждому рассказу был составлен список активной лексики и комплекс упражнений. Параллельно был структурирован план занятий.

Подготовительная работа проходила во время занятий: сперва преподаватель со студентами обсудил особенности и традиции китайского праздника Цисийзе мультимедийная презентация, аудио- и видеоматериалы (китайский День всех влюбленных). Отдельное внимание было уделено тому, как история двух влюбленных Волпаса и Ткачихи вдохновила на создание отдельного праздника.

Был тщательно изучен и разобран новый лексический материал: отработаны готовые примеры использования новой лексики в речи; проведен диктант; для отработки владения лексико-грамматическим материалом, дано домашнее задание составить предложения с новыми словами.

Чтобы чтение и понимание текста не вызывало у студентов трудностей, не снижало их мотивации, помимо повторения пройденной ранее грамматики (пассивный залог) в урок была включена одна новая грамматическая конструкция кольцевого типа – 非...不可. На этом предтекстовый этап был закончен.

Затем студентам было дано задание читать текст про себя и параллельно слушать аудиозапись (просмотровое чтение). Когда текст был прослушан и прочитан, студенты отвечали устно на вопросы (на русском и китайском языке). Это упражнение было направлено на выявление общего понимания фабулы и идеи текста урока. Затем вместе с преподавателем студенты приступили к чтению текста вслух и переводу.

На послетекстовом этапе учащиеся должны были выполнять лексико-грамматические задания, которые были направлены на отработку выборочного чтения, закрепление новых слов и пройденной грамматики.

По результатам индивидуальных заданий и во время выполнения послетекстовых упражнений, мы выявили неоднородность уровня языковых компетенций у студентов одной и той же группы.

Учащиеся с хорошей успеваемостью по китайскому языку, как правило, показывали хорошие результаты. При составлении собственного рассказа они использовали сложные грамматические структуры, активно вводили новую лексику и совершали меньше лексико-грамматических ошибок. Студенты со средней успеваемостью, несмотря на испытываемые трудности, также показали неплохие результаты и были активными на занятиях. Это важный для нас показатель, так как это и является целью введения интенсивного чтения в процесс обучения.

Необходимо отметить и то, что задания по второй притче «Как Хоу И одолел десять солнц» учащиеся выполнили лучше, работая над заданиями они учитывали свой прошлый опыт и были более уверенными и активными во время занятия.

Для того, чтобы выявить положительное влияние китайского фольклора и вышеупомянутых упражнений на развитие языковых компетенций студентов мы сделали тщательный анализ проведенных занятий, выполненных студентами заданий и провели итоговый опрос (см. Приложение 2).

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭТАП

После прочтения и выполнения упражнений был проведен опрос студентов, где они должны были дать оценку формату проведения занятий чтением, а также собственным результатам, достигнутым во время занятий.

Задачи итогового опроса:

- провести письменный опрос;
- проанализировать полученные результаты;
- сопоставить результаты констатирующего и контрольного этапа.

Итоговый опрос включает в себя шесть вопросов разной направленности. Пять вопросов с вариантами ответов и один открытый вопрос.

Нам было важно понять следующие аспекты: изменилось ли отношение студентов к чтению притч/легенд на уроках китайского языка, мотивирует ли их заданная нами модель интенсивного чтения, полезно ли интенсивное чтение для развития навыков перевода, расширения словарного запаса и усвоения грамматических структур.

Первый вопрос касался отношения учащихся к чтению такого жанра как легенды/притчи, на констатирующем этапе только 10% студентов интересовались китайским фольклором. После проведения занятия, мы видим явное изменение в отношении респондентов. Так, 86% респондентов ответили утвердительно, только 2% отрицательно 13% затруднились ответить. Мы можем сделать вывод, что большинству учащихся понравилось чтение китайских притч.

Перед началом занятий только 22% опрошенных считали, что изучение произведений китайского фольклора поможет им расширить словарный запас. В итоговом опросе мнение учащихся изменилось, это отражают результаты второго вопроса «Согласны ли вы, что чтение китайских притч помогает расширить словарный запас?»: 86% респондентов ответили утвердительно, 9% отрицательно и 5% затруднились ответить.

Согласно результатам по третьему вопросу мнения студентов разделились поровну: 35% ощущают видимую эффективность от чтения фольклора в запоминании грамматических структур, 30% не согласны с этим утверждением, а 35% затруднились ответить. Это объясняется тем, что изначально студенты были настроены на то, что данный аспект языка развивается в последнюю очередь (по степени развития и отработки студенты поставили грамматику на четвертое место).

В четвертом вопросе респонденты должны были выбрать, какие аспекты языка, по их мнению, удалось развить лучше всего и здесь результаты совпали с результатами опроса на констатирующем этапе. В наибольшей степени им

удалось развить навык перевода – 84%, за ним следует навык чтения вслух – 56%. Грамматика (25%) и говорение (18%) разделили с третье и четвертое место. Наконец, 5% опрошенных выбрали развитие владения лексическим материалом.

На пятый вопрос «Хотели бы Вы продолжать изучение китайского фольклора на занятиях чтением?» большинство ответило положительно – 80%, 13% затруднились с ответом и 7% ответили отрицательно.

В последнем вопросе студентам необходимо было развернуто написать свои пожелания и рекомендации, которые могли бы оптимизировать занятия чтением. Помимо увеличения объема заданий, добавления творческих упражнений (разыграть притчу по ролям, сценки), студенты отметили, что изучение притч было интересным, однако они должны излагаться более разговорным, современным китайским языком.

Опрос студентов показал, что большинство из них видят пользу и проявляют интерес к чтению китайских притч. Наши прогнозы оправдались. По их мнению, это способствует увеличению словарного запаса, развитию навыков чтения и перевода. Более того, они положительно относятся к тому, чтобы преподаватель в дальнейшем использовал такой формат обучения.

Стоит отметить и тот факт, что подобные занятия оказали существенное влияние на развитие коммуникативной языковой компетенции студентов: во время занятий они активно использовали пройденную лексику и грамматические структуры, они лучше, чем обычно справлялись с поиском нужной информации в тексте, отвечали полно и структурированно.

ВЫВОДЫ

По результатам всех трех этапов нами были сделаны следующие выводы:

1. Использование коротких рассказов-притч на занятиях китайским языком вызывает интерес учащихся к китайской культуре, а также повышает их мотивацию к изучению языка.

2. Разработанный нами комплекс упражнений способствует развитию навыков чтения вслух, перевода и говорения.

3. Реализация модели интенсивного чтения показала эффективность, что, в первую очередь, отразилось в расширении словарного запаса и активного использования новой лексики учащимися.

4. Благодаря изучению китайских притч расширяются фоновые знания учащихся, усиливается лингвострановедческая компетенция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метод интенсивного чтения в сочетании с короткими сюжетными историями на китайском языке являются эффективным способом разнообразить занятия по китайскому языку, создать языковую среду, познакомить студентов с миром китайской культуры и вследствие чего усилить у них мотивацию к освоению языка.

С помощью технологий интенсивного чтения оптимизируется сам ход обучения. Студенты учатся воспринимать текст на слух, переводить его на родной язык, обрабатывать полученную информацию, делать выводы и суждения, строить собственные речевые высказывания на китайском языке. Таким образом, учащиеся не только развивают навык чтения как таковой, но и письмо, говорение. В сочетании с практикой подобные навыки будут доведены до автоматизма.

Анализ проведенных занятий, позволил нам оценить знания студентов, выявить их слабые места. Итоговое задание потребовало от студентов самостоятельно составить сочинение на основе пройденного материала: лексики, грамматических структур. На этапе проверки задания отдельное внимание мы уделили логике и целостности составленного текста.

Китайские притчи представляют собой особую ценность как материал для обучения китайскому языку. Благодаря им студенты познакомились с китайскими традиционными праздниками, а также узнали смысл известных фразеологизмов. На протяжении занятий студенты проявляли искренний интерес к этому жанру, отметили его культурную ценность и главное – желание продолжать использовать его на занятиях чтением.

Литература

1. *Алиева А.Э.* Коммуникативный подход в обучении чтению. Проблемы педагогики. 2016. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-podhod-v-obuchenii-chteniyu> (дата обращения: 04.04.2020).
2. *Иоффе А.* Учитель как рассказчик и повествователь. Учительская газета. 2017. №41. С.5–10.
3. *Короткина И.Б.* Обучение чтению на иностранном языке в современном университете. 2-ое изд.: монография: Москва, 2020. 186с.
4. *Мирошниченко С.А., Лесохина А.М., Лабазина Л.Н.* Аналитическое чтение как средство формирования аналитической и интерпретационной компетенций у студентов языкового вуза. Ярославский педагогический вестник, 2015. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskoe-chtenie-kak-sredstvo-formirovaniya-analiticheskoy-i-interpretatsionnoy-kompetentsiy-u-studentov-yazykovogo-vuza> (дата обращения: 10.04.2020).
5. *Молодых-Нагаева Е.Г., Нордман И.Б.* Особенности обучения чтению текстов по специальности на иностранном языке в техническом вузе. Теория и практика общественного развития, 2015. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obucheniya-chteniyu-tekstov-po-spetsialnosti-na-inostrannom-yazyke-v-tehnicheskom-vuze> (дата обращения: 16.04.2020).
6. *Kulikova E.* Comparative Studies of Chinese and Russian folktales. Master's thesis. Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, 2018. 30 p. // URL: <http://kreader.cnki.net/Kreader/CatalogViewPage.aspx?dbCode=cdmd&filename=1018870836.nh&tablename=CMFD201802&compose=&first=1&uid=> (дата обращения: 16.05.2020).
7. *李连技.* 浅谈中级阶段对外汉语阅读教学. 渤海大学国际交流学院, 辽宁锦州, 2012. 2页.
8. *栾育青.* 对外汉语阶段促进自主学习的支架式教学探索. 首都经济贸易大学, 国际学院, 北京, 2013. 3页.

References

1. *Alieva A.E.* (2016). The communicative approach in teaching reading. Moscow, Problemy pedagogiki // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-podhod-v-obuchenii-chteniyu> (accessed: 04.04.2020). (In Russian)
2. *Ioffe A.* (2017). The teacher as a storyteller and narrator. Moscow, Uchitelskaya gazeta. Pp. 5–10. (In Russian)
3. *Korotkina I.B.* (2020). Teaching reading in a foreign language at a modern university. 186 p. Moscow, monography, second edition. (In Russian)
4. *Miroshnichenko S.A., Lesokhina A.M., Labazina L.N.* (2015). Critical reading as a means to develop analytical and interpretive competence of students of linguistic higher educational institution. Yaroslavl, Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskoe-chtenie-kak-sredstvo-formirovaniya-analiticheskoy-i-interpretatsionnoy-kompetentsiy-u-studentov-yazykovogo-vuza> (accessed: 10.04.2020). (In Russian)
5. *Molodykh-Nagaeva E.G., Nordman I.B.* (2015). Features of teaching reading texts in a foreign language at a technical university. Teoriya i praktika obshchestvenno gorazvitiya // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obucheniya-chteniyu-tekstov-po-spetsialnosti-na-inostrannom-yazyke-v-tehnicheskome-vuze> (accessed: 16.04.2020). (In Russian)
6. *Kulikova E.* (2018). Comparative Studies of Chinese and Russian folktales. Master's thesis. Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou. 30 p. // URL: <http://kreader.cnki.net/Kreader/CatalogViewPage.aspx?dbCode=cdmd&filename=1018870836.nh&tablename=CMFD201802&compose=&first=1&uid=> (accessed: 16.05.2020). (In Chinese)
7. 李连技. 浅谈中级阶段对外汉语阅读教学. 渤海大学国际交流学院, 辽宁锦州, 2012. 2页. (In Chinese)
8. 栾育青. 对外汉语阶段促进自主学习的支架式教学探索. 首都经济贸易大学, 国际学院, 北京, 2013. 3页. (In Chinese)

Авторы публикации

Мирзиева Лейсан Рифхатовна –
 Магистр преподавания китайского языка
 как иностранного,
 старший преподаватель кафедры
 алтаистики и китаеведения
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Казань, Россия
 Email: ch_leisang@mail.ru

Куликова Евгения Николаевна –
 магистр преподавания китайского языка
 как иностранного,
 ассистент кафедры алтаистики и
 китаеведения
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Казань, Россия
 Email: xianjing312@mail.ru

Ли Сьюань –
 магистр гуманитарных наук,
 старший преподаватель,
 Институт Конфуция Казанского
 (Приволжского) федерального
 университета
 Казань, Россия
 Email: 120151687@qq.com

Authors of the publication

Mirzиеva Leisan Rifhatovna –
 Master of teaching Chinese as a foreign
 language,
 Senior lecturer,
 Department of Altaic Studies and Sinology
 Kazan (Volga region) Federal University
 Kazan, Russian Federation
 Email: ch_leisang@mail.ru

Kulikova Evgeniia Nikolaevna –
 Master of teaching Chinese as a foreign
 language,
 Assistant,
 Department of Altaic Studies and Sinology
 Kazan (Volga region) Federal University
 Kazan, Russian Federation
 Email: xianjing312@mail.ru

Li Siyuan –
 Master of Arts,
 Senior lecturer,
 Confucious Institute in Kazan Federal
 (Volga region) University
 Kazan, Russian Federation
 Email: 120151687@qq.com

Приложение 1

Первичный опрос

Уважаемый студент! Не забудь напротив выбранного ответа поставить «галочку» или подчеркнуть его. Спасибо за участие!

Напротив выбранного вами ответа поставьте «галочку» или подчеркните его.

Общая информация

Пол:

женский

мужской

Возраст:

18 лет

19 лет

20 лет

21 год

Курс, специальность: _____

Как долго изучаете китайский язык: _____

Основная часть

1. Интересуетесь ли вы культурой Китая?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

2. Вы любите читать на китайском?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

3. Читаете ли вы тексты на китайском, которые не входят в основную программу?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

4. Вы читаете китайские сказки или легенды?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

5. Если вы читаете китайский фольклор, укажите, какая сказка/легенда вам нравится больше всего? _____

6. Хотели бы вы изучать китайские сказки на занятиях китайского языка (допускается несколько вариантов ответа) :

Да, это позволяет расширить кругозор, глубже понять китайскую культуру

Да, благодаря этому обогащается лексический запас, в частности китайских чэньюев, фразеологизмов

Нет, содержание их неактуальное, неинтересное для учащихся

Нет, язык изложения сложный, много художественных слов, оборотов трудных для понимания

Зависит от того, как преподаватель подаст материал

Другое: _____

7. Сказки каких народов вы хотели бы изучать на занятиях КЯ:

Только китайские сказки

Восточные: китайские, японские, корейские и др.

Китайские, русские и татарские сказки

Разных народов мира. Чем больше культур, тем интереснее

Другое: _____

8. Какие аспекты языка чтение сказок на китайском языке позволяет развить?

Распределите критерии по степени важности, где 1 – самый важный критерий.

Навыки перевода

Грамматика

Навыки говорения

Навыки чтения вслух

Другое: _____

9. Знаете ли вы, что означает и как переводится с китайского языка идиома 牛郎织女? (если ответ «да», укажите в скобках перевод)

Да ()

Нет

Затрудняюсь ответить

10. Что представляет из себя праздник 七夕:

Это день поминовения предков, усопших

В этот день устраиваются состязания на драконьих лодках

Это седьмой день по лунному календарю после наступления Праздника Весны

Это день влюбленных «по-китайски»

Это день любования китайской сливой Мэйхуа

Приложение 2

Итоговый опрос

Уважаемый студент! Не забудь напротив выбранного ответа поставить «галочку» или подчеркнуть его. Спасибо за участие!

1. Понравилось вам изучение притч 牛郎织女 и 后羿射日 на занятиях чтением?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

2. Согласны ли Вы, что чтение китайских притч помогает расширить словарный запас:

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

3. Помогает ли чтение китайских притч запомнить грамматические структуры:

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

4. Какие языковые навыки Вам удалось развить в наибольшей степени?

Навыки перевода

Грамматика

Навыки говорения

Навыки чтения вслух

Другое: _____

5. Хотели бы Вы продолжать изучать китайский фольклор на занятиях чтением?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

*Напишите, какие у вас пожелание к данному формату занятий чтением на КЯ:

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.289-299

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

О.В. Бабенко

ovbabenko.kpfu@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается аудиовизуальный перевод (далее – АВП) как один из современных и модных направлений подготовки переводчиков. Актуальность темы определяется значительной многогранностью форматов АВП в современном мире, его интерактивным потенциалом, широтой его распространения в мире и необходимостью углубленного изучения его особенностей студентами, будущими переводчиками. На основании анализа материала, в статье представлены выводы о способах подготовки переводчиков в университете к работе с аудиовизуальным контентом.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; АВП; аудиовизуальный переводчик; АВ-переводчик; студент; переводческая подготовка в университете

Для цитирования: Бабенко О.В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 289–299.

AUDIOVISUAL TRANSLATION AS RELEVANT ISSUE OF TRANSLATORS' PREPARATION

O. V. Babenko

ovbabenko.kpfu.@gmail.com

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article highlights audiovisual translation as a topical issue of would-be translators' preparation. Audiovisual translation possesses a wide range of tools and aspects, it has an interactive perspective, diversity of formats and quick propagation in the modern world. The article presents the possible ways of young translators' university preparation for audiovisual translation. Empirically speaking, the strongest probable preparation formats have been considered.

Key words: audiovisual translation; AVT; audiovisual translator; translator university preparation; student

For citation: Babenko O.V. Audiovisual translation as relevant issue of university translators' preparation. *Kazan Linguistic Journal*. 2020; 3(3): 289–299. (In Russ)

Цифровые технологии стремительно меняют наш мир: мы проводим много времени за электронной документацией, взаимодействуем в виртуальном пространстве в форматах видеоконференций, чатов, просматриваем визуальный контент в сети, прослушиваем аудиокниги или наслаждаемся аутентичной

оперой с визуальной опорой на субтитры на родном языке... Поступает огромное количество информации – нужно уметь оперативно ее осмыслить, обработать, нужно оставаться на плаву и уметь отвечать вызовам XXI века – века цифровой революции в ключевых сферах человеческой жизни и, главное, в образовании. Готовы ли выпускники вузов к этим преобразованиям? Смогут ли они составить конкуренцию тем, кто быстро осваивает технологии и готов учиться новому? Тем более, что незаметно подросло поколение, закаленное телевидением, готовое делать фоторепортаж из своей жизни, воспитанное квестами, флешмобами, соцсетями, блогами, челленджами и клиповым Инстаграмом. Поколение, которое воспринимает тексты формата А4 как «долгое чтение» (longread), которому нужно видео-сопровождение информации для лучшего ее освоения.

Переводчики также осваивают новые технологии: письменные переводчики составляют электронные лексические базы согласно определенной тематике и учатся редактировать машинописные переводы, устные переводчики апробируют видео-формат (онлайн-формат) для последовательного и синхронного переводов. Однако чаще всего это происходит за рамками программ университета, в индивидуальном порядке. Что мы наблюдаем, в частности, в отношении аудиовизуального перевода.

Делайа Кармела Кьяро подчеркивает, что аудиовизуальный перевод (далее – АВП) «обоюдосторонняя передача вербальных компонентов, содержащихся в аудиовизуальных произведениях, с одного языка на другой – акустически и визуально. Обычно, но не всегда, это осуществляется с помощью устройств» [6]. Этот перевод также называют мультимедиа переводом, медиа-переводом, мульти-модальным переводом, экранным переводом. Художественные фильмы, телепрограммы, а также с недавних пор мюзиклы, опера, контент веб страниц и компьютерных игр. Как отмечает в своих работах госпожа Кьяро, опера с недавних пор исполняется аутентично, на языке оригинала, зритель при этом наблюдает субтитры на сцене (именуемые

surtitles). Кроме того, повсеместными становятся электронные либретто, размещаемые на задних спинках кресел в зале.

Рассмотрим особенности аудиовизуального перевода, которые обязательно нужно учитывать при подготовке студентов к работе с этим видом перевода:

- псевдоустность (F. Chaume, P. Zabalbeascoa) – собственные правила воспроизведения устной речи, когда спонтанность речи на самом деле тщательно спланирована, продумана и интегрирована с видеорядом [3];

- полимодальность (D. Delabastita, Y. Gambier, K. Gottlieb) – система, которая состоит из четырёх параллельных значимых потоков: невербальный видеоряд (происходящее на экране), вербальный видеоряд (надписи в кадре, титры, субтитры), невербальный аудиоряд (сопровождающая музыка, звуки, шумы), вербальный аудиоряд (кинодиалог, песни). Визуальный ряд имеет приоритет перед вербальным [2];

- динамическая эквивалентность – по мнению А.В. Козуляева, в АВП динамическая эквивалентность направлена на реакцию зрителя и стремится обеспечить одинаковость эмоционального воздействия АВ-произведения на зрителя независимо от языка [4, 2];

- жанровость, социолектность – обязательный учет возрастных характеристик, пола, социального происхождения, стилистических особенностей жанра АВ-произведения, с которым работает переводчик; умение переводчика переключаться с одного уровня общения на другой, соблюдая при этом жаргон людей разных профессий, их прошлое [3];

- транскреативность (R. Banos-Pinero, D. Kapsakis) – креативная адаптация, переосмысление, уход от буквализма при переводе исходного произведения с целью достижения того же эмоционального и поведенческого эффекта на представителей целевой аудитории, что и оригинальное произведение [3];

- сжатость как особенность структуры – компрессия особенно ярко проявляет себя при субтитровании, в котором есть строгие ограничения

по длине субтитра, потому АВ-переводчику необходимо обладать знанием ряда технических требований к переводу сцены, которая находится в данный момент в кадре: субтитр прошлой сцены не может появиться в следующей [3];

- когнитивная ориентированность (P. Otero, A. Matamala), созданная для «погружающих сред»: стереокино, виртуальной реальности, смешанной реальности (учет особенностей современной аудитории, окруженной интерактивной визуальной средой, клиппированной информацией) [3];

- полисемиотичность, многокомпонентность (Díaz-Cintas, Лотман, Цивьян) – учет не только вербальной информации, но фоновых смысловых структур, создающих цельность аудиовизуального произведения, визуализация вербального ряда [3, 2];

- сюжетность, понятие двойной реконструкции – АВП-произведение – не просто освещение определенных событий, но и, согласно С.М. Эйзенштейну, восприятие происходящего зрителем на основе его индивидуального опыта, фоновых знаний, эмоционального восприятия [3];

- социокультурная направленность (T. Suojanen) – серьезный анализ целевой аудитории, учет ее лингворечевых, культурных, демографических особенностей [3];

- экстралингвистичность, междисциплинарность, транскультурация – АВП-произведения идут по более глубокой направленности на ту или иную аудиторию с одной стороны, и по широким дорогам наднационального влияния на широкие массы зрителей – с другой. АВП построен не на одной или нескольких областях знаний, но целой плеяде междисциплинарных точек соприкосновения;

- понятие «коллективного автора», когда АВП-произведение – творение рук целой команды профессионалов, единого АВ-организма [3];

- интерактивность. АВП – особый вид перевода, комбинирующий гамму современных технологий и высоких человеческих умений со стороны переводчика и спектр различных уровней восприятия (вербальный, визуальный, музыкально-слуховой) – со стороны получателя перевода (зрителя, слушателя).

Мир преобразуется электронно, цифровизация шагает по планете, АВП, как один из наиболее современных видов перевода, становится все более и более востребованным. Согласно докладу Европейской аудиовизуальной обсерватории (далее – ЕАО) за 2016 год, объем аудиовизуальных материалов на разных языках, предлагаемых российскому зрителю вещательными, кабельными и Интернет-каналами, и платформами, а также в вариантах стационарных, мобильных и многопользовательских игр с 2001 по 2016 год, увеличился в 65 раз [1]. В 2018 г. объем визуального контента возрос в 82 раза. Эмпирически цифра выше. И это, согласно ЕАО, только европейские и американские производители [1]. К 2020 г. ожидается рост дохода от мировой кино- и телеиндустрии 324,6 млрд долларов [2]. В последние годы возрос объем аудиовизуальной продукции Китая и Индии – и он также ждет своих переводчиков. В России в 2017/2025 гг. прогнозируется рост рынка аудиовизуального производства ежегодно на 24 процента. Рынок АВ-локализации с русского на иностранные языки будет расти не менее, чем на 2025% в год [3; 4]. Человечество все более и более окружает себя визуальным контентом. Все это означает, что растет потребность в качественном переводе аудиовизуальных произведений [2].

Есть еще один важный момент: поколение миллениалов, как дети XXI века, воспринимают мир через призму сериалов, огромного количества видео, компьютерных игр, рекламы [2]. Большие тексты без картинок часто перестают восприниматься школьниками и студентами, поскольку их мозг привык обрабатывать информацию в комбинации «малый текст+видео». Социальные сети (Инстаграм, в частности) усиливают клипированность мышления, мы должны признать, что сейчас подавляющее количество молодых людей идет от фильмов к книгам, не наоборот. Это реалии века, века креолизации жанров, стилей, течений – это нужно принять и уметь грамотно использовать.

Алексей Козуляев, один из ведущих переводчиков кинофильмов и телепрограмм в России, генеральный директор компании RuFilms, считает,

что АВП требует от переводчика соединения навыков, умений и теоретических основ нескольких научных дисциплин и профессий [3]. Г-н Козуляев подчеркивает, что «отличие профессионального перевода аудиовизуальных произведений от любительских в том, что переводчик не просто «понимает текст», не просто дает перевод текстовой составляющей на уровне слов и предложений. Он использует аудиовизуальное произведение как ориентировочную основу для своей профессиональной деятельности, изначально отличающейся от простого зрительского восприятия. Это связано с тем, что аудиовизуальный переводчик имеет дело не с реальностью, а с художественным / авторским ее осмыслением, оставляющим за кадром, вне повествования фрагменты, признаваемые коллективным автором незначимыми» [3].

Подготовка переводчика – всегда максимально мультидисциплинарная задача, вот и аудиовизуальный переводчик (далее – АВ-переводчик) должен быть не только блестящим лингвистом, но специалистом с богатым культурным, личным опытом, социальной ответственностью, должен знать азы драматургии в кино и театре. Мультизадачность – типичное состояние АВ-переводчика, поскольку АВП-перевод комбинирует речевые и внеречевые акценты, максимально учитывает визуальный и музыкальный антураж, эмоции, мимику, жесты – с адаптацией контента к культуре, языку страны, для которой АВП-контент переводится.

Программам вузов очевидно следует рассмотреть включение АВП в обязательную подготовку переводчиков, поскольку объем аудиовизуальной продукции в мире демонстрирует тенденцию к росту, а ниша субтитрирования в Интернет-пространстве (особенно это заметно по контенту You Tube) занята по большей части любителями (т.н. funsubbing и fundubbing – любительское субтитрирование и озвучивание), деятельность которых искажает представление о профессиональном переводе.

Как должна выглядеть подготовка АВ-переводчика в вузе? Многогранность АВП подразумевает несколько направлений академической

подготовки, поскольку АВП – не только обладание высоким уровнем владения родным и иностранным языками и перевода с одного языка на другой, но и знания в области:

- культурологии и социологии (АВ-переводчик должен иметь осведомленность о культурной жизни страны, для которой он намерен переводить АВ-контент, знать ее устои, традиции, менталитет, взаимодействие с другими этносами);

- киноиндустрии (только понимая, как устроен фильм и вникнув в ткань его сценария, можно максимально глубоко передать его эмоциональный фон, смысл, антураж);

- фонетики (практическое понимание артикуляции поможет в переводе под дубляж, в мультипликационном субтитровании: синтагмировании фраз и целых предложений для «укладки в губы»);

- стилистики (знание специфики жанров кинофильмов, телесериалов, игровых аудиовизуальных произведений и новостных аудиовизуальных материалов, знание профессионального жаргона и сленга разных исторических периодов, пр.) [3];

- культурологии (знание культуры и традиций страны, на язык которой переводится аудиовизуальный контент, является чрезвычайно необходимым, поскольку без адаптации может возникать диссонанс эмоций между оригиналом и переведенным АВП-произведением, следовательно, целевая аудитория может остаться в полном непонимании происходящего на экране. Особенно важно учиться переводить юмор, поскольку он может быть весьма этничен, своеобразен. Локализация юмора предельно важна, ведь если суть шуток передана успешно и разноязычная аудитория одинаково задорно смеется, значит, основная эмоциональная цель перевода достигнута);

- психологии и этики (например, работа АВ-переводчика с контентом для детской аудитории отличается от таковой для другого возраста, работа с контентом для слабослышащей и слабовидящей категорий населения также требует особой подготовки);

- современных технологий (знание программ, на основе которых производят субтитры) и т.д.

Таким образом мы понимаем, что фоновые знания АВ-переводчика должны быть максимально широкоформатными, любознательность переводчика не должна ограничиваться исключительно переводческими трансформациями и знаниями об эквивалентности перевода: чем шире кругозор переводчика, тем эрудированней и компетентней он / она как специалист. Потому имеет смысл также говорить о серьезной лингвострановедческой подготовке будущих переводчиков, ведь без глубоких знаний страны переводимого языка (равно как и своей собственной страны и родного языка) результат методической подготовки переводчика будет не совсем тот или же совсем не тот, на который рассчитывает вуз [5].

Опыт АВП-специалистов показывает, что краткосрочные методики преподавания АВП не гарантируют оптимальных результатов, потому как подготовка АВ-переводчика чрезвычайно многомерна, ведь «...это диалог автора и зрителя, сложная многоуровневая коммуникация между ними» [4; с. 13].

По мнению Степановой М.М., подготовка должна вестись и у преподавателей в двух направлениях: методическая подготовка преподавателей с помощью доступных материалов (исследований как на иностранных языках (например, Хорхе Диас-Синтаса), так и на русском: А.В. Козуляева, Р.А. Матасова, А.В. Корячкиной, И.С. Борщевского, др., открытых онлайн-курсов, вебинаров), а также специально организованная (долгосрочная) подготовка, реализуемая в различных формах [7].

В нашей стране на сегодняшний день есть три системных курса преподавания аудиовизуального перевода. Это курсы Р.А. Матасова (Высшая школа перевода МГУ), О.П. Кузевой (АНО ДПО «Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики») и А.В. Козуляева (Школа аудиовизуального перевода ООО «РуФилмс») [4; с. 20].

В основе курса Р.А. Матасова лежит локализация иноязычного и инокультурного аудиовизуального продукта посредством межъязыковой передачи элементов его лингвистической системы с учетом лингвоэтнических коммуникативных компетенций носителей ПЯ [4; с. 21].

Основу курса О.П. Кузевой составило обучение при передаче при переводе лингвистической составляющей текста и необходимой адаптации текста с учетом ряда коммуникативных факторов.

Основа курса А.В. Козуляева – обучение динамически эквивалентному переводу (подбор наиболее точного варианта исходной единицы коммуникации в языке перевода с точки зрения воздействия на эмоции и поведение реципиента) и формирование ряда переводческих компетенций [4; с. 20, 8].

Подведем итоги о наиболее важных особенностях аудиовизуального перевода, которые необходимо учитывать вузам для качественной подготовки переводчиков в этой сфере:

- самостоятельность аудиовизуального перевода как отдельной ветви перевода, которой нужно уделять внимание не просто в рамках курса «Теория и практика перевода», но создание отдельного курса для старшего бакалавриата и магистратуры преподавателями, прошедшими дополнительную подготовку в АВП-школах и имеющими опыт в работе с АВ-произведениями;

- интегративность подготовки (учет всей палитры полифакторности подготовки переводчиков к работе с АВ-произведением – многовекторность, мультинаправленность подготовки в плане знания стилистики, страноведения, культурологии, психологии, социолингвистики, фонетики, т.д.);

- реалии современности (когнитивные особенности современных поколений, окружающую среду всепоглощающей интерактивности, визуального приоритета информации, краткости ее изложения, пр., а также потребность в АВП-специалистах высокого класса на фоне постоянно растущего рынка АВ-произведений).

В заключение хотелось бы отметить, что изучение АВ-произведений и продвижение методик обучения АВП набирает силу, освещение данного

вопроса не стоит на месте. Важно учитывать современные реалии, в которых аудиовизуальный контент приоритетен, а также иметь в виду особенности восприятия материала современными студентами. Вузам необходимо готовить конкурентоспособных специалистов перевода – и не только традиционных, классических форматов. Преподавателям перевода также важно следить за последними тенденциями в переводе и быть готовыми нести их своим студентам.

Литература

1. *Воронцова А.И., Леонтьева К.А.* Взгляд на аудиовизуальную индустрию Российской Федерации. Страсбург: Европейская аудиовизуальная обсерватория (Совет Европы), 2016. 44 с.

2. *Зубкова Е.В., Погорелая Н.Г.* Достижение динамической эквивалентности при передаче реалий в аудиовизуальном переводе. Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2017. № 2. С. 138143.

3. *Козуляев А.В.* Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: дис., Москва, 2019. 234 с.

4. *Козуляев А.В.* Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 324

5. *Мухтарова А.Д.* Фоновые знания в методике обучения переводу общественно-политического текста (на материале испанской прессы). Казанский лингвистический журнал, 2018, том 1 № 4 (4). С. 120134.

6. *Степанова М.М.* Методическая подготовка преподавателя к обучению студентов аудиовизуальному переводу в вузе. Вопросы методики преподавания в вузе, 2019. Том 8. № 29. С. 3346.

7. *Delia Chiaro.* (2009). Issues in audiovisual translation, *Sociology*.

References

1. *Vorontzova A.I., Leont'yeva K.A.* (2016). Audiovisual public of RF: view: Yevropeiskaya audiovizual'naya observatoriya (Sovet Yevropy). Strasburg, 44 p. (In Russian)
2. *Zubkova E.V., Pogorelaya N.G.* (2017). Achieving dynamic equivalence of realia in audiovisual translation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 2. Pp. 138143 (In Russian)
3. *Kozulyaev A.V.* (2019) Integrative audiovisual translation teaching model: dissertation, Moscow. 234 p. (In Russian)
4. *Kozulyaev A.V.* (2015) Teaching the dynamically equivalent translation of audiovisual discourses: innovative approaches of the school of audiovisual translation. *Vestnik Permskogo nat. issled. politekhn. un-ta, Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. № 3 (13). Pp 324. (In Russian)
5. *Mukhtarova A.D.* (2018). Background knowledge in teaching social- and-political texts (on the material of Spanish newspapers). *Kazan linguistic journal*. Vol. 1 № 4 (4). Pp. 120134.
6. *Stepanova M.M.* (2019). Mastering audiovisual translation teaching technique. *Voprosy prepodavaniya metodiki v vuze. Sankt-Peterburgski politekhnicheski universitet im. Petra Velikogo*. St. Petersburg, Vol. 8, № 29. Pp 3346. (In Russian)
7. *Delia Chiaro.* (2009). Issues in audiovisual translation, *Sociology*. (In English)

Авторы публикации

Бабенко Олеся Владимировна –
к.пед.наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, Россия
E-mail: ovbabenko.kpfu@gmail.com

Authors of the publication

Olesya V. Babenko –
Candidate of Sciences (Pedagogics), associate
professor
Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
E-mail: ovbabenko.kpfu@gmail.com

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – А.Р.Лисенко

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

16+

Дата выхода в свет: 14.09.2020. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008 Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843)

233-73-28 Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – A.R. Lisenko

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

16+

Date of publication: 14.09.2020. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge